

А. А. БОКЩАНИН

КИТАЙ

И СТРАНЫ

ЮЖНЫХ

МОРЕЙ

В XIV—XVI ВВ.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Н А Р О Д О В А З И И

А. А. БОКЩАНИН

КИТАЙ
И СТРАНЫ
ЮЖНЫХ МОРЕЙ
В XIV—XVI ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

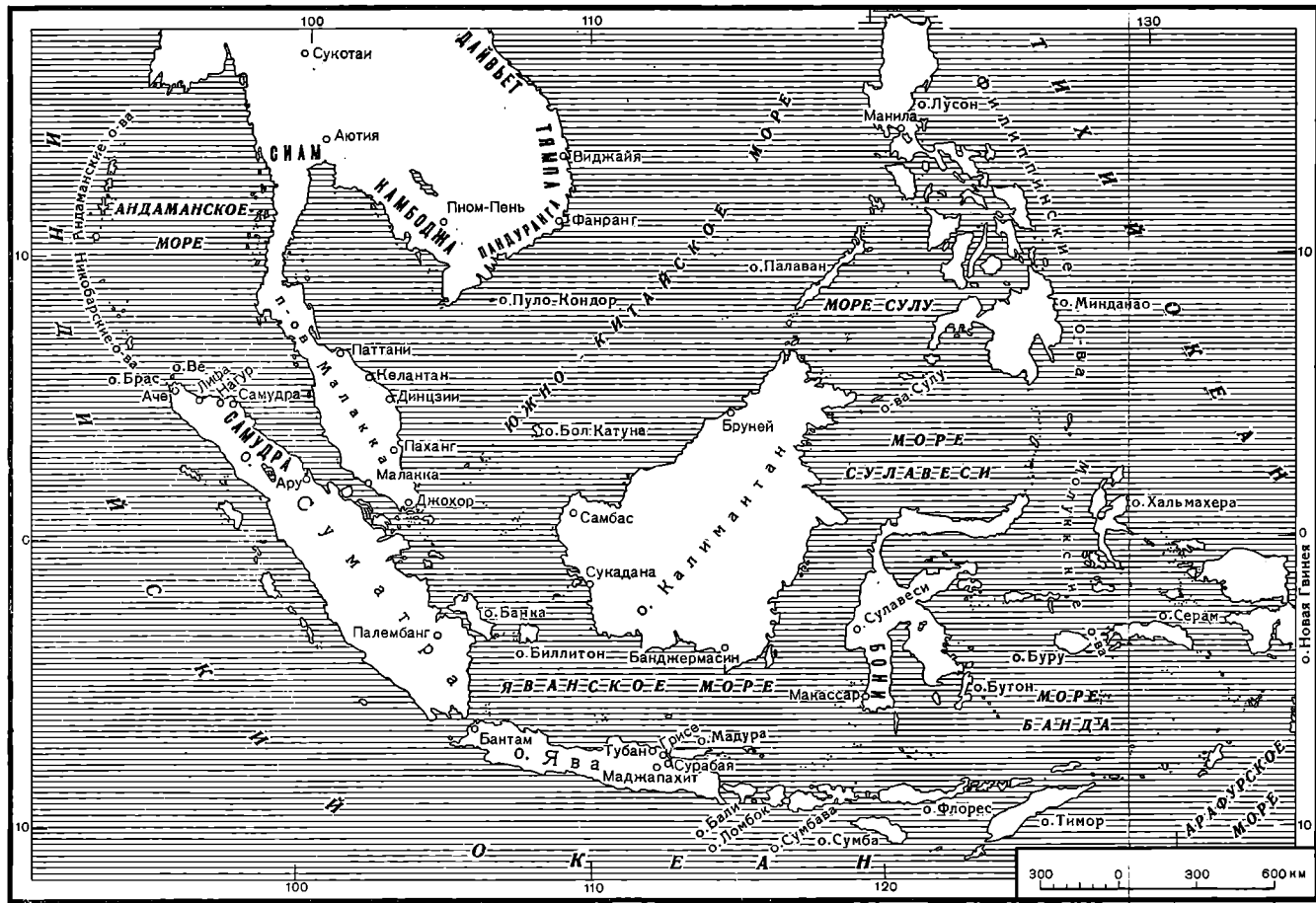
Главная редакция восточной литературы

Москва 1968

Ответственный редактор
Л. В. Симоновская

На материале китайских источников и научной литературы автор раскрывает основные черты и методы китайской внешней политики в отношении некоторых стран Юго-Восточной Азии в период позднего средневековья, начиная с падения в Китае власти монгольских феодалов (1368 г.) и кончая XVI в., когда вторжение англо-голландского капитала в страны Дальнего Востока положило начало новому периоду истории международных отношений в этом районе.

Специальный раздел книги посвящен внешнеторговой политике Китая этого времени.

Страны Южных морей в XIV—XVI вв.

ВВЕДЕНИЕ

Международные отношения и межгосударственные связи в странах Востока до вторжения туда западноевропейских колонизаторов и во время начала этого вторжения представляют большой интерес. Их изучение показывает, что задолго до появления «рыцарей капитала» из западноевропейских держав страны Азии и Африки поддерживали между собой довольно тесные дипломатические, торговые и культурные контакты. В ходе постоянного общения этих стран с соседними народами вырабатывались определенные нормы внешних сношений. Многие черты, характерные для этой системы, были присущи на определенном этапе развития всем странам. Поэтому нет никаких оснований обособлять историю внешних связей стран Востока до превращения их в объект колониальной политики западноевропейских держав от общей истории международных отношений.

Между тем если по истории межгосударственных связей европейских держав и их взаимоотношений со странами Востока имеется довольно богатая исследовательская литература, то этого нельзя сказать об изучении внешних связей между самими азиатскими и африканскими странами. В этом аспекте освещение истории внешних связей такого крупного государства, как Китай, представляет немаловажный интерес. Задача облегчается тем, что по этому вопросу имеется много письменных источников, благодаря чему отношения Китая с иноземными государствами и народами в первую очередь сопредельных стран можно проследить с довольно ранних времен. Однако данная проблема столь обширна, что ее вряд ли можно решить с помощью одного исследования. В задачу настоящей работы входит рассмотрение лишь одного из этапов истории внешних связей Китая — с конца XIV до конца XVI в.

В Китае в это время существовала обширная централизованная Минская империя (1368—1644 гг.). Она поддерживала широкие связи со многими иноземными государствами. При этом минское правительство преследовало определенные политические цели, придерживалось определенной внешнеторговой политики. Эти цели и политика не оставались неизменными и

не были одинаковы в отношении различных зарубежных стран. Тем не менее по принципу совпадения целей и методов внешней политики и внешней торговли минского правительства выделяется несколько регионов. Одним из них можно считать страны Южных морей, исследованию взаимоотношений Китая с которыми и посвящена данная работа ¹.

Термином «Южные моря» (Нань хай) в китайских источниках обозначаются не столько водные пространства, сколько страны, лежащие в этом районе. Сопоставление различных данных об их географическом положении показывает, что западная граница этого района, в представлении китайцев, проходила от о-ва Ве по Андаманским и Никобарским островам, восточная граница охватывала о-в Тимор, Молуккские и Филиппинские острова, южная — Суматру, Яву и Малые Зондские острова и северная — шла приблизительно от южной части залива Бакбо (Тонкинского) к Филиппинам ².

В середине XIV—XVI вв. в районе Южных морей существовало довольно много государственных образований. Наиболее крупными среди них были следующие. Тямпа — государство, лежавшее в юго-восточной части Индокитайского полуострова. Его население — тямы — относилось к индонезийской группе племен. Столицей была Виджайя (ныне г. Биньдинь). В результате длительных войн с вьетнамским государством Дайвьет Тямпа пала в конце XV — первой половине XVI в.

Камбоджа, которая в те времена включала и южную часть современного Лаоса. Столицей страны до 1432 г. был Анкор, а с 1434 г. — Пном-Пень.

Сиам, современный Таиланд, образование которого в пределах современной его территории относится к середине XIV в. Столицей была Аютяя.

Маджапахит — обширная империя с центром на Восточной Яве в г. Маджапахит. Начало ее созданию было положено в 1293 г. В XIV в. в зависимости от Маджапахита находились помимо всей Явы большая часть прибрежных районов Суматры, юго-западное и значительная часть северо-западного побережья о-ва Калимантан, южная часть о-ва Сулавеси, Малые Зондские и Молуккские острова. Однако уже к концу XIV — началу XV в.

¹ Автор не ставил своей задачей освещение культурных связей между китайским народом и народами стран Южных морей, ибо этот вопрос заслуживает особого исследования и его трудно ограничить взятыми хронологическими рамками.

² Район, именуемый «страны Южных морей», не совсем совпадает с современной Юго-Восточной Азией. Бирма, Вьетнам (Дайвьет) и северная часть Лаоса (которая в отличие от южной не входила в состав Камбоджи) поддерживали отношения с Китаем главным образом по материковым путям и не включались китайскими источниками в число стран Южных морей. Вместе с тем географическая близость обусловила несколько иное развитие взаимоотношений Китая с перечисленными странами, нежели с районом Южных морей.

централизация империи ослабела. Окончательное ее распадение на отдельные княжества относится к 1520 г. Китайские источники начала XV в. уже говорят о районе Палембанга (юго-восточная Суматра) как о самостоятельной стране.

Самудра — государство, лежавшее на побережье Суматры в северной части Малаккского пролива (в районе древнего города Пасе). В начале XV в. его власть распространялась на мелкие княжества северной Суматры. Позже, в XVI в., Самудра вошла в состав султаната Аче.

Султанат Малакка с центром в городе того же названия. Бурный расцвет его наблюдается почти сразу же после образования (около 1400 г.). В 1511 г. Малакка была захвачена португальцами.

Султанат Бруней, располагавшийся приблизительно в пределах современного Брунея. Его усиление относится к XVI в., когда он распространил свое влияние на значительную часть о-ва Калимантан, а также на о-ва Сулу и часть Филиппин. Это влияние было подорвано вторжением западноевропейских колонизаторов. «Мин ши» говорит о двух государствах на Калимантане — Восточном (т. е. самом Брунее) и Западном (очевидно, государство Пуни на юго-западном Калимантане)³.

Бони — бугское государство в южной части о-ва Сулавеси⁴. Его наибольшее возвышение относится к XVII в.

Государственное образование на о-ве Лусон (Филиппины). Центр его лежал в южной части острова. После захвата его испанцами административным центром становится город Манила, основанный колонизаторами в 1571 г.

Кроме перечисленных государств в районе Южных морей в конце XIV—XVI вв. находилось множество более мелких княжеств, племенных союзов, полусамостоятельных городов. Их полный перечень составил бы внушительный список: только в «Мин ши» описывается 35 «стран» этого района. Однако надо учитывать, что в данном случае китайский термин «страна» (го) мог означать как какое-либо государство, княжество или племенное объединение, так и отдельный город, поселок и даже ту или иную территорию или остров. Важно отметить, что в рассматриваемый период в Южных морях преобладали мелкие

³ «Мин ши», цз. 323, стр. 31758(4).

⁴ Французский востоковед Г. Ферран (G. Ferrand, *Le K'ouen Louen et les navigations interocéaniques dans les mers du sud*) отождествлял Бони (китайская транскрипция аналогична) с Брунеем (Поло), основываясь на сходности звучания. Эта точка зрения была принята и всеми последующими исследователями. Иногда названием Бони на картах означает даже весь о-в Калимантан (см. карту в предисловии Сян Да к «Чжэн Хэ хан хай ту»). Однако в «Мин ши» и других источниках Бони описывается отдельно от Брунея, а сличение их описаний показывает, что речь идет о двух разных странах. Исходя из этого и основываясь на полном совпадении китайского названия с названием бугского государства, мы считаем отождествление Бони с Брунеем ошибочным.

и в большинстве слабые в военно-политическом отношении государственные образования.

Уровень социального развития стран Южных морей в XIV—XVI вв. был различен. В одних наблюдались развитые феодальные отношения (Тямпа, Камбоджа, яванская часть Маджапахита), в других они только складывались (Сиам), а некоторые представляли собой племенные союзы, где еще шел процесс формирования классового общества.

Страны Южных морей лежали на морских торговых путях, издавна связывавших Передний и Средний Восток с дальневосточными странами. Поэтому внешняя торговля имела большое значение для экономического развития всего этого района. Оживленная международная морская торговля велась почти во всех его частях.

Наиболее крупными портовыми городами в рассматриваемый период были Тубан, Гресе и Сурабая на Восточной Яве, Виджайя в Тямпе, Малакка и Тумасик на восточном побережье Малаккского полуострова, Бруней, Самбас, Суадана и Банджермасин на о-ве Калимантан, Палембанг и торговые пункты Самудры на о-ве Суматра. Со второй половины XVI в. поднимается торговое значение городов Центральной и Западной Явы — Джапара и Бантама.

Отметим, что, по свидетельству Ма Хуаня, население столицы Яванской империи г. Маджапахита было примерно в три раза меньше, чем население описываемых им портовых городов Восточной Явы. Характерной чертой этих городов был многонациональный состав их жителей. В различных источниках имеются сведения, что в них существовали обширные поселения и торговые фактории выходцев из мусульманских стран Переднего Востока, из Южной и Восточной Индии и из юго-восточных провинций Китая.

Наместники или правители торговых городов стран Южных морей получали значительный доход от морской торговли. Поэтому, всячески поощряя ее, они разрешали иноземным купцам и колонистам селиться в своих владениях без особых ограничений. Рост и экономическое процветание портовых городов способствовали усилению их стремления к сепаратизму и политической независимости.

Власть правителей этих городов, как правило, распространялась не только на сам город, но и на близлежащие районы. Эти правители обычно самостоятельно устанавливали торговые пошлины и вступали в дипломатические связи с другими странами, они имели свою администрацию и войско или вооруженную охрану.

Большая часть стран Южных морей (за исключением Камбоджи и Сиамы) в рассматриваемое время была населена племенами и народностями малайской группы. В первых веках нашей эры район Южных морей подвергся сильному индийско-

му культурному влиянию. Элементы индийской культуры синтезировались здесь с местными, в результате чего образовалась самостоятельная и своеобразная культура.

К XIV в. связи Китая со странами Южных морей уже имели более чем тысячелетнюю историю. Они возникли и расширялись в тесной связи с развитием мореплавания и морской торговли обеих сторон. Первые достоверные записи о китайском мореплавании в этом районе относятся к рубежу II—I вв. до н. э. Со II в. н. э. начинают прибывать в Китай «официальные» посольские миссии из этих стран. В дальнейшем, с освоением морских путей из Китая в страны Южных морей и районы, расположенные в бассейне Индийского океана, возрастала торговля и расширялись дипломатические контакты между обеими сторонами. Связи Китая со странами Южных морей в конце XIII — начале XIV в. были несколько нарушены завоевательными походами в Юго-Восточную Азию укрепившихся в Китае у власти монгольских феодалов. Но уже со второго десятилетия XIV в. их отношения начали нормализоваться в прежних рамках посольского обмена и морской торговли.

Таково в самых общих чертах было положение в районе Южных морей к началу исследуемого нами периода.

* * *

Работа основана на китайских источниках. По своему характеру они весьма разнообразны. Сюда относятся описания иноземных стран историко-этнографического жанра. Это труды современных-очевидцев и авторов компилятивных работ XV—XVI вв., а также разделы, посвященные иноземцам, в «официальных» историях и энциклопедиях.

Из авторских работ подобного рода следует прежде всего назвать книги Ма Хуаня «Ин я шэн лань» («Обзорение берегов океана»), Фэй Синя «Син ча шэн лань» («Обзорение достопримечательностей») и Гун Чжэня «Си ян фань го чжи» («Записки об иноземных странах Западного океана»). Названные авторы были участниками экспедиций китайского флота в страны Южных и Западных морей⁵ в начале XV в. Работу над книгами они начали непосредственно во время своих плаваний и закончили ее приблизительно к началу 30-х годов XV в. Тексты книг Ма Хуаня и Фэй Синя дошли до нас во многих вариантах, как первоначальных, так и существенно переработанных в последующее время. Труд Гун Чжэня ранее считался утерянным и был обнаружен лишь в 1950 г. в единственном варианте.

Из описаний иноземных стран, относящихся к XIV в., в настоящей работе были использованы труды Хуан Син-цзэна

⁵ Западными морями китайцы называли район Индийского океана в противоположность Восточным морям — Восточно-Китайскому, Японскому и Тихому океану.

«Си ян чао гун дянъ лу» («Описание стран-данников Западного океана»), Чжэн Сяо «Хуан мин сы и као» («Исследование об иноземцах всех четырех стран света при династии Мин»), Ю Туна «Вай го чжуань» («Описание иноземных стран»), Янь Цундяня «Шу юй чжоу цзы лу» («Некоторые записки о различных иноземных краях») и Чжан Се «Дун си ян као» («Исследование Восточного и Западного океанов»).

Указанные труды представляют для настоящего исследования значительный интерес, так как в большинстве из них видное место уделено описанию отношений между Китаем и зарубежными странами. Причем излагаются события, не только современные написанию книги, но и более ранние — главным образом от конца XIV в. Сравнительная ценность этих источников весьма разнообразна. «Си ян чао гун дянъ лу», например, во многом основано на трудах Ма Хуаня, Фэй Синя и Гун Чжэня. Книги Чжэн Сяо и Ю Туна содержат довольно краткие данные. Зато следует выделить «Шу юй чжоу цзы лу» и «Дун си ян као». В первом из этих трудов цитируются и приводятся целиком многие подлинные документы — императорские указы, доклады, послания и т. п., относящиеся к взаимоотношениям между Китаем и странами Южных морей. Во втором — помимо аналогичных данных содержатся описания товаров, денежного обращения, методов торговли и торговых пошлин в заморских странах и в Китае. Это делает «Дун си ян као» незаменимым источником при изучении внешнеторговых связей Китая с этими странами⁶.

Различные материалы о связях Китая с иноземцами в XV—XVI вв. вошли в работу энциклопедического характера «Цзи лу хуй бянь» («Собрание различных записей»), составленную во второй половине XVI — начале XVII в. Шэнь Цзэ-фу.

Сводные описания заморских стран помещены в таких географических сочинениях, как «Гуандун тун чжи» («Полное описание провинции Гуандун») и составленном Ли Сянем «Да Мин и тун чжи» («Полное описание империи Мин»). Первый из названных трудов использован в редакции XVIII—XIX вв., однако многие его материалы взяты из более раннего варианта кни-

⁶ Отметим, что если по вопросу о торговле иноземцев в Китае в китайских источниках содержится довольно подробный материал, то сведения о китайской заморской торговле гораздо скуднее и отрывочнее. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, согласно принципам господствовавшей в феодальном Китае конфуцианской идеологии торговля считалась «низким» занятием, недостойным людей с высоким положением. Поэтому китайские летописцы говорили лишь о торговле иноземцев, которые не придерживались конфуцианской морали, и ограничивались самыми краткими замечаниями — чаще всего в отрицательном плане — о торговой деятельности китайцев. Во-вторых, торговые операции иноземцев в Китае подвергались тщательной регистрации со стороны провинциальных властей и посильному контролю со стороны центрального правительства. Поэтому о них имеется определенный письменный материал. Тогда как заморская деятельность китайских купцов протекала вне поля зрения отечественных регистраторов и цензоров.

ги, относящегося к XVI в. Второй труд, хотя он дает менее подробные сведения о связях с заморскими странами, заслуживает внимания, так как его дошедшее до нас издание относится к 1461 г.⁷

Большой интерес представляет описание стран Южных морей в «Мин ши» («История династии Мин»), составленной придворными историографами во главе с Чжан Тин-юем между 1678 и 1739 гг. Хотя работа над «Мин ши» проходила в условиях строгих цензурных ограничений со стороны маньчжурских феодальных властей, ценность данного источника для рассматриваемой темы заключается в том, что здесь найдла отражение «официальная» точка зрения китайского императорского правительства на историю внешних связей Китая.

Сведения о внешних связях Китая можно почерпнуть из некоторых исторических хроник. Прежде всего следует назвать «Мин ши лу» («Исторические хроники династии Мин»), также составлявшиеся придворными историками, но по ходу событий, без последующей строгой цензурной обработки⁸. Часть материала из этих хроник вошла впоследствии в раздел «Бэнь цзи» («Основные записи») в «Мин ши».

В работе использована хроника Тань Си-сы «Мин да чжэн цзуань яо» («Краткие сведения о политике великой династии Мин»), составленная в конце XVI — начале XVII в. В ней, как явствует из названия, большое внимание уделяется политической истории, и в частности отношениям с зарубежными странами. Хроника охватывает события с 1368 по 1572 г. Из более поздних исторических хроник следует отметить книгу Ся Се «Мин тун цзянь» («Полное отображение истории династии Мин»), написанную в конце XIX в.

Интересующий нас материал содержат и отдельные законодательные акты конца XIV—XVI вв. Их можно найти в «Да Мин люй» («Законы великой Минской империи») и «Да Мин хуй дянь» («Общий свод законоположений империи Мин»). «Да Мин люй» — наиболее ранний свод законов того периода. Он был составлен в 1374 г., подвергся редакции в 90-х годах XIV в. и был снабжен дополнениями к отдельным статьям в конце XV — начале XVI в. Наиболее полно в нем отражена внешнеторговая политика китайского правительства. «Да Мин хуй дянь» был составлен в первом варианте в 1477 г. Сюй Бо. Позднее, в 1502—1509 гг., этот свод был переработан. Многие интересные данные об официальных внешних связях Китая из этого

⁷ В настоящей работе использованы выдержки из указанных двух источников, касающиеся внешних связей Китая и подобранные в хронологическом порядке в энциклопедическом труде «Гу цзинь ту шу цзи чэн» («Собрание древних и современных карт и книг»), который был составлен в начале XVIII в. под общей редакцией Чэнь Мэн-лэя.

⁸ К сожалению, автор не имел возможности работать с этим источником в целом. В работе использованы лишь выдержки из него, приводимые в различных китайских изданиях.

труда помещены в хронологическом порядке в энциклопедии «Гу цзинь ту шу цзи чэн».

Некоторые законоположения и установления китайского правительства, касающиеся внешних связей, содержатся в «Мин хуй яо» («Краткие сведения о династии Мин») Луң Вэнь-биня.

Особое место занимают первоисточники, связанные с культурно-национальным моментом в развитии внешних связей Китая со странами Южных морей — экспедициями китайского флота в начале XV в. К ним в первую очередь относятся мемориальные надписи на стелах.

Одна из них, датированная 1431 г., была установлена в Люцзяцзяне (уезд Сунцзян провинции Цзянсу) и получила название Люцзяцзянской. Текст ее был найден китайским исследователем Чжэн Хао-шэном в одной из книг XVI в. в октябре 1935 г. Вторая была обнаружена в оригинале, на каменной стеле, чиновником Ван Бо-цю в январе 1937 г. Она датирована концом 1431 — началом 1432 г. и по месту установления — уезд Чанлэ в провинции Фуцзянь — названа Чанлэской. Известен также текст мемориальной надписи об экспедициях флота в начале XV в. в одном из храмов Нанкина⁹.

Кроме того, надпись на каменной стеле была оставлена китайским флотом в начале XV в. на о-ве Цейлон. Интересные данные о выдающемся китайском флотоводце того времени — Чжэн Хэ — содержатся в надписи на могиле его отца¹⁰.

Эти мемориальные надписи дают возможность уточнить датировку походов китайского флота и проливают свет на деятельность экспедиций начала XV в.

Среди прочих использованных источников следует отметить «Собрание докладов к богдыханам Минской династии из иноземных и даннических стран»¹¹. Здесь приводятся подлинные, не претерпевшие никаких официальных редакций документы о китайско-сиамских связях в XVI в.

Помимо того, отдельные, но подчас весьма ценные сведения о внешних связях Китая XIV—XVI вв. можно почерпнуть в самых разнообразных китайских источниках, в целом не имеющих отношения к интересующей нас проблематике. Например, в работе Чжу Юнь-мина (жил на рубеже XV—XVI вв.) «Цзянь вэнь цзи» («Записки о слышанном») приводится единственный сохранившийся отчет об одной из экспедиций флота Чжэн Хэ, составленный во время плавания¹². В другом труде, являющемся

⁹ Тексты этих трех надписей даны в приложении к работе Чжэн Хао-шэна «Чжэн Хэ».

¹⁰ Тексты этих двух надписей помещены в приложениях к последнему изданию труда Гун Чжэня «Си ян фань го чжи».

¹¹ Поскольку китайский титульный лист отсутствует, название источника в библиографии дается на русском языке по каталогу К. А. Скачкова (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, фонд К. А. Скачкова, № 213).

¹² Текст книги помещен в упомянутом выше энциклопедическом труде «Цзи лу хуй бянь».

по сути дела путеводителем по достопримечательным местам в районе г. Нанкина, «Кэ цзо чжуй юй» («Слово о местах, которые следует посетить приедем гостям»), написанном Гу Циюанем (жил на рубеже XVI—XVII вв.), интересны фактические данные о снаряжении экспедиций китайского флота в начале XV в. и уничтожении документов о них в конце того же столетия. Аналогичных примеров вкраплений еще более отрывочных данных о внешних связях Китая можно было бы привести много. Их выявление и сопоставление делает работу над источниками по интересующей нас проблеме особенно кропотливой и сложной.

Большой интерес представляют оригинальные карты того времени, в частности «Чжэн Хэ хан хай ту» («Мореходные карты Чжэн Хэ»), составленные в начале XV в., а также атлас XIV в. «Гуан юй ту» («Обширные земли»).

Значение и достоверность перечисленных выше источников весьма неравноценны. При сопоставлении их выявляются разночтения, а иногда ошибочная датировка тех или иных событий. Однако при должном критическом отношении к источникам и внимательном сличении данных в них можно почерпнуть богатый и разнообразный материал по изучаемому нами вопросу.

В русской дореволюционной литературе проблемы истории отношений Китая со странами Южных морей практически не рассматривались. Насколько много трудов русских востоковедов посвящено контактам Китая со Средней Азией, Южной Сибирью, племенами, обитавшими в Маньчжурии и Монголии, настолько обходились вниманием связи китайцев с их южными соседями. Только у Н. Я. Бичурина можно найти отдельные переводы из китайских источников, имеющие отношение к этой теме¹³.

Один из старейших советских историков-востоковедов, Н. В. Кюнер, частично затрагивал интересующие нас вопросы. В частности, в его лекциях, изданных в 1912 г., содержится подробное изложение истории проникновения в страны Южных морей и далее к берегам Китая первых западноевропейских колонизаторов¹⁴.

Различные аспекты истории внешних связей Китая освещаются в общих работах советских авторов: во «Всемирной истории», «Истории дипломатии», «Очерках истории Китая» Л. В. Симоновской, Г. Б. Эренбурга и М. Ф. Юрьева, книге аналогичного названия Р. Ф. Итса и Г. Я. Смолина, отдельных статьях «Большой советской энциклопедии».

Изучению одного из узловых моментов в истории внешних связей Китая со странами Южных морей — экспедиций китайского флота в начале XV в. — посвящено несколько работ

¹³ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии*.

¹⁴ Н. В. Кюнер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2. См. также Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*.

Я. М. Света¹⁵. Уделяя основное внимание освещению этих событий с точки зрения географической науки, Я. М. Свет широко показывает исторический и социальный фон этих экспедиций, которые он характеризует как торгово-дипломатические¹⁶. В целом советские авторы, касаясь указанной проблемы, ставят вопрос о причинах экспедиций как явлении, тесно связанном с экономическими и политическими процессами, которые происходили в китайском обществе того времени.

Если не считать китайской феодальной историографии, которая сливается с используемыми источниками, интерес к проблемам истории связей Китая со странами Южных морей в позднее средневековье начал проявляться в Китае еще на рубеже XIX—XX вв. Деятельность наиболее видного руководителя экспедиций китайского флота начала XV в. Чжэн Хэ интересовала известного либерального деятеля и мыслителя Лян Ци-чао¹⁷. Об этих экспедициях упоминал в своих работах и великий китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен¹⁸.

Однако в полном смысле научное изучение отдельных аспектов интересующей нас проблемы началось в Китае лишь в 30-х годах нашего столетия. Большую работу по систематизации, комментированию и переизданию источников проделал Фэн Чэн-цзюнь. Предисловия, которыми он снабдил переиздания некоторых источников, вполне можно считать самостоятельными исследованиями¹⁹. Ему же принадлежит монография по истории связей Китая со странами Южных морей²⁰. Однако автор сосредоточил основное внимание на фактологической стороне вопроса, уходя от объяснения причин и следствий исторических событий. Тот же недостаток характерен и для работ Чжэн Хао-шэна, вышедших до образования КНР и посвященных экспедициям флота в начале XV в.²¹ В первой из своих монографий Чжэн Хао-шэн, говоря о причинах экспедиций, не идет дальше «официальной» версии, изложенной в «Мин ши», и отрицает какую-либо связь этого явления с экономическими факторами. Во второй монографии вопрос ставится несколько шире: он рассматривает экспедиции в связи с политическим курсом китайской империи в XIV—XV вв.

Из исследований китайских ученых, посвященных истории внешнеторговых связей Китая со странами Южных морей и вышедших до образования КНР, можно отметить статьи Чжан

¹⁵ Я. М. Свет, *По следам путешественников и мореплавателей Востока; Дальние плавания китайских мореходов в первой половине XV в.; За кормой сто тысяч ли*.

¹⁶ Я. М. Свет, *За кормой сто тысяч ли*, стр. 67—68.

¹⁷ См. Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 67—68.

¹⁸ Сунь Ят-сен, *Программа строительства страны (1917—1919 гг.)*, — Избранные произведения, стр. 205—206.

¹⁹ Ма Хуань, *Син ча шэн лань*; Фэй Синь, *Ин я шэн лань*.

²⁰ Фэн Чэн-цзюнь, *Чжунго Нань хай цзютун ши*.

²¹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*; *Чжэн Хэ ши хуйбянь*.

Дэ-чана, Чжан Си-луня и Цзинь Бо-цзая²². Авторы в противовес мнению некоторых западноевропейских и американских синологов подчеркивают, что в конце XIV—XVI вв. связи Китая с указанными странами были весьма оживленными, и приводят в подтверждение этого интересный фактический материал.

В КНР до начала 60-х годов уделялось большое внимание изучению истории внешних связей Китая вообще и со странами Южных морей в частности²³. При этом особый интерес по-прежнему проявлялся к экспедициям флота в начале XV в. К этому вопросу обращались в своих общих работах Шан Юэ и Ли Гуан-би, ему посвящены специальные монографии, статьи и очерки популярного характера Сян Да, Чжу Се, И Мина, Хань Чжэнь-хуа и др.²⁴. Китайские историки объясняют события начала XV в. социальными и экономическими причинами. Однако единства взглядов по этому вопросу нет.

В большинстве работ проводится точка зрения, что экспедиции китайского флота в страны Южных и Западных морей в начале XV в. были подготовлены экономическим подъемом в Китае в конце XIV в. Однако они не только служили расширению внешней морской торговли Китая, но и преследовали политические цели. Чжу Се и И Мин считают, что эти политические цели заключались в укреплении международного авторитета Китая, что косвенно способствовало сохранению власти правящей верхушкой²⁵. Сян Да и Шан Юэ говорят о поисках союза с Индией в интересах борьбы с державой Тимура²⁶. Все названные авторы положительно расценивают значение экспедиций для экономического развития Китая.

Исключение представляет Хань Чжэнь-хуа. Он также выделяет экономические и политические цели экспедиций, но считает преобладающими экономические. По мнению Хань Чжэнь-

²² Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маои*; Чжан Си-лунь, *Шу лю ци шици-цзянь Чжунго цзай Иньдучжина цзи Нань ян цюньдао-ды маои*; Цзянь Бо-цзая, *Мин дай хайвай маои-ды фачжань юй чжунгожэнь цзай Нань хай-ды хуанцинь ши дай*.

²³ Был переиздан целый ряд источников. Среди них книги Ма Хуаня, Фэй Синя, Гун Чжэня, а также «Чжэн Хэ хан хай ту». В 1961 г. начала выходить серия источников по истории внешних связей Китая; было запланировано издание 42 памятников. Одновременно выпускалась серия переводных работ западных сиологов по вопросам внешних связей Китая. Издавались сборники статей по истории отношений Китая со странами Азии и Африки («Чжунго хэ Я-Фэй гэ го юхао гуаньши шилунь цзи»; Чжоу И-ляя, *Чжунго юй Я-Фэй-чжоу дэ го хэин юхао-ды лиши*).

²⁴ «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, стр. 418—421; Ли Гуан-би, *Мин дай шилуэ*, стр. 54—61; Сян Да, *Шишо Чжэн Хэ*; Сян Да, *Саньбао Тайцзянь ся Си ян*; Чжу Се, *Чжэн Хэ*; Чжу Се, *Чжунго хэ Иньдунисия жэньминь-ды юй гуаньси хэ вэньхуа льянси*; И Мин, *Чжэн Хэ ся Си ян-ды лиши бэйцзин*; Хань Чжэнь-хуа, *Лунь Чжэн Хэ ся Си ян-ды синчжи*.

²⁵ Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 33—34; И Мин, *Чжэн Хэ ся Си ян-ды лиши бэй-цин*, стр. 28.

²⁶ Сян Да, *Шишо Чжэн Хэ*; «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, стр. 419.

хуа, основной целью экспедиций было развитие казенной внешней морской торговли в противовес частной. Оплот частной китайской морской торговли он видит в китайских колонистах, обосновавшихся в Палембанге. Уничтожение этого оплота и входило в планы экспедиций. В связи с этим автор отрицательно оценивает результаты морских экспедиций начала XV в. для экономического развития Китая²⁷. Однако, на наш взгляд, приводимый Хань Чжэнь-хуа фактический материал не подтверждает его положений и выводов. В них ярко проступают черты схематизма и упрощения. Хань Чжэнь-хуа, который расходится во мнении с большинством других китайских исследователей, предпочитает упрекать в неправильной, по его мнению, оценке характера экспедиций флота в начале XV в. не своих коллег, а авторов «Большой советской энциклопедии»²⁸.

В очерках и газетных статьях об экспедициях китайского флота, появившихся в Китае в 1962—1964 гг. на страницах китайской прессы, основное внимание сосредоточивается не на причинах и характере этих событий, а на прославлении их как одной из блестящих страниц китайской истории²⁹. Политика феодального Китая в начале XV в. в заморских странах объясняется в этих работах популярного характера как вклад в дело сближения народов Азии и Африки. В этом плане также весьма показательны статьи Чжэн Хао-шэна, опубликованные в 1957 г., в которых он вновь обращается к истории внешних связей Китая в начале XV в.³⁰ Автор приходит к выводу, что китайская политика вообще и экспедиции начала XV в. как одно из ее проявлений диктовались стремлением сделать Китай центром афроазиатского единства, а также намерением проводить принципы мирного сосуществования. В этом проявилась известная модернизация автором исторической обстановки и идеализация политики феодального Китая.

В этих последних статьях, так же как и в отмеченных работах Чжэн Хао-шэна, нашло проявление то тяжелое положение, в которое были поставлены китайские ученые с конца 50-х годов. Объективные научные исследования начали тогда все больше заменяться упрощенными и тенденциозными схемами. В дальнейшем, в условиях развертывания китайскими руководителями так называемой культурной революции, научная деятельность китайских ученых оказалась прерванной.

Из работ китайских историков о внешней торговле Китая со

²⁷ Хань Чжэнь-хуа, *Лунь Чжэн Хэ ся Си ян-ды синчжи*, стр. 187—188.

²⁸ Там же, стр. 179.

²⁹ «Во го гудай шуй-шан юньшу-ды гуши»; «Чжунго гудай дилисюэця цзи луйсинця»; Линь Фэй-кай, *Чжунго хэ Фэйчжоу жэньминь юхао лиши-ды и е.*

³⁰ Чжэн Хао-шэн, *Шуу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоця-цянь-ды юй гуаньси*; *Шуу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоця-цянь цзай чжэнчжи, цзин-ци хэ вэньхуа-шан гуаньси.*

странами Южных морей следует отметить книгу Чжан Вэй-хуа ³¹. В ней подробно, на широком материале показана политика китайского правительства в области морской торговли в XIV—XVI вв. Автор рассматривает торговые отношения Китая в неразрывной связи с его внешнеполитическим курсом. Однако Чжан Вэй-хуа недостаточно внимания уделяет составу и методам морской торговли, что отражается на его оценках. Автор характеризует морскую торговлю Китая как «феодальную», что терминологически мало подходит.

Вопросы истории внешних отношений Китая привлекали внимание многих буржуазных западноевропейских и американских синологов. Однако долгое время их интересовали в основном отношения европейцев и народов присредиземноморья с Китаем. Что же касается внешней политики самого Китая, то здесь широкое распространение получило мнение об его извечном стремлении к изолированности от зарубежных стран, выдвинутое известным французским синологом прошлого века А. Ремюза ³². Крайняя точка зрения в этом отношении, высказанная М. Боу, предполагала начинать историю дипломатических связей Китая вообще лишь с 1689 г., т. е. с заключения первого договора с европейской державой ³³.

Однако, несмотря на широкое распространение указанной теории, некоторые буржуазные ученые уже в конце XIX и начале XX в. стали подходить к истории внешних связей Китая как к двустороннему процессу. Еще в 20-х годах Х. Макнэйр выражал недоумение, что в исследовательской литературе преобладают работы о деятельности иноземцев в Китае и почти нет работ о деятельности китайцев за рубежом ³⁴.

Изучение внешних связей Китая как двустороннего процесса началось с выявления и перевода источников. В 70-х годах XIX в. появились английские переводы некоторых источников относительно интересующего нас периода — XIV—XVII вв., выполненные В. Мэйерсом, В. Грёневельдтом, а затем, в начале XX в., — В. Рокхиллом ³⁵. Исследование указанных проблем началось лишь в 30-х годах, опять-таки с морских экспедиций китайского флота начала XV в. Этому вопросу было посвящено несколько работ французского сиолога П. Пельё, голландского — Я. Дёйвендака и японского — Ямамото ³⁶.

³¹ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маоу цзяньлунь*.

³² H. B. Morse, H. F. MacNair, *Far Eastern International Relations*, p. 14.

³³ M. Bau, *The Foreign Relations of China*, p. 3.

³⁴ H. F. MacNair, *The Chinese Abroad*, Shanghai, 1924, Preface, p. 17.

³⁵ W. Mayers, *China's Exploration of the Indian Ocean during the XV Century*; W. Croeneveldt, *Notes on the Malay Archipelago and Malakka*; W. Rockhill, *Notes on the Relations and Trade of China with Eastern Archipelago and the Coast of Indian Ocean in the XV Century*. Эти переводы содержат много ошибок, выявленных П. Пельё в его работах, указанных ниже, и не отвечают требованиям современной науки.

³⁶ P. Pelliot, *Les grands voyages maritimes chinois au debut de XV siecle*. P. Pelliot, *Notes additionnelles sur Tcheng Houo*; P. Pelliot, *Encore a propos des*

Остановимся на оценках причин и характера данных экспедиций буржуазными авторами. П. Пельё и Я. Дёйвендак, например, были склонны считать, что основной целью экспедиций явились поиски сокровищ и редкостей для императорского двора³⁷. Эта же точка зрения повторяется и в некоторых общих работах последнего времени³⁸. Но Я. Дёйвендак в отличие от П. Пельё объяснял этой целью лишь первые экспедиции флота Чжэн Хэ. Целью же последующих, по его мнению, были поиски жирафов, которые якобы считались при китайском дворе священными животными³⁹. Источники свидетельствуют о надуманности подобной идеалистической концепции⁴⁰. Довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой данные экспедиции явились попыткой найти новые торговые пути в страны Ближнего Востока, так как сухопутные караванные пути через Среднюю Азию были перерезаны в связи с падением обширной Монгольской империи. Эту точку зрения излагает Дж. Нидем⁴¹. Но вместе с тем он отмечает, что целью экспедиций могло быть и возвеличение императорского двора, и поиски бежавшего якобы претендента на престол. Поэтому, продолжает автор, причины экспедиций еще не выяснены⁴². В. Парселл, исследовавший историю китайской колонизации Юго-Восточной Азии, считает, что экспедиции начала XV в. имели целью закрепление сюзеренитета Китая в заморских странах⁴³. Это мнение заслуживает внимания. Однако характеризовать на данном основании эти экспедиции как «карательные», что делает В. Парселл, по нашему мнению, неудачно. Заслуживает внимания и точка зрения американского ученого Ло Чжун-пана, который связывает указанные экспедиции с поступательной тенденцией исторического развития и социально-экономической обстановкой в Китае того времени. Он считает, что начало XV в. явилось апогеем активной политики Китая на морях, которая проводилась, все нарастая, еще с X—XI вв.⁴⁴. Это нарастание, а затем падение активности китайской морской политики (с середины XV в.) автор связывает с экономическим развитием юго-восточных районов страны и соответственно с общим кризисом Минской империи.

voyages de Tcheng Houo; J. J. L. Duyvendak, *Ma Huan re-examined*; J. J. L. Duyvendak, *The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early XV Century*; J. J. L. Duyvendak, *Voyages de Tcheng Houo*; J. J. L. Duyvendak, *China's Discovery of Africa*. Ямамото, *Чжэн Хэ си чжэн као*.

³⁷ P. Pelliot, *Les grands voyages...*, p. 447; J. J. L. Duyvendak, *China's Discovery of Africa*, p. 32.

³⁸ J. Mirsky, *The Great Chinese Travellers*, p. 247.

³⁹ J. Duyvendak, *China's Discovery of Africa*, p. 32.

⁴⁰ Подробнее об этом см. А. А. Бокшанин, *Посещение стран Африки морскими экспедициями Чжэн Хэ в начале XV века*, стр. 92.

⁴¹ J. Needham, *Science and Civilisation in China*, vol. I, p. 143.

⁴² Ibid.

⁴³ V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, Preface, p. 28.

⁴⁴ Lo Jung-pang, *The Decline of Early Ming Navy*, p. 149.

Более широко к вопросу о внешних связях Китая подходят американские синологи Дж. Фэйрбэнк и С. И. Тэн. Они характеризуют весь комплекс отношений средневекового Китая с иноземными странами как «данническую систему»⁴⁵. Однако, по нашему мнению, это не отражает суть внешнеполитических связей Китая, где «дань» иноземцев должна была выступать лишь одним (и далеко не единственным) проявлением «вассалитета» зарубежных стран. Проблема изучения такого рода вассалитета затрагивалась американским исследователем Х. Хинтоном⁴⁶. Автор рассматривает взаимоотношения Китая с Бирмой и Вьетнамом, которые по китайской схеме не включались в число стран Южных морей, причем их «вассалитет» в освещении Х. Хинтона выглядит как нечто вполне реальное, закрепленное в договорных обязательствах. Это вызывает большие сомнения.

Из других аспектов интересующей нас проблемы следует отметить большую работу по изучению китайской географической терминологии стран Южных морей, сделанную П. Пельё, а также французским востоковедом Г. Ферраном и японским — Т. Фуцзита⁴⁷.

Что касается вопроса о внешнеторговых связях Китая со странами Южных морей, то до недавнего времени среди буржуазных авторов было широко распространено мнение о «нерентабельности» заморской (и вообще внешней) торговли для Китая. В. Грёневельдт, например, пришел к заключению, что Китай ничего не получал от торговых отношений с иноземцами⁴⁸. Несколько иначе та же точка зрения выражена Я. Дёйвендаком, который считал, что внешняя морская торговля Китая сводилась к приобретению императорским двором и сановниками предметов роскоши⁴⁹. Ошибочность этой точки зрения заключается в том, что она не учитывает разнообразия форм внешней торговли Китая в средние века. Здесь сказалось отождествление всей внешней морской торговли с так называемой данью двору и отдариванием. Действительно, этот товарообмен, сопровождавший «официальные» посольские отношения, в значительной части состоял из предметов роскоши и, подчиняясь политическим интересам, мог быть «нерентабельным» для императорского двора в стоимостном выражении. Однако основные внешнеторговые связи Китая с заморскими странами шли помимо «даннического» обмена. Вопрос об их «рентабельности» и

⁴⁵ J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*; J. K. Fairbank, *Tributary Trade and China's Relations with the West*. J. K. Fairbank, *Trade and Diplomacy on the China Coast*. К полемике с точкой зрения Дж. Фэйрбэнка и С. И. Тэна мы вернемся в ходе исследования.

⁴⁶ H. C. Hinton, *China's Relations with Burma and Vietnam*.

⁴⁷ G. Ferrand, *Le K'ouen Louen et les navigations interocéaniques dans les mers du sud*; Т. Фуцзита, *Чжунго Нань хай гудай цзютун ца као*.

⁴⁸ W. Groeneveldt, *Notes on the Malay Archipelago...*, p. 5.

⁴⁹ J. J. L. Duyvendak, *China's Discovery of Africa*, p. 26.

значении надо решать путем анализа не только государственной торговли, которая велась параллельно с «данническим» обменом, но и частной внешней морской торговли. Изучение этой проблемы в последнее время продвинулось вперед.

Из работ буржуазных авторов по данной проблеме следует отметить статью японского ученого С. Сакума и монографию западногерманского исследователя Б. Витхофа⁵⁰. Характеризуя так называемый морской запрет, являющийся одним из основных моментов внешнеторговой политики минского правительства, С. Сакума определяет его как меру, преследовавшую внутриполитические цели⁵¹. С этим трудно спорить, но одновременно автор приуменьшает отрицательное влияние «запрета» на развитие внешних связей Китая вообще. Б. Витхоф считает, что цель политики «морского запрета» определялась главным образом военно-политическими соображениями. Хозяйственное же назначение этой политики — установление монополии на внешнеторговые связи посредством ведения государственной торговли через «даннические» миссии — играло лишь второстепенную роль⁵². Точка зрения Б. Витхофа на периодизацию этой политики совпадает с мнением, высказанным Чжан Вэй-хуа в упомянутой выше работе. Б. Витхоф подчеркивает, что именно в конце XIV в. были определены основы этой политики, оказавшие влияние на нее в целом⁵³. Он пишет, что минский «морской запрет» резко оборвал развитие частной китайской морской торговли, наметившееся в период Сун (X—XIII вв.) и достигшее апогея при монгольской династии Юань (конец XIII — середина XIV в.)⁵⁴. Между тем известно, что именно в период Юань было положено начало политике «морского запрета», а минское правительство лишь переняло ее.

В целом в буржуазной науке интересующая нас проблема не получила полного и всестороннего освещения. Те же ее аспекты, которые затрагивались отдельными авторами, как мы показали, требуют переосмысления или уточнения. Это делает актуальным и необходимым глубокое изучение проблем истории внешних отношений Китая с марксистских позиций. Роль, которую должна сыграть в этом советская наука, особенно велика в связи с тем, что в КНР подлинный научный подход к изучению истории Китая в целом и его внешних связей в частности в настоящее время весьма затруднен.

Настоящее исследование — первая попытка комплексного изучения внешнеполитических и внешнеторговых связей Китая со странами Южных морей в период позднего средневековья.

⁵⁰ С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*; B. Wiethoff, *Die chinesische Seeverbotspolitik und der private Oberseehandel von 1368 bis 1567*.

⁵¹ С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*, стр. 47.

⁵² B. Wiethoff, *Die chinesische Seeverbotspolitik...*, S. 213.

⁵³ *Ibid.*, S. 51, 64.

⁵⁴ *Ibid.*, S. 213.

Г Л А В А I

СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ИМПЕРИИ МИН СО СТРАНАМИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Империя Мин была провозглашена в Китае в 1368 г., когда повстанческие армии под руководством Чжу Юань-чжана овладели столицей юаньского Китая Даду (Пекином). Императором сделался Чжу Юань-чжан, столицей стал Нанкин. Однако под властью нового правительства находились тогда далеко не все провинции, составлявшие «собственно Китай». В 1371 г. минские войска заняли территорию Ганьсу и Сычуани, в 1382 г. вошли в Юньнань и лишь в 1387 г. — в Ляодун.

Естественно, что в условиях формирования в Китае нового централизованного государства главной задачей внешней политики минского правительства было «восстановление международного престижа Китая как суверенного государства и прекращение вторжений извне»¹. Достижение этих целей требовало применения различных методов и средств в отношениях Китая с теми или иными сопредельными странами, в зависимости от реального соотношения сил.

В конце XIV в. основные военные усилия минского правительства были сосредоточены на северо-западных рубежах. Здесь продолжались войны с изгнанными из Китая монгольскими князьями. Дальше на запад в это время образовалась мощная в военном отношении держава Тимура, внушавшая китайцам опасения. Что касается стран Южных морей, то они не представлялись правящей верхушке Китая серьезным военным противником. Этот факт красноречиво подтверждается словами Чжу Юань-чжана из его обращения к придворным сановникам: «Я считаю, что, поскольку страны южных и восточных иноземцев малы и лежат в отдалении, за горами и морями, они не представляют опасности для Китая»². Поэтому с самого основания Минской империи Китай придерживался различной политики в отношении сопредельных стран на северо-западе и заморских стран (за исключением Японии). Последние с конца XIV в. становятся объектом дипломатической деятельности ки-

¹ «История дипломатии», т. I, стр. 223.

² Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзу чзе Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцизи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 93.

тайского правительства. В частности, во время установления связей со странами Южных морей был взят курс на «привлечение их добрым отношением».

Эта политика должна была служить вполне определенным целям. Вытесняя из Китая монгольских феодалов и их китайских сторонников, минское правительство стремилось всеми мерами поднять свой авторитет как «законного» носителя власти. При этом немаловажное значение придавалось завязыванию дипломатических связей с иноземными странами в традиционной форме обмена посольскими миссиями. Это в какой-то мере было равносильно фактическому признанию правительства. Поддержание «официальных» отношений с иноземными странами способствовало также повышению международного престижа империи. Поэтому курс на «привлечение» стран Южных морей отвечал как нуждам укрепления власти минского правительства внутри Китая, так и поднятию его авторитета на международной арене.

Нужно отметить, что в результате завоевательных походов монголо-китайских войск на Индокитайский полуостров и Яву посольские связи юаньского правительства со странами Южных морей не были оживленными. К середине XIV в. они практически вообще не поддерживались. Как сказано в одном из указов Чжу Юань-чжана, во время борьбы за свержение монгольской власти в Китае в течение многих лет продолжались войны, «далекие и близкие иноземцы из всех четырех стран света не приезжали, чтобы выразить свои дружественные намерения и проявить искренность»³. Поэтому минский двор выступил инициатором установления и расширения посольских отношений со странами Южных морей.

На следующий же год после провозглашения новой династии Мин из Китая стали рассылаться посольства в заморские страны. В 1369 г. посланец (син жэнь) У Юн вместе с Янь Цзун-лу, Ян Цзаем и другими был направлен в Тямпу, на Яву и в Японию⁴, посланец Чжао Шу — в Палембанг⁵. В 1370 г. сановник Го Чжэн был послан во главе посольской миссии в Камбоджу⁶, посол (ши чэнь) Люй Цзун-цзюнь — в Сиам⁷, а цензор провинции Фуцзянь Чжан Цзин-чжи и чиновник из местного цензората Шэнь Чжи — в страну Бони⁸.

Об этих посольствах в «Мин ши» сказано следующее: «Как только минский (тай) цзу утвердился в Поднебесной, в разные стороны были направлены послы с императорскими манифеста-

³ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды юн гуаньси*, стр. 24.

⁴ Чжэн Сяо, *Хуан Мин сы и као*, стр. 32.

⁵ «Гуандун тун чжи», цз. 98, стр. 42а; по «Мин ши», это было в 1370 г. [цз. 324, стр. 31772(3)].

⁶ «Мин ши», цз. 324, стр. 31766(2).

⁷ Там же, стр. 31767(2).

⁸ «Мин ши», цз. 325, стр. 31774(2).

ми и посланиями, чтобы огласить их в различных странах, были также отпущены ритуальные деньги для принесения жертв духам гор и рек этих стран, в целях их умиротворения»⁹.

Согласно древней традиции, средневековые китайские дипломаты скрывали свои истинные намерения за разговорами о «высшем моральном долге». Поэтому активная деятельность минского двора по налаживанию посольских связей с заморскими странами официально трактовалась как долг китайского императора «распространять на дальние расстояния престиж и добродетель». Большое место в этой связи уделялось доктрине «нравственного перевоспитания» иноземцев, т. е. насаждению среди них китайских обрядов и обычаев. Например, одна из каменных стел близ Нанкина, относящаяся к началу XV в., заканчивается словами императора: «[Я] постоянно направляю посольства во все иноземные заморские страны, чтобы нравственно их [иноземцев] перевоспитать, научить этикету, привить чувство долга и тем изменить их варварские привычки»¹⁰. Однако это, конечно, не имело ничего общего с истинными целями внешней политики минского правительства.

Китайские послы, направленные в заморские страны, должны были огласить там императорские манифесты и передать их местным властителям. В манифестах в различных формулировках сообщалось о падении власти монгольских феодалов в Китае и провозглашении новой династии, а также декларировалась верховная власть императора над иноземцами. Эти документы интересны как отражение первых внешнеполитических шагов нового правительства в отношении заморских стран. Манифест, направленный в 1370 г. на Яву (и, очевидно, в ряд других стран), гласил: «С древности те, кто царил в Поднебесной, простирали свой надзор над всем, что лежит между Небом и Землей, над всем, что освещается солнцем и луной. Всем людям, живущим далеко или близко, без исключения желаем спокойствия на [их] землях и радостной жизни. Однако необходимо, чтобы сначала спокойствие воцарилось в Китае, а затем уже чтобы подчинились ему десять тысяч стран всех четырех сторон света. Бывший недавно юаньским государем Тогон-Тимур — отпрыск рода, погрязшего в пьянстве и разврате, — не задумывался о жизни народа... Из сочувствия к бедственному положению людей я начал справедливую войну и искоренил беспорядки и грабежи. И войска, и народ подчинились Мне, и Я занял императорский престол, назвав династию Великая Мин и взяв эру правления Хунъю. В позапрошлом году была взята юаньская столица и окончательно покорен весь Китай. Тямпа, Дайвет и Гаоли (Северная Корея. — А. Б.) — все эти страны прислали ко двору дань... Я управляю Поднебесной, подражая императорам и пра-

⁹ «Мин ши», цз. 56, стр. 28777 (4).

¹⁰ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чун Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды гуаньси*, стр. 19.

вителям прежних династий, и желаю лишь того, чтобы и китайский, и иноземные народы спокойно обретались каждый на своем месте. За сим беспокоюсь, что различные иноземцы, живущие уединенно в далеких странах, еще не все знакомы с Моими устремлениями. Поэтому направляю к ним послов с императорскими манифестами, чтобы «всем об этом стало известно»¹¹.

Таким образом, основное содержание документа сводится к оправданию внутренних перемен в Китае. Что же касается позитивной программы в отношении иноземных стран, то она выражена еще очень расплывчато, и каковы «устремления» императора, о которых здесь упоминается, остается неясным. Очевидно только желание минского правительства на первых порах сохранить *status quo* во взаимоотношениях с заморскими странами, чтобы «все народы обретались каждый на своем месте». Это было продиктовано вполне естественным желанием предотвратить вмешательство с тыла во время упорных войн на северо-западе.

Обращает на себя внимание преамбула манифеста. Слова о намерении феодальных владык Китая с высоты своего положения взирать на все, «что освещается солнцем и луной», и фраза о «подчинении» Китаю «десяти тысяч стран» были отнюдь не случайны. Почти во всех манифестах, разосланных минским двором в различные зарубежные страны, в той или иной форме говорится о верховной власти китайского императора над всем миром. Иногда эта мысль лишь подразумевается, иногда декларируется совершенно недвусмысленно, как, например, в манифесте 1380 г. для Явы: «Я (император.— А. Б.) правлю китайцами и иноземцами, умиротворяю и направляю на путь истинный как далекие, так и близкие народы, не делая [между ними] различия»¹². Это исключительное право императора подкреплялось апелляцией к божественной воле: «Император получил ясный приказ Неба править китайцами и иноземцами»¹³.

Следует подчеркнуть, что во многих манифестах о верховной власти китайского императора говорится не как о праве, которое можно осуществить при тех или иных условиях, а как о predetermined состоянии, аксиоме, воплощенной в жизнь. Например: «Я (император.— А. Б.), почтительно получив на то соизволение Неба, правлю как государь китайцами и иноземцами»¹⁴. Это объясняется тем, что данная идеология не была нововведением для минского времени. Она уходит корнями в глубокую древность. Одним из исходных моментов ее формирования было представление древних китайцев о своей стране как о центре вселенной. Подобные взгляды, отразившиеся в древнекитайской космогонической схеме, характерны не только для ки-

¹¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31770(2—3).

¹² «Гуандун тун чжи», цз. 97, стр. 386.

¹³ Ван Ши, *Пин мань лу*, стр. 13.

¹⁴ «Гуандун тун чжи», цз. 101, стр. 546.

тайцев, но и для многих других народов на ранних этапах их общественного развития. Однако в Китае эти воззрения сохранились в течение длительного времени и даже усилились благодаря тому, что обладавший сравнительно высоким уровнем земледельческой цивилизации древний Китай на протяжении многих веков не соседствовал с другими крупными и развитыми странами. В силу неравномерности общественного развития процесс формирования классового общества и становления государственности здесь шел быстрее, чем у большинства сопредельных стран и народов. Поэтому в VII—IV вв. до н. э. в философско-этических концепциях китайских мыслителей можно найти сложившееся представление о Китае как о высшем государстве и об иноземных народах как о «варварах»¹⁵.

В условиях сравнительно раннего развития государственности в Китае постепенно складывалось представление о власти китайских правителей как о наивысшей и вездесущей; это нашло отражение в древнекитайских философско-этических концепциях. Однако решающую роль в этом отношении сыграло образование единого централизованного государства и оформление деспотической власти китайских императоров в конце III — начале II в. до н. э. В этот период идея неограниченной и повсеместной власти императора, служившая объединению страны, получила характер непререкаемой, официально принятой догмы.

В дальнейшем представления китайцев о своей стране как о высшем государстве и о повсеместной верховной власти императора слились воедино, соответствующим образом влияя на всю систему взаимоотношений Китая с зарубежными странами и народами. При этом необходимо подчеркнуть, что эти воззрения китайских политиков прошлого не были неизменными, раз и навсегда приобретенными в классической китайской древности. В процессе становления и развития отношений с другими странами они находили свое конкретное проявление в китайской внешнеполитической практике. Иначе говоря, в течение многих веков они уточнялись и конкретизировались, постепенно пре-

¹⁵ Характерно, что собирательное понятие «иноземец», «чужестранец» выражается в китайском языке иероглифом «фань» [№ 1768. Здесь и далее номера иероглифов даются по «Китайско-русскому словарю» под ред. И. М. Ошанина (изд. I, М., 1952)], который имеет пренебрежительный оттенок — «варвар», «дикарь». См. также Иннокентий, *Полный китайско-русский словарь*, т. II, Пекин, 1909, стр. 110. Как отмечают Дж. Фэйрбэнк и С. И. Тэн, точное значение иероглифа «фань» установить нелегко, ибо он означает нечто среднее между понятиями «иностраниец» и «варвар» (J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, p. 137). Характерно также, что упомянутый иероглиф входит в качестве фонетика в другой иероглиф «фань» (№ 1782), имеющий значение «вассальный», «дальние владения». Тем самым с древности понятие «иноземный» связывалось с понятием «подчиненный» по отношению к Китаю. Современный китайский историк Сян Да характеризует это явление как «великодержавную идеологию» (Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, Предисловие, стр. 9).

вращаясь в стройную систему идеологических принципов, на которых строились внешние связи ¹⁶.

В конце XIV—XVI вв. н. э. произошли дальнейшие сдвиги как в оформлении указанной идеологической системы, так и в области ее практического применения. Представления об исключительном месте Китая среди всех прочих стран и народов были восприняты минским правительством. Это нашло отражение в самых ранних документах той эпохи, касающихся внешних связей. Весьма характерна в этом отношении следующая запись из «Мин ши лу», датируемая концом XIV в.: «При утверждении [династии Мин] в Китае страны всех четырех стран света были поставлены на подобающее им место без каких-либо намерений подчинить их [со стороны Китая]» ¹⁷. Обращает на себя внимание та предопределенность, с которой здесь говорится о привилегированном положении Китая среди прочих стран. Таким образом китайская дипломатия минского времени пыталась обосновать систему взаимоотношений империи с внешним миром. Например, в одном из указов Чжу Юань-чжана для иноземных стран сказано: «С тех пор как существует Небо и Земля, существует и деление на государей и подданных, на высших и низших. Поэтому и установился определенный порядок в отношениях Китая с иноземцами всех четырех стран света. Так было издревле» ¹⁸. Как видим, китайская дипломатия рисовала себе эти отношения отнюдь не на взаимно равных условиях. В некоторых китайских трудах даже содержится специальное предостережение против равноправия при установлении связей с иноземцами: «Обращение с ними (иноземцами.— А. Б.) как с равными равносильно легкомысленному перенятию чуждых обычаев» ¹⁹. Ссылка на возможность перенятия чуждых обычаев в данном случае выглядит весьма убого и, естественно, не может объяснить истинной причины того неравенства, которое китайская дипломатия была намерена соблюдать в отношениях с иноземцами.

Взяв на вооружение идею предопределенного превосходства Китая над иноземными народами, минское правительство рас-

¹⁶ Важно подчеркнуть, что оформление указанных идеологических принципов китайской политики — категория историческая. Китайская историографическая традиция склонна всякое явление определенного исторического периода выводить в неизменном виде с глубокой древности. Так, например, в некоторых источниках записано, что начало посольским связям Китая с иноземцами было положено еще при основателе династии Инь (XVI в. до н. э.) и что к иньскому двору приходили послы из 76 иноземных стран (J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, p. 142). Как известно, в это время в Китае только еще шел процесс становления классового общества, а соседние племена находились на более низкой стадии развития, поэтому о каких-либо межгосударственных отношениях говорить не приходится.

¹⁷ Цит. по: Чжэн Хао-шэн, *Шу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзян-дзы юй гуаньси*, стр. 24.

¹⁸ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, стр. 446.

¹⁹ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй ло*, т. I, стр. 255.

считывало таким образом добиться возможно большего поднятия авторитета своей власти в стране и укрепления своего положения на международной арене. Наибольшего успеха оно, естественно, могло ожидать не в отношениях с северо-западными соседями, а в Корее, Дайвьете, Верхней Бирме и странах Южных морей.

Применяя указанную доктрину в странах Южных морей, китайская дипломатия в конце XIV в. попыталась облечь ее в форму признания последними вассальной зависимости от Китая. Предполагалось добиться этого не только декларативным провозглашением верховной власти китайского императора в посланиях-манифестах, направленных в данные страны. Этому должна была служить целая система мер, предпринятых минской дипломатией. Какими методами действовала она в данном случае, можно хорошо представить себе на примере посольства Шэнь Чжи и Чжан Цзин-чжи в Бони в 1370—1371 гг.

Посольство, выехав в конце 1370 г. из Цюаньчжоу, сначала направилось на Яву и только в 1371 г. прибыло в Бони. (Страна Бони в то время находилась в зависимости от яванских властителей). Как записано в источниках, властитель Бони Махамоша (в китайской транскрипции) оказался «заносчивым» и, «возгордясь», не захотел выполнить предложенных ему китайскими послами церемоний и признать себя вассалом китайского императора. Тогда Шэнь Чжи обратился к нему через переводчика со словами: «Под властью императора находятся все четыре моря. Он все озаряет своим блеском, как солнце и луна, [власть его простирается повсюду], где выпадает иней и роса. Нет таких стран, которые бы не прислали императору посланий, называя себя вассалами. Бони же — крохотная страна — вознамерилась противиться авторитету Небесного трона?». Это заставило властителя Бони задуматься. Он ответил: «Император управляет Поднебесной, значит он является моим государем и отцом. Разве я осмелюсь в чем-либо противоречить ему». Шэнь Чжи, ухватившись за эти слова, убедил Махамошу выполнить положенный церемониал в знак почтения императору. Трон властителя был убран, а на его месте водружен стол, на который среди курильниц с ароматными курениями был положен императорский манифест для страны Бони. Властитель приказал своим приближенным поочередно бить поклоны перед этим столом. Затем Шэнь Чжи торжественно огласил манифест и передал властителю, который принял его с поклоном. На этом прием был закончен.

Однако на следующий день Махамоша вновь попытался отказать направить посольство с данью в Китай, как того требовали китайские послы. Свой отказ он аргументировал тем, что жители о-вов Сулу в недалеком прошлом напали на Бони и вывезли из страны все ценные и дорогие вещи, которые можно было бы послать императору в виде дани. Властитель просил

дать отсрочку в три года. Но Шэнь Чжи продолжал настаивать: «Уж прошли годы с тех пор, как император вступил на Великий трон. Иноземные послы со всех четырех стран света — на востоке до Японии и Кореи, на юге до Цзяочжи (Северный Вьетнам.— А. Б.), Тямпы и Дупо (Явы.— А. Б.), на западе до Турфана, на севере до монгольских племен — один за другим непрерывно приходят ко двору. Если даже ван немедленно пошлет послов, то и тогда он опоздает. Как же можно говорить о трех годах?» Однако властитель Бони повторил отказ, ссылаясь на свою бедность. Тогда Шэнь Чжи сказал: «Император богат тем, что обладает всеми четырьмя морями. Разве он что-либо вымогает? Но он желает, чтобы ван назвался вассалом (фань) и подчинился, вот и все».

После этого местный властитель созвал на совет своих подчиненных. Было решено отправить в Китай послом некоего Исымаи (Измаила) в сопровождении четырех человек с посланием императору, грамотами и подарками. Китайские послы, к великой радости Махамоши, отказались от предложенных лично им подарков. Однако перед отправкой посольства Исымаи в Бони прибыли посланцы с Явы, которые обвинили местного властителя в измене за то, что он подчинился Китаю, а следовательно, вышел из подчинения Явы. Властитель, испугавшись мести яванцев, стал колебаться, стоит ли отправлять посольство в Китай. Тогда Шэнь Чжи, уже направившийся в обратный путь, вновь прибыл в резиденцию Махамоши. На этот раз речь властителя показалась китайскому послу неприязненной, и он, перебив Махамошу, сказал: «Вы говорите, что являетесь вассалом Дупо, а не Китая; но ведь Дупо — наш вассал!» Шэнь Чжи заявил также, что Бони следует бояться не Явы, а Китая. Эти доводы возымели действие. Махамоша заявил, что теперь у него «спокойно на душе», и, прощаясь с китайскими послами, произнес тост: «Пусть китайские послы побыстрее возвратятся в Китай, и пусть Исымаи побыстрее вернется обратно на родину!».

В конце 1371 г. посольство из страны Бони прибыло в Китай. Оно было торжественно принято и с богатыми подарками отправлено на родину²⁰.

Таким образом, основное подтверждение вассальной зависимости Бони Шэнь Чжи усматривал в том, чтобы непременно добиться от местного властителя ответного посольства с «данью» к китайскому двору. Китайские послы, направленные в конце 60-х — начале 70-х годов XIV в. в другие страны Южных морей, также видели свою первейшую задачу в обеспечении прибытия в Китай ответных посольских миссий. При этом большинству добиться этого было легче, чем Шэнь Чжи. Отмеченный выше курс на «привлечение добрым отношением» предполагал по возмож-

²⁰ «Минь шу», цз. 104, стр. 106; «Минь ши», цз. 325, стр. 31774(2—3); Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 50а.

ности избегать острых конфликтов. Прибытие ответных посольств из заморских стран должны были обеспечить богатые подарки иноземным властителям и их приближенным, которые передавались им китайскими посланцами при вручении императорских манифестов. Послы обещали также не менее богатые подарки в случае визита местных посланцев в Китай. Эта мера была весьма действенной. К тому же китайские послы предлагали иноземным властителям установить отношения с Китаем в традиционной форме периодических визитов посольских миссий. В результате китайской дипломатии удалось добиться прибытия ответных посольств из большинства сравнительно крупных стран Южных морей.

В 1369 г. было прислано ответное посольство из Тямпы²¹, в 1370 г.— посольства с Явы²², а в 1371 г.— из Камбоджи, Сиам, Палембанга и Бони²³. В дальнейшем круг заморских стран, поддерживавших с Китаем посольские связи, продолжал расширяться. В 1372 г. прибыло посольство с о-ва Лусон²⁴, в 1376 г.— из страны Ланьбан²⁵, в 1377 г.— из страны Таньба²⁶, в 1378 г.— из Паханга и Байхуа²⁷ и, наконец, в 1383 г.— из Самудры²⁸.

Каким же образом успех в завязывании официальных отношений со странами Южных морей использовался минским правительством для достижения отмеченных выше политических целей? Дело в том, что китайские политики пытались представить ответные посольства в глазах населения и своих противников как проявление и подтверждение вассальной зависимости иноземцев. Достигалось это соответствующей обработкой письменных документов, доставлявшихся иноземными послами, представлением прибывших как послов-данников, установлением для приема иноземных послов церемониала, символизировавшего подчиненное положение последних. Рассмотрим это подробнее.

Ответные посольства из заморских стран доставляли послания. Иногда эти послания были выгравированы на золотых пластинах или написаны золотыми буквами²⁹, но чаще это были обычные для той или иной страны официальные письменные документы. Как отмечается в китайских источниках, в посланиях иноземные властители признавали себя вассалами китайского императора. Однако надо иметь в виду, что тексты пос-

²¹ Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, стр. 32.

²² «Мин ши», цз. 324, стр. 31770(3).

²³ Там же, стр. 31766(2), 31767(2), 31772(3); «Минь шу», цз. 104, стр. 106.

²⁴ «Мин ши», цз. 323, стр. 31755(1).

²⁵ «Мин ши», цз. 325, стр. 31780(4)—31781(1). Находилась на суматринском берегу Зондского пролива.

²⁶ Там же, стр. 31781(1). Предположительно на Суматре.

²⁷ Там же, стр. 31781 (1—2). Находились соответственно на п-ве Малакка и на Северной Суматре.

²⁸ Там же, стр. 31779(4).

²⁹ Размер золотых пластин был невелик. Так, в «Мин ши» говорится, что послание из Тямпы от 1371 г. было выгравировано на пластине длиной в 32 см. и шириной в 3,2 см [цз. 324, стр. 31761(1)].

ланий переводились в Китае специальными переводчиками на китайский язык³⁰. При этом, естественно, им придавалась форма, принятая в Китае за образец для такого рода документов. Вот, например, как звучало в переводе на китайский язык начало послания, доставленного из Тямпы в 1371 г. от властителя Адаа (в китайской транскрипции): «Вступившему на престол Императору Великой династии Мин подвластны все четыре моря. Власть его [простирается] повсюду, как небо и земля, покрывающие и поддерживающие друг друга. Он освещает все, как солнце и луна. Адаа же подобен одинокой былинке или деревцу, только и всего. [Он] удостоился чести: Император прислал посла с золотой печатью и провозгласил [его] ваном страны Тямпа. [Адаа] приносит глубокую благодарность. [Его] радость во сто крат сильнее обычной радости»³¹.

Первые фразы послания во многом повторяют начало императорских манифестов, разосланных в заморские страны (вплоть до китайской географической схемы — «четыре моря»). В этом документе копируются формы славословий императору, принятые в китайском делопроизводстве. Здесь сказалась работа китайских переводчиков. В «Мин ши» перед текстом послания сказано, что переводчики лишь передали его смысл, а не дали точный перевод. Нет сомнения, что послание должно было начинаться с вежливого обращения к тому лицу, которому оно направлялось. И в данном случае китайские переводчики придали этому обращению положенную в Китае форму. Это подтверждается и характерным для китайских официальных бумаг и докладов самоуничижительным тоном, который также был придан этому посланию при переводе. В указе от 1430 г. находим прямое подтверждение того, что специальные чиновники из управлений торговых кораблей должны были сразу же по прибытии иноземных кораблей с послами к берегам Китая «разъяснять и комментировать» доставленные ими официальные бумаги³². Это «комментирование» давало в руки переводчиков неограниченные возможности³³.

Поэтому есть основания полагать, что иноземные властители в своих посланиях к китайскому императору отнюдь не признавали себя его слугами и вассалами. Но чтобы представить иноземные посольства в нужном свете, при переводе привозимых ими посланий на китайский язык выдерживалась форма, узаконенная в Китае для обращения к императору, — форма обращения нижестоящего к вышестоящему. Таким образом, китайские переводчики, исполняя простую и понятную для них формаль-

³⁰ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761 (1); Ю. Тун, *Вэй го чжуань*, цз. 3, стр. 1а.

³¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761 (1).

³² Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 22.

³³ Насколько китайские переводчики изменяли самое существо доставлявшихся из иноземных стран посланий, наглядно показано в работе Яо Наня и Сюй Юя, правда, на примере более позднего материала — послания из Сиам XVIII в. (см. Яо Нань, Сюй Юй, *Гудай Нань ян ши-ди цун као*, стр. 73).

ность, помимо самих иноземных властителей именовали последних в официальных бумагах слугами и вассалами императора.

Само по себе прибытие иноземных послов в Китай выдавалось китайской дипломатией минского периода за согласие иноземцев соблюдать определенные нормы зависимости. Эти нормы подразумевали периодическое появление вассалов при дворе своего сюзерена или в его ставке во время военных походов.

Порядок прибытия вассалов ко двору властителя имел в Китае глубокие традиции. В одном из императорских указов от 1374 г. говорится: «В древности чжухоу (владельцы князья. — А. Б.) каждый год наносили Сыну Неба один малый визит с подношениями и раз в три года — большой визит с подношениями. Те же, кто находился за пределами девяти областей (т. е. Китая. — А. Б.), раз в 30 лет прибывали ко двору с данью из местных товаров, чтобы выразить свое искреннее почтение»³⁴. Минское правительство сохранило правило, согласно которому чиновники из различных государственных учреждений Китая должны были раз в три года прибывать в столицу на аудиенцию к императору в знак покорности и лояльности в отношении центральной власти. Крупные феодалы, получавшие огромные уделы и пользовавшиеся определенной автономией, также должны были время от времени появляться при дворе в подтверждение своей вассальной зависимости от императора. Им давались при этом щедрые подарки³⁵.

Появление при дворе иноземных посольств изображалось китайской дипломатией как соблюдение аналогичного правила зарубежными «вассалами». С этой целью в официальных уведомлениях начала периода Мин было записано, что послы из зарубежных стран должны прибывать на аудиенцию к императору один раз в три года, а раз в 30 лет Китай должны посещать и сами властители этих стран³⁶. Попытки минского правительства добиться видимости соблюдения такого порядка отразились во многих документах конца XIV—XVI вв., касающихся внешних связей.

Согласно средневековым дипломатическим нормам вообще и на Дальнем Востоке в частности существовал неписаный порядок подношения послами подарков властителям тех стран, в которые они направлялись. Посольства из стран Южных морей также доставляли китайскому двору подарки, состоявшие, как отмечают источники, из «местных товаров» (фан у). Эти подарки именуется в китайских официальных документах конца XIV—XVI вв. «данью двору» (чао гун). Порядок подношения дани императору подвластными ему территориями также восходит к глубокой древности. Когда-то дань, приносимая китайскими земля-

³⁴ «Мин ши», цз. 324, стр. 31767 (3—4).

³⁵ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 191, 193.

³⁶ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 486.

ми, представляла собой особый вид налога, символизировавшего признание верховной собственности императора на землю. Характерно, что минское правительство сохранило древний порядок выплаты дани китайскими областями и округами непосредственно императорскому двору. В 1397 г. было предписано каждой области (фу) платить дань (гун) один раз в год, каждому уезду — раз в два года и округу — три раза в четыре года. Это установление подтверждал указ 1421 г.³⁷

Китайская дипломатия пыталась рассматривать как «дань» и подношения иноземных послов. В данном случае «дань» должна была являться подтверждением верховной власти императора над зарубежными территориями³⁸.

Представление «дани» издавна связывалось в Китае с обязанностью вассала периодически являться пред очи сюзерена. Выше упоминалось, что древние чжухоу и иноземцы должны были по китайским установлениям делать подношения во время своих визитов. Поэтому минская дипломатия не отделяла сроков присылки «дани» от времени прибытия посольств. Вместе с тем одностороннее установление Китаем определенного срока для доставки «дани» — один раз в три года — преследовало цель создать видимость периодичности «дани» от иноземцев.

Послы из заморских стран во время своего пребывания в Китае должны были строго соблюдать ритуал, призванный служить выражением вассальной зависимости приславшего их властителя от китайского двора. Как отмечал китайский исследователь Чжэн Хао-шэн, хотя посольские миссии из заморских стран стали довольно часто прибывать в Китай еще с X—XII вв., правила их приема были разработаны лишь в начале периода Мин³⁹.

Церемониал во всех подробностях был закреплен в «Этикете приема вассальных ванов и посланцев вассалов с данью двору», принятом в 1369 г., и дополнительно принятых в 1394 г. «Правилах приема двором дани из вассальных стран»⁴⁰. Принятию послов согласно требованиям этикета должно было предшествовать разрешение центральных властей на препровождение посольства в столицу. Императорский указ от 1430 г. описывает существовавший до этого года порядок приема иноземных кораблей у бе-

³⁷ Тан Си-сы, *Мин да чжэн цзюань яо*, цз. 16, стр. 156.

³⁸ Это типично не только для дипломатии минского периода. Хотя это явление возникло гораздо позже, чем взимание дани с китайских областей, но в своей основе имело именно этот, уже укоренившийся в Китае порядок. Впервые термин «дань» (гун) при упоминании о подарках иноземцев, прибывавших ко двору, встречается в китайских источниках первых веков нашей эры, применительно к I в. н. э. Ранее такие подарки обозначались термином «подношения» (сянь). Сочетания терминов «дань» и «подношения» в разных вариантах характерны для китайских источников всего первого тысячелетия нашей эры. К XIV в., хотя термин «подношения» еще иногда встречается в источниках, преобладающим и установившимся для обозначения указанных подарков становится термин «дань двору».

³⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 134.

⁴⁰ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 244.

регов Китая: «Как только морской корабль с данью из иноземной страны Юга или Запада приходит [в Китай], ведающие тем власти (ю сы) печатают его, знакомятся с [доставленным товаром], посылают человека с докладом об этом [в столицу] и ждут, пока придет приказ снять печати и направить [послов в столицу]. Послы же остаются там (на месте прибытия.— А. Б.) в течение нескольких месяцев, а все их снабжение и обеспечение идет за счет поборов с [местного] населения»⁴¹.

По получении доклада о прибытии корабля с посольством на встречу ему высылались из столицы два чиновника из отдела по приему гостей (чжу кэ бу сы) при Ведомстве обрядов (Ли бу). Они проверяли по списку всех членов посольства и привезенные ими товары, после чего доставляли посольства в столицу и размещали в гостиницах — Хуй тун гуань — Южной и Северной. Доставка послов в столицу производилась на перекладных по почтовым правительственным трактам. Ночевали и отдыхали они в содержащихся на этих трактах почтовых станциях. Приставленные к послам двое вышеупомянутых чиновников должны были справляться о нуждах своих подопечных и охранять их при выездах и въездах в гостиницы, «чтобы те познали милостивое покровительство императорского двора»⁴². Охранять же послов нужно было от назойливого любопытства публики: «Одежда у них необычная... стар и млад — все наперебой бросаются смотреть на них»⁴³.

На следующий день после прибытия послов в столицу о них докладывали императору, вслед за чем отдавался приказ одного из двух помощников начальника Ведомства обрядов оказать им предусмотренный церемониалом прием в гостинице. Основной частью этой церемонии был банкет. После этого послов в течение трех дней обучали этикету, положенному на высочайших приемах, а затем направляли на аудиенцию к императору. Их вели во дворец по дороге, обставленной с обеих сторон применявшимися в торжественных случаях регалиями. Специальный чиновник-распорядитель (чэн чжи гуань) заранее сообщал послам, когда следует преклонять колени и как вручать привезенное ими послание. После вручения глашатай (сюань чжи) обращался к ним со словами: «Император спрашивает послов, в благополучии ли здравствует доселе ван вашей страны?» Ответив, послы должны были пасть ниц, затем подняться и еще раз поклониться. Глашатай еще раз обращался к ним: «Император спрашивает вас, послов, усердно ли вы потрудились, прибыв издалека?» Послы опять-таки должны были пасть ниц, подняться и снова поклониться. Затем распорядитель давал послам знак закончить церемонию, и они отдавали четыре прощальных покло-

⁴¹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 22.

⁴² Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. 1, стр. 248—249, 252.

⁴³ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

на. Император вставал с трона, замолкала звучавшая во время приема музыка, церемония заканчивалась⁴⁴.

Правила 1369—1394 г. предусматривали также посещение послами наследника престола. Кроме этого, они наносили визиты канцлеру (чэн сянь), старшим столичным цензорам (да ду цзянь), цензорам провинций (юй ши) и прочим крупным сановникам и вручали этим особам специальные письменные послания (сянь шу) в соответствии с положенным церемониалом⁴⁵. Перед отъездом на родину иноземным послам передавались послания (бяю) и письма (цзянь). Вручение их происходило во Дворце ванов (Ван гун) и обставлялось строго определенным ритуалом, закрепленным в особых правилах 1369 г.

Правила приема «вассальных ванов» (причем распространялись они и на китайских, и на иноземных «вассальных ванов») предусматривали еще более пышную церемонию⁴⁶. Однако вплоть до начала XV в. прецедентов прибытия иноземных властителей к минским императорам не было.

Одной из важных составных частей церемониала приема в Китае иноземных послов служили торжественные банкеты. Они должны были служить проявлением «милостивого отношения» китайского двора к послам. Вместе с тем ритуал банкетов для иноземцев, подробно разработанный в специальных правилах 1370 г., должен был всячески подчеркивать их «подчиненный» Китаю статус⁴⁷. При отъезде на родину, а иногда и во время аудиенций и банкетов иноземные послы помимо подарков для своего властителя получали также личные богатые дары.

Таким образом, подробно разработанный в Китае в конце XIV в. дипломатический ритуал приема иноземных послов был построен на сочетании их всяческого убожания и одновременного принуждения выполнять некоторые формальности, служившие целям представления посольства в нужном свете.

Однако усилия китайской дипломатии минского времени облечь идею превосходства Китая и предопределенности верховной власти императора в форму признания вассалитета странами Южных морей не ограничивались лишь подачей иноземных посольств в соответствующем свете. Вслед за прибытием к минскому двору первых посольских миссий из этих стран туда были направлены новые китайские послы, чтобы титуловать местных властителей китайским титулом «ван»⁴⁸. Смысл этого заключался в

⁴⁴ «Мин ши», цз. 56, стр. 28777 (1).

⁴⁵ Там же, стр. 28777 (2).

⁴⁶ Там же, стр. 28776 (2)—28777 (1).

⁴⁷ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды юи гуаньси*, стр. 25.

⁴⁸ Этот титул давался в средневековом Китае родственникам императора (цин ван) и крупным князьям, получившим от императора значительные удельные владения. Эти держатели уделов именовались «вассальными ванами» (фань ван). Иноземные властители, с которыми Китай поддерживал связи, относились по китайской официальной субординации к этой категории.

том, что императорский двор тем самым как бы санкционировал законность власти иноземных правителей в их странах, давал им инвеституру. Это, по мысли китайских дипломатов, должно было являться прямым подтверждением сюзеренных прав императора и вассального положения иноземных властителей.

Нужно отметить, что прецеденты титулования иноземных правителей разными почетными званиями и в том числе титулом «ван» можно найти в истории более ранних связей Китая с заморскими странами. Но до конца XIV в. это не было системой, поднятой до уровня государственной политики и столь универсально примененной в отношениях со странами Южных морей.

Церемониал титулования состоял в следующем. Китайские послы торжественно зачитывали императорский указ, даровавший властителю титул вана той страны, в которой он правил. Эти указы выдерживались в форме обращения сюзерена к своим вассалам. Возьмем для примера указ о титуловании ваном властителя Тямпы Адаа. Указ датирован последним месяцем 2-го года Хунъю (т. е. концом 1369 — началом 1370 г.) и был доставлен посольством Гань Хуана и Лу Цзин-сяня: «Бумага тебе, вану страны Тямпа Адаа. Страна [твоя] издавна лежит среди морей и является подвластной [нам] на юге территорией. Твои предки с давних времен всегда были искренними, верными и честными, питали чувство преклонения перед Китаем, строго соблюдали обязанности вассалов. Ныне Я, объединив [под своей властью] все четыре моря, умиротворяю и держу в подчинении десять тысяч стран. Я хочу, чтобы на всей земле было полное спокойствие, и многократно направляя послания, чтобы сообщить об этом. Ты убоаялся приказания Небес, считаешь Китай и поэтому прислал послов, назвавшись вассалом, и доставил в дань местные товары. [Ты] намерен следовать поучениям прежних ванов, чтобы успокоить народ во всей стране. [Мне] любя твоя верность и преданность, она достойна высшей похвалы! Поэтому посылаю чиновников с указом о титуловании тебя ваном страны Тямпа. О! Находясь в Китае, Я управляю иноземными [странами] и на всех взираю с одинаковой гуманностью. Ты должен оберегать [свою] территорию, успокаивать народ и быть последовательным в дальнейшем, так же как и сейчас! Вечно будь [Моим] вассалом и помощником, еще больше старайся заслужить хорошее имя. Дарую [тебе] календарь 3-го года Хунъю в одном экземпляре, тканого золотом узорного шелка, газа и тюля — 40 штук. По получении должно считать это приказом»⁴⁹.

Китайская дипломатия специально не делала титул «ван» наследственным. Она пыталась добиться, чтобы после смерти вана его наследник присылал в Китай посольство с просьбой о титуловании. Соответственно иную форму имели указы, предназна-

⁴⁹ Цит. по: Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзян-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцизи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 98—99.

ченные для титулования новых, взошедших на престол властителей. Так, указ 1376 г. для нового властителя Палембанга гласил: «Ван страны Палембанг — Даньмашанаа (китайская транскрипция.— А. Б.) — уже назвал себя слугой [императора] и в течение многих лет присылал дань... Ты, Маначжэцзоли (китайская транскрипция.— А. Б.), поскольку ты сын его законной жены, должен наследовать престол вана. Ты не осмелился самовольно взойти на престол и ниспросил позволения у Нашего двора. Этот [поступок] можно считать достойным. Мы рады твоей искренности, поэтому направляем тебе послов даровать печать вана Палембанга. Ты должен хорошо управлять народом своей страны и добиться большого счастья»⁵⁰.

Указы для наследников назывались «указы о назначении» (чао). Кроме них ванам передавалась печать — символ их полномочий. На печати была выгравирована надпись: «Ван страны такой-то (ее название)». Помимо того им давалась одежда китайского сановника с соответствующими знаками отличия. В глазах китайского двора это являлось символом служения иноземных ванов императору. Китайские послы, направлявшиеся в страны Южных морей для титулования местных властителей ванами, везли с собой, как и обычные посольства, богатые подарки.

Наконец, еще одним показателем вассалитета иноземных стран, по мысли китайских политиков, должно было служить принятие китайского летосчисления. Для этого в первые же годы правления Чжу Юань-чжана во многие заморские страны были разосланы образцы китайского летосчисления. Считалось, что вассалы императора должны помечать официальные бумаги девицом царствования правившего китайского императора: «Такой-то год эры правления такой-то». О том, что этой формальности придавалось также весьма важное значение, свидетельствует случай с корейскими послами, который произошел в 1369 г. Послы доставили в Китай послание, датированное по их собственной системе летосчисления. Тогда делопроизводитель из Ведомства обрядов Цзэн Лу сказал им: «Те, кто приносит дань, именуется вассалами, но как совместить это с неприятием вами истинного летосчисления?»⁵¹.

Однако вассальная зависимость иноземных стран, по мысли китайских политиков, должна была складываться не только из проявлений вассалитета со стороны местных властителей, но и из определенных сюзеренных прав Китая. Так, если обязанность местных властителей ниспрашивать у китайского императора титул «ван» рассматривалась как признак вассалитета, то право титулования их считалось проявлением сюзеренитета Китая. То же самое можно сказать о китайских посольствах, направлявшихся в заморские страны: если в Китае считалось, что зарубеж-

⁵⁰ «Гуандун тун чжи», цз. 98, стр. 426.

⁵¹ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 530.

ные посольства символизируют покорность иноземцев императору, то отправка китайского посольства означала проявление милости сюзерена. Поэтому отбытие китайских послов в заморские страны также было обставлено торжественным ритуалом, призванным символизировать сюзеренные права императора.

В 1379 г. были разработаны подробные правила церемониала, сопровождавшего отъезд китайских послов в зарубежные страны⁵². Они предусматривали торжественное облечение послов их полномочиями самим императором. Характерно, что здесь же подробно описывалась церемония приема китайских послов иноземными властителями. При этом последние должны были выполнять перед китайскими послами целый ряд унижительных церемоний: поклоны, преклонения колен и даже падения ниц⁵³.

Чтение императорских указов и манифестов перед властителями заморских стран, по мысли китайской дипломатии, также должно было сопровождаться определенным ритуалом, символизирующим подчинение власти императора. Предполагалось, что ваны должны были выслушивать указ, становясь лицом к северу, а посол, зачитывавший указ, становиться лицом к западу⁵⁴. Это объяснялось следующим. Император восседал на официальных церемониях, повернувшись лицом к югу. Следовательно, обращение вана лицом к северу символизировало его присутствие на аудиенции у императора. Обращение же посла лицом к западу символизировало его положение на аудиенции, когда он должен был стоять в ряду сановников по одну из сторон императорского трона.

Сюзеренитет Китая над заморскими странами, поддерживавшими с ним посольские связи, согласно замыслу китайской дипломатии начала периода Мин должен был выражаться еще в одном церемониале — жертвоприношениях «духам гор и рек» этих стран. В «Мин хуй яо» отмечено, что первым же минским послам было приказано принести в некоторых заморских странах жертвы «горам и рекам»⁵⁵. В 1370 г. в Тяньпу был отправлен специальный посланник для совершения указанной церемонии⁵⁶. Заклучалась она в сжигании специальных ритуальных бумажных денег. Однако основной церемониал жертвоприношений «горам и рекам» в первые годы правления Чжу Юань-чжана (до 1375 г.) совершался в столице самим императором. Сначала приносились жертвы «горам и рекам» Китая, а затем — иноземных стран. Это в символической форме отражало идею распространения власти императора на зарубежные края.

В 1375 г. был введен новый порядок жертвоприношений. Иноземные страны были «распределены» между отдельными

⁵² Там же, стр. 245.

⁵³ «Мин ши», цз. 56, стр. 28778(1—2).

⁵⁴ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 247.

⁵⁵ Там же, стр. 245.

⁵⁶ «Мин ши», цз. 324, стр. 31760(4).

провинциями. Так, в провинции Гуанси было приказано возносить жертвы не только местным «горам и рекам», но и Дайвьета, Тямпы, Камбоджи, Сиам и княжества Чола (в Южной Индии); в Гуандуне — Палембанга и Явы; в Фуцзяни — Японии, о-вов Рюкю и Бони⁵⁷. Одновременно было приказано установить изображения духов «гор и рек» иноземных стран справа и слева от алтаря храмов в честь божеств различных сил природы соответствующих провинций. Размещение китайских божеств в центре алтаря символизировало их главенство над иноземными. Однако жертвоприношения приносились на одном и том же алтаре⁵⁸.

Сведение этого церемониала после 1375 г. до уровня «провинциального» свидетельствует о некотором ослаблении его значения в глазах китайцев по сравнению с предшествующими семью годами со времени провозглашения Минской империи.

Подведем некоторые итоги. Итак, вассалитет заморских стран по отношению к Китаю, по мысли китайских политиков конца XIV в., должен был выражаться:

1) в признании местными властителями своего вассалитета путем соблюдения определенных форм обращения к китайскому императору в официальных бумагах и посланиях, а также в «послушании» императору;

2) в принятии местными властителями китайского титула «ван»;

3) в присылке один раз в три года посольств с данью императору и личном прибытии один раз в 30 лет самих иноземных властителей в Китай;

4) в соблюдении иноземными послами в Китае строго определенного церемониала и оказании положенного приема китайским послам за рубежом;

5) в принятии китайского летосчисления.

В свою очередь сюзеренитет Китая должен был выражаться:

1) в провозглашении верховной власти китайского императора;

2) в праве утверждать ванами местных властителей;

3) в направлении в иноземные страны китайских послов с императорскими посланиями и указами;

4) в праве вознесения жертв «духам гор и рек» иноземных стран.

В источниках не встречается указаний на то, что Китай использовал свои «сюзеренные права» для предъявления заморским странам каких-либо иных требований. Какие же из упомянутых признаков такого рода вассальной зависимости и сюзеренных прав имели практическое значение для обеих сторон?

Провозглашение верховной власти китайского императора в разосланных в страны Южных морей манифестах было акцией

⁵⁷ «Гуандун тун чжи», цз. 97, стр. 386.

⁵⁸ Там же, стр. 386.

чисто декларативного характера. Интересно отметить, что китайская правящая верхушка вполне определенно представляла себе разницу между действительным подчинением тех или иных стран власти империи и декларированием верховного главенства императора через посольства. Например, в «Наставлениях минского Тайцзу» (написанных около 1369 г.) говорится: «Для того чтобы захватить их (иноземные страны.— А. Б.) территорию, недостаточно лишь обеспечить снабжение их [продовольствием]; для того чтобы захватить их народ, недостаточно лишь посланцев с приказами»⁵⁹. Минское правительство понимало, что для сколько-нибудь реального распространения власти Китая на страны Южных морей нужны были другие методы.

Признание иноземными властителями своего вассалитета, как мы показали, в значительной мере относится к «заслугам» китайских переводчиков официальных бумаг. Даже в том случае, когда китайским послам удавалось добиться такого признания устно или в символической форме, как это было в Бони (если не считать, что записи о деятельности Шэнь Чжи по обыкновению китайских средневековых летописцев несколько приукрашены), это не закреплялось никакими обязательствами, сколько-нибудь ограничивавшими власть местных правителей в их странах. Но пример Бони можно считать наивысшим успехом китайской дипломатии в странах Южных морей в конце XIV в. В источниках нет данных о том, чтобы китайским послам удалось добиться подобного в других более или менее крупных странах этого района. Минское правительство также ясно представляло себе, что признание вассалитета в такой форме не ограничивало власти местных правителей. Характерно, например, следующее высказывание Чжу Юань-чжана перед чиновниками Ведомства обрядов: «Иноземцы всех четырех стран света имеют отличные от нас привычки, нравы и обычаи. У всех них есть свои главы племен (цзю чжан), которые сами управляют своими народами... В этом и есть разница между теми, кто [находится] в пределах [Китая], и теми, кто за его пределами, разница между далекими и близкими»⁶⁰. В этом же свете характерно появление в источниках такой формулировки, как «править, не управляя» (бу чжи чжи чжи), в применении к отношениям императорского двора со странами Южных морей⁶¹.

Несколько иначе обстояло дело с титулованием иноземных властителей ванами. Некоторые правители мелких и зачастую соперничавших между собой государств, княжеств и городов Южных морей охотно принимали титул, используя его для укрепления и повышения авторитета собственной власти. Как справед-

⁵⁹ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 92.

⁶⁰ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 57.

⁶¹ Фэй Синь, *Син ча шэн лань, Авторское предисловие из «Цзи лу хуй бьянь»*, стр. 11.

ливо отмечают Дж. Фэйербэнк и С. И. Тэн, сопровождавшее титулование дарение местным властителям государственной печати было аналогично признанию правительства, практикуемому в дипломатии европейских стран⁶². Этим и объясняются просьбы многих иноземных властителей о получении титула из рук китайских послов, что выдавалось китайской дипломатией за «радостное стремление подчиниться» власти императора.

Сам факт прибытия пышного китайского посольства к тому или иному мелкому властителю, многие из которых, судя по описанию китайских путешественников того времени, были вождями племен, рассматривался последними как подтверждение своих полномочий, а отнюдь не отказ от них в пользу китайского властелина. Принятие титула практически не накладывало на местных властителей стран Южных морей никаких обязательств. Хотя по китайским установлениям полагалось, чтобы зарубежные вассалы императора раз в 30 лет лично прибывали пред очи Сына Неба, в конце XIV в. ни один иноземный властитель из стран Южных морей не побывал в Китае. И китайская дипломатия даже не решалась настаивать на этом. Как увидим, их визиты в Китай в первой половине XV в. были продиктованы их собственными интересами, а отнюдь не стремлением придерживаться норм китайского церемониала.

Принятие титула «ван» местными властителями не могло иметь в их глазах того символического значения, которое стремились придать этому в Китае, хотя бы потому, что они не были знакомы со сложной иерархией китайской чиновной бюрократии. Их прельщало получение государственной печати из драгоценных металлов и богатых одежд высших китайских сановников, даруемых при титуловании. Получение указанного титула усилило также установление выгодных для большинства властителей стран Южных морей связей с Китаем. Некоторые китайские сановники, связанные с внешней политикой, сами указывали на нереальность какого-либо подчинения иноземных властителей посредством титулования их китайским двором. Сановник Жэнь Лан-би писал в докладе императору: «В действительности же, утвердится или не утвердится ван [той или иной] страны, не зависит от того, титулован он императорским двором или не титулован⁶³.

Единственной реальной обязанностью, проистекавшей из принятия титула, на которой настаивали китайские послы, была присылка в Китай посольств с «данью». Но это не была дань в настоящем значении этого слова, т. е. выплата определенных сумм или определенного контингента товаров по принуждению. Количество даров, привозимых послами ко двору, не было фиксированным, так же как и их качественный состав. К тому же

⁶² J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, p. 148.

⁶³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31764(4).

эти дары оценивались в Китае, и в обмен на них послам давались ответные подарки для передачи их властителям. Более того, минское правительство пыталось придерживаться в отношении иноземных посольств с дарами правила: «Щедро давать и мало получать». Это выражалось в том, что послы в Китае должны были получить ответные подарки, превышающие по стоимости доставленные ими императору дары. По мысли китайских политиков, это должно было демонстрировать богатство, щедрость и мощь китайского двора, а также способствовать регулярному поддержанию иноземными странами посольских связей с Китаем. Поэтому обмен подарками, сопровождавший прибытие посольства, был выгоден местным властителям стран Южных морей, получавшим благодаря этому ценные и высококачественные по тому времени китайские товары.

Китайские послы, прибывая в заморские страны, также доставляли с собой подарки для местных властителей. Но эти подарки в китайских источниках именуется «дарами» (цзы). При этом в обмен на них получалась «дань» иноземцев. Таким образом, по существу это была узаконенная дипломатическими нормами того времени определенная форма товарообмена⁶⁴. Такого рода дарения из местных товаров, доставлявшиеся в Китай посольствами из заморских стран, выдавались за дань только лишь потому, что китайская дипломатия исходила из априорного вассалитета иноземных властителей и сюзеренитета китайского императора. Поэтому такую «дань» нельзя рассматривать как проявление какой бы то ни было зависимости стран Южных морей.

Что касается иноземных посольств, то их появление при дворе Минов не было вызвано стремлением этих стран соблюдать нормы вассалитета по отношению к Китаю. В этой связи показательно, что официально установленные китайцами сроки присылки посольств с «данью» не соблюдались ни одной страной Южных морей. Как свидетельствуют источники, иногда посольства присылались какой-либо страной по нескольку раз в год, а иногда не присылались по многу лет. Направляя посольства в Китай, властители стран Южных морей преследовали свои, совсем иные, нежели их изображала китайская дипломатия, цели: заручиться поддержкой Китая в борьбе с соседними странами, в междоусобных войнах, повысить авторитет своей власти в стране, получить в подарок те или иные китайские товары, обеспечить право морской торговли с Китаем и т. д.

Иноземные посольства в Китай в первые годы существования Минской империи не были односторонним актом. И хотя, исходя из вышеуказанных дипломатических целей, китайские политики того времени обычно выдавали иноземные посольства за проявление вассалитета, а китайские — за проявление сюзеренитета, на деле это был взаимный обмен посольствами, который сам по

⁶⁴ Подробнее об этом см. ниже.

себе не был показателем какой-либо зависимости или господства. Он был для того времени принятой дипломатической нормой. Этот факт сознавался некоторыми китайскими политиками. Так, в комментариях в «Тун дзянь» довольно метко вскрывается сущность взаимных посольских связей: «В начале династии Мин было определено, что иноземные послы должны приходить ко двору, и установился порядок посылать с визитами правительственных уполномоченных к государям иноземных стран. Этот взаимный [обмен] посольствами очень напомуает нормы отношений между равными государствами»⁶⁵. Вместе с тем иноземные послы в Китае соблюдали диктуемый им здесь церемониал, который во многих случаях был для них довольно унизителен (битые земных поклонов, коленопреклонения и т. д.). Исполнению этого церемониала китайский двор придавал большое значение. Однако в данном случае у прибывавших в Китай иноземных послов не было выбора. Международного права, обеспечивающего неприкосновенность представителям иностранных держав, тогда еще не было. Поэтому, попадая в чужую страну, послы оказывались во власти ее правителя. Они могли быть схвачены, задержаны, брошены в тюрьму и даже казнены. Неисполнение церемониала влекло за собой и потерю возможности получить богатые дары. Кроме того, отказ посольства исполнять те или иные требования церемониала чужой страны мог привести попросту к высылке его обратно, т. е. к неудаче. Поэтому можно сказать, что соблюдение иноземными послами в Китае положенного для них церемониала было в значительной мере вынужденным, а не диктовалось стремлением иноземных властителей подчеркнуть свое «зависимое положение». Формальное соблюдение «вассального этикета» послами практически ничем не связывало и ни к чему не обязывало направлявших их в Китай властителей.

Вместе с тем нужно учитывать, что ни в одной стране Южных морей в XIV—XVI вв. не существовало столь детально разработанного, как в Китае, придворного церемониала. Поэтому во многих случаях иноземные послы, исполняя те или иные обряды, не понимали их символического в глазах китайцев значения. Весьма красноречиво свидетельствует об этом следующий факт, зафиксированный в «Мин ши». На о-ве Калимантан в Брунее присланная китайским императором местному властителю государственная печать использовалась весьма своеобразно: отпечатки ставились людям на спины во время свадебных торжеств и других празднеств⁶⁶.

Хотя китайский церемониал и устанавливал определенные нормы приема китайских послов в зарубежных странах, местные правители даже не знали об этом. Немногие сохранившиеся опи-

⁶⁵ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 254.

⁶⁶ «Мин ши», цз. 323, стр. 31759(1).

сания встреч китайских послов за границей свидетельствуют, что местные властители принимали их согласно существовавшим в своих странах нормам. Так, во время посещения миссией Хоу Сяня Бенгали в 1415 г. китайские послы в сопровождении местного церемониймейстера проследовали вдоль внушительного почетного караула пеших и конных воинов, причем они приветствовали местного властителя через каждые пять шагов и властитель отнюдь не падал на колени и не бил челом перед императорским манифестом⁶⁷.

Китайские послы за рубежом далеко не всегда могли требовать соблюдения китайского церемониала, так, например, было с Шэнь Чжи в Бони. Необеспеченность посольских прав сознавалась и китайцами, тем более что известны случаи, когда китайские посланцы становились жертвами местных властей (убийство китайских послов яванцами в 1377 г.). Чтобы хоть как-то обеспечить безопасность своих послов, китайское правительство обычно посылало с посольской миссией отряд солдат. И когда этот отряд оказывался сильнее дружины местного властителя, как это было, допустим, в Бони в 1370—1371 гг., китайские послы могли чувствовать себя хозяевами положения. Однако для конца XIV в. такие примеры были редки. Но в целом китайский дипломатический церемониал практиковался лишь в самом Китае.

Китайское летосчисление для датировки официальных бумаг в странах Южных морей не применялось вообще, а доставляемые оттуда в Китай послания датировались здесь при переводе. Что же касается мистического обряда вознесения жертв «духам гор и рек» иноземных стран, то он производился без участия иноземцев и мог иметь значение лишь в глазах самих китайцев.

Теперь уместно поставить вопрос, что понимается под термином «вассалитет» в межгосударственных отношениях вообще? Приведем определение из «Дипломатического словаря»: «Вассальное государство — характерное для эпохи феодализма зависимое государство. Вассальная зависимость связана с таким подчинением одного государства другому, при котором государство „вассал“ вынуждено допускать широкое вмешательство „сюзерена“ в свою законодательную, административную и судебную деятельность, и лишается не только ряда существенных прав внутренней жизни... но и права вести внешние сношения. При этом соблюдаются разного рода формальности, свидетельствующие о таком подчинении — утверждение главы вассального государства его „сюзереном“, уплата дани вассалом, принесение им присяги на верность и т. п., что придает личный характер зависимости вассала от сюзерена, отличает вассалитет от протектората»⁶⁸.

⁶⁷ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 39—40.

⁶⁸ «Дипломатический словарь», т. I, стр. 244.

Отношения Китая со странами Южных морей, сложившиеся в конце XIV в., на практике не выражались ни в широком вмешательстве в законодательную, административную и судебную деятельность последних, ни во вмешательстве в их права вести самостоятельные внешние сношения. Поэтому эти страны не были в прямой политической зависимости от Китая. В то же время китайская сторона прилагала усилия к соблюдению различных формальностей, которые якобы могли свидетельствовать о существовании вассальной зависимости стран Южных морей. И в этом она достигла некоторого успеха. Поэтому нам представляется правомерным определить сложившиеся в конце XIV в. отношения Китая с этими странами как систему номинального вассалитета последних.

Следует добавить, что этот номинальный вассалитет не был подкреплен никакими договорными обязательствами ни одной из сторон, а потому не может считаться формой реальной политической зависимости⁶⁹.

Мы уже отмечали цели, которые преследовала китайская дипломатия, придерживаясь системы номинального вассалитета

⁶⁹ Тот факт, что обмен посольствами, сопровождавшийся подношением «дани», выступал как средство поддержания внешних официальных связей Китая с зарубежными странами, явился причиной появления в исследовательской литературе терминов «даннические отношения» (tributary relations) и «данническая система» (tributary system). Наиболее полно раскрывают значение, которое вкладывалось в этот термин, Дж. Фэйербэнк и С. И. Тэн. Они пишут: «Поскольку все иностранные отношения с китайской точки зрения были фактически данническими отношениями, то, следовательно, все типы международных связей, если они вообще имели место в случае с Китаем, должны были приравниваться к даннической системе... В рамках даннической системы различного рода интересы — личные и имперские, экономические и социальные — находили свое выражение... Данническая система как общая сумма формальностей была тем механизмом, с помощью которого варварские, т. е. некитайские, районы ставились на свое место во всеобъемлющей китайской политической и тем более этической схеме...» (J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, pp. 139, 141). Далее авторы, характеризуя происхождение «даннической системы» и выполняемые ею функции, выделяют следующие ее черты: 1) данническая система была естественным продуктом культурного преобладания древнего Китая; 2) она использовалась правительством Китая в политических целях самозащиты страны; 3) на практике она имела фундаментальные и очень важные коммерческие основания; 4) она служила средством осуществления китайских международных связей (Ibid., p. 137.) Как видим, термин «данническая система» обозначает совокупность теории и практики внешних связей Китая с зарубежными странами в традиционных формах. Однако нам представляется, что данный термин не подходит для этого понятия. Как мы показали выше, посольский обмен вообще и тем более предоставление «дани двору» были лишь одним из звеньев внешнеполитической теории и практики средневекового Китая, в основу которых был положен принцип номинального вассалитета зарубежных стран по отношению к Китаю. Помимо «присылки дани», которая термином «данническая система» ставится во главу угла, номинальный вассалитет имел целый ряд других формальных проявлений. Поэтому нам кажется, что для характеристики данного типа внешних связей Китая более подойдет предлагаемый нами термин — «система номинального вассалитета иноземных стран».

в отношениях с иноземными странами вообще и странами Южных морей в частности. Однако здесь уместно поставить вопрос: почему китайское правительство в конце XIV в. удовлетворялось претензиями лишь на номинальный вассалитет стран Южных морей? Ответ на него нужно искать в конкретной обстановке, сложившейся в Китае к этому времени. Установление сколько-нибудь реального господства потребовало бы немалых и постоянных усилий со стороны Китая. В конце XIV в. внимание минского правительства было отвлечено от южных рубежей и сосредоточилось на расширении своей власти в пределах самого Китая (как отмечалось, основные провинции Китайской империи оказались под властью минского правительства лишь к 1387 г.) и борьбе с северо-западными соседями. К тому же минская правящая верхушка еще не чувствовала себя достаточно сильной в самом Китае, чтобы приступить к широкой внешней экспансии. Поэтому она ограничивалась дипломатической деятельностью в отношении стран Южных морей, понимая, что для достижения целей, выходящих за рамки номинального сюзеренитета, потребуются иные средства и методы, прибегнуть к которым у нее пока не было возможностей.

Это не означает, что перед китайской дипломатией в конце XIV в. не ставилось задачи максимально приблизить столь ревностно изображаемый в Китае, но чисто номинальный на практике вассалитет стран Южных морей к действительному. Примером тому может служить опять-таки деятельность Шэнь Чжи в Бони. Однако одних дипломатических методов для этого было явно недостаточно.

Итак, мы установили, что за формальными признаками, из которых складывалась система номинального вассалитета, насаждаемая китайской дипломатией в странах Южных морей, скрывался обоюдный обмен посольскими миссиями. Политические цели, побудившие минское правительство выступить инициатором завязывания такого рода отношений, уже отмечались выше. В конце 60-х — начале 70-х годов XIV в. эта инициатива увенчалась успехом: был налажен сравнительно регулярный обмен посольствами со всеми наиболее крупными странами Южных морей. Вслед за посольствами с первыми манифестами нового китайского правительства в 1368—1370 гг. и пребыванием в Китае первых ответных миссий в стране Южных морей были разосланы указы о титуловании местных властителей ванами. Это вызвало новую волну ответных посольств. Только в 1373 г. в Китай прибыло два посольства из Тямпы, два — из Сиамы, посольство из Камбоджи и посольство из Палембанга.

Этот успех китайской дипломатии ни в коей мере нельзя рассматривать как вынужденное признание вассалитета странами Южных морей. Он объясняется тем, что установление внешних связей в форме посольского обмена отвечало не только интересам Китая, но и этих стран.

Вступление в посольские отношения с новым правительством Китая явилось своего рода признанием законности и правомочности этого правительства. И некоторые государства, как, например, Маджапахит, шли на такое признание вполне сознательно. Как сообщается в «Мин ши», яванский посол был при юаньском дворе и уже направился в обратный путь, когда в Фуцзяни его настигло сообщение о падении Юаньской династии. Тогда посол вернулся и некоторое время оставался при новом дворе в Нанкине. И хотя он вручил доставленные посольством подарки свергнутому императору, Чжу Юань-чжан одарил посла и направил чиновника сопровождать посольство в обратный путь. Это произошло в 1369 г., а в 1372 г. послы с Явы возвратили Китаю три императорских указа, полученные яванскими властителями от юаньского двора⁷⁰.

Такая демонстрация, направленная против юаньских правителей, объяснялась тем, что яванцы помнили попытки вторжения монголо-китайских войск в конце XIII в. Очевидно, помнили эти завоевательные походы и многие другие страны Юго-Восточной Азии. Они не могли не опасаться повторения вторжений. Поэтому, когда из Китая вместо новых армий прибыли послы нового правительства, предлагая установить регулярные связи в традиционной форме посольских миссий, страны Южных морей пошли на это.

Будучи мелкими, раздробленными и, как правило, слабыми в военном отношении государственными образованиями, страны Южных морей намеренно не стремились обострять отношения с огромным и многолюдным Китаем, лежавшим от них в непосредственной близости. Вместе с тем властители стран Южных морей пытались насколько возможно заручиться военной и моральной поддержкой Китая в борьбе с соседями. Примером тому служит история взаимоотношений Тямпы с Китаем в конце XIV и в XV в. Как уже отмечалось, местные властители использовали титулование их ванами китайским двором в интересах укрепления своей власти, особенно во время междоусобиц и борьбы за престол.

Таким образом, установление посольских связей с Китаем отвечало политическим интересам стран Южных морей. Система номинального вассалитета, которую при этом поддерживала китайская дипломатия, практически ничем не связывала эти страны и поэтому не вызывала противодействия с их стороны.

Поддержание двусторонних посольских связей с Китаем служило не только прямому обогащению властителей стран Южных морей за счет дарений китайского двора, но и отвечало интересам местной знати и купечества, которым предоставлялось право помимо положенной «дани двору» доставлять и продавать в Китае свои товары. Поддержание регулярных посольских

⁷⁰ «Мин ши», цз. 324, стр. 31770(2—3).

связей, а следовательно нормальных официальных взаимоотношений с Китаем открывало возможности для расширения взаимной морской торговли. Эта торговля в XIV—XVI вв. играла очень важную роль в экономическом развитии многих стран Южных морей. Поэтому укрепление внешних связей с Китаем отвечало экономическим интересам этих стран.

Таково было положение в целом. Но это отнюдь не исключало того обстоятельства, что история взаимоотношений Китая с теми или иными странами развивалась различными путями, а китайская политика подчас испытывала резкие повороты.

Первый такой поворот отмечается в 1374 г., когда китайское правительство предприняло меры по сокращению внешних связей с заморскими странами. В первые годы после провозглашения империи Мин китайские власти были намерены привлечь как можно больше иноземных посольств, невзирая на сроки их прибытия. Однако уже в 1372 г. императорские манифесты, посланные в Тямпу (а также на о-ва Рюкю), предписывали выдерживать сроки присылки посольств — один раз в три года⁷¹. Это ни к чему не привело, так как страны Южных морей отнюдь не намеревались придерживаться китайского церемониала в своих взаимоотношениях с Китаем. Напомним, что в 1373 г. из Тямпы прибыло сразу два посольства. В 1374 г. китайское правительство вознамерилось не только добиться соблюдения указанных сроков, но радикально сократить посольские связи со странами Южных морей. Императорский указ, переданный в этом году в Ведомство обрядов, гласил: «Лишь Корея хорошо знакома с церемониалом и музыкой, поэтому ей приказывается доставлять дань раз в три года. Прочим же далеким странам, таким, как Тямпа, Дайвьет, Ява, Бони, Палембанг, Сиам и Камбоджа, поскольку каждая из них представляла дань много раз, что влечет для них тяжелые расходы, отныне не следует так поступать. Делеша доставить во все страны, чтобы они узнали об этом»⁷².

Вслед за этим в 1374 г. были закрыты управления торговых кораблей (ши бо сы), в обязанность которых входило принимать все посольские корабли и докладывать об их прибытии в столицу, а также принимать купеческие корабли и брать с них налоги⁷³.

Чем объясняется этот поворот китайского правительства в отношениях с заморскими странами? В одном из дошедших до нас варианте указа 1374 г. о сокращении внешних связей само

⁷¹ Ся Се, *Мин тун цзянь*, т. I, стр. 300.

⁷² «Мин ши», цз. 324, стр. 31767(4). Интересно добавить, что в том же 1374 г. китайская дипломатия потерпела в Корее крупную неудачу. Прибывшие туда китайские послы вели себя настолько высокомерно, что корейские придворные убили их. Китайский двор арестовал корейских послов, находившихся в это время в Китае, и потребовал крупный выкуп. Отношения с Кореей были после этого на некоторое время прерваны.

⁷³ «Мин ши», цз. 75, стр. 28973(1).

его появление объясняется тем, что перечисленные страны присылают «дань» с чрезмерной «назойливостью», т. е. слишком часто⁷⁴. Однако мы видели, что в период 1368—1373 гг. посольства из стран Южных морей прибывали довольно часто и это не вызывало столь крутых мер, а, наоборот, поощрялось китайским правительством. Появление указа 1374 г. связано с тем, что поставленная перед китайской дипломатией после 1368 г. задача была за истекшие семь лет выполнена: получено фактическое признание нового правительства странами Южных морей и создана видимость их вассального подчинения Китаю. Отсюда ослабление интереса минского правительства к такого рода связям. Оно понимало, что для более реальных достижений в Южных морях понадобятся иные меры, пойти на которые пока не представлялось возможным. Поддержание же интенсивного посольского обмена и те богатые дары иноземным послам и ванам, на которые не скупился минский императорский двор в первые годы, требовали определенных расходов. Это и породило разговоры о «назойливости» послов из заморских стран.

Другой существенной причиной поворота 1374 г. послужило общее осложнение обстановки на морских рубежах Китая. Оно выражалось в усилении борьбы с так называемыми японскими пиратами. Это были коммерсанты и вооруженные дружины, состоявшие на службе у крупной феодальной знати Южной Японии. Кстати, это были люди японского, корейского и китайского происхождения. «Пираты» промышляли торговлей и грабежом близ всего восточного побережья Китая. В начале 70-х годов XIV в. участились их набеги на прибрежные районы страны. Особенно часто пираты совершали нападения на побережье Шаньдуна, Цзяннани и Чжэцзяна. С 1369 по 1374 г. на побережье Шаньдуна было совершено пять налетов пиратов, а на Чжэцзян — семь налетов⁷⁵. В 1369 г. из Китая в Японию было направлено посольство Ян Цзая с требованием прекратить набеги на побережье Китая. Японцы арестовали посла. Тогда минское правительство приступило к созданию системы морской обороны: стало возводить крепости для специальных гарнизонов и строить военный флот. По некоторым подсчетам, в начале периода Мин флот, предназначенный для обороны побережья, насчитывал около 3500 кораблей⁷⁶. Серьезные столкновения с «пиратами» произошли в 1370 г. у берегов Фуцзяни, в 1371 г. — у берегов Гуандуна и в 1372 г. у берегов Чжэцзяна⁷⁷. В 1373 г. весь флот прибрежной обороны был выведен в море⁷⁸. В 1374 г. «пиратские» флотилии потерпели поражения у берегов Шаньдуна и Цзяннани, а основные их силы были разбиты у о-вов Рю-

⁷⁴ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, Предисловие, стр. 1.

⁷⁵ Чэнь Мао-хэн, *Мин дай во коу као люе*, стр. 49—51, 81—83.

⁷⁶ Lo Jung-pang, *The Decline of Early Ming Navy*, p. 150.

⁷⁷ Чэнь Мао-хэн, *Мин дай во коу као люе*, стр. 83, 103, 121.

⁷⁸ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. II, стр. 1227.

кую⁷⁹. После этого нападения «японских пиратов» почти прекратились.

Таким образом, именно на 1373—1374 гг. приходится наибольшее обострение обстановки у берегов Китая. Поэтому мероприятия 1374 г. по сокращению связей с заморскими странами были в известной степени своеобразным профилактическим средством в целях более эффективной борьбы с «пиратами». Нужно учитывать, что меры 1374 г. коснулись не только одних посольских связей, но и частных внешнеторговых отношений Китая с заморскими странами. Это мотивировалось необходимостью затруднить «пиратам» их связи с прибрежными районами.

Интересно отметить, что в нападениях «пиратов» минское правительство видело помимо всего прочего угрозу своему господству в стране. Дело в том, что некоторые соперники Чжу Юаньчжана в борьбе за власть, например сторонники Фан Го-чжэня и Чжан Ши-чэна, потерпев неудачу, ушли на прибрежные острова⁸⁰. Существование этой заморской «оппозиции» беспокоило минский двор, который опасался, что ее поддержат «пираты».

Однако намерения китайского правительства радикально сократить посольские связи со странами Южных морей просуществовали недолго. После ликвидации серьезной угрозы со стороны «пиратов» в результате победы у о-вов Рюкю Китай попытался вернуться к прежним, хотя и не столь интенсивным, как раньше, нормам взаимоотношений с этими странами. Уже в 1375 г. императорский указ предписывал Корею, Дайвьету и Тямпе присылать посольства раз в три года, а при смене правителя наследнику престола прибывать в Китай⁸¹. Более того, минский двор, несмотря на указ 1374 г., продолжал принимать прибывавшие из стран Южных морей посольства. Как отмечено в «Мин ши», поток этих посольств после издания указа не прекратился⁸². Последнее является ярким доказательством того, что указанные страны были заинтересованы в поддержании посольских связей с Китаем, а не вступили в отношения с ним в силу принуждения.

Однако после 1374 г. минское правительство уже не проявляло большой инициативы в поддержании и расширении посольских связей со странами Южных морей. Здесь сыграли роль уже отмеченные выше причины внутреннего характера, которые повлияли и на сами мероприятия 1374 г. Китайские посольства в эти страны отправляются не так часто, как в прежние годы. В результате ограничений 1374 г. приток заморских посольств в Китай в последующие годы несколько уменьшился. Но все же

⁷⁹ Чэнь Мао-хэн, *Мин дай во коу као люе*, стр. 51.

⁸⁰ «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, стр. 422.

⁸¹ J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, p. 150.

⁸² «Мин ши», цз. 324, стр. 31767(4).

до конца 70-х годов XIV в. официальные связи Китая со странами Южных морей оставались довольно оживленными.

Новые мероприятия, имевшие целью установить строгий контроль над всеми связями с заморскими странами, были предприняты китайским правительством в 1379—1383 гг. Они были вызваны осложнениями в отношениях Китая с Явой и Палембангом. Посольство из Палембанга, прибывшее в Китай в 1376 г. с известием о смерти местного властителя и просьбой о титуловании наследника престола ваном, было принято при императорском дворе согласно установленному церемониалу. В 1377 г. в Палембанг было направлено китайское посольство с указом императора и печатью для титулования местного властителя. Однако послы не достигли места назначения. В 1377 г. яванские войска разгромили Палембанг и захватили его, объявив своим владением. Узнав, что китайские послы направляются сюда для титулования местного властителя ваном, т. е. уравнения его в правах с яванским властителем, они послали своих людей задержать китайское посольство. Китайские послы были схвачены и убиты⁸³. Есть данные, что яванцы перехватили и послов Палембанга, возвращавшихся в 1376 г. из Китая⁸⁴. Мотивом к этому послужило известие, что эти послы были приняты при императорском дворе наравне с яванскими.

Как отмечено в «Мин ши», император не мог «покарать» яванцев за преступление⁸⁵. Его гнев обрушился на прибывшее с Явы в 1380 г. посольство во главе с Алеилеши (в китайской транскрипции). Яванских послов арестовали и намеревались наказать. Однако, продержав их в Китае более месяца, император «смиловившись» и отпустил послов на родину с пространном указом, в котором содержались следующие предостережения: «Ван страны Палембанг направил посла вручить послание и передать просьбу прислать ему печать со шнуром. Я был рад его стремлениям выполнить [свой] долг и отправил посла даровать ему печать, следуя принципу привлечения людей из далеких стран добрым отношением. Как же ты [мог], замыслив коварные планы, заманить посла и убить его! Неужели ты вообразил, что если находишься далеко и до тебя трудно добраться, то можешь своевольничать и бесчинствовать подобным образом? Когда прибыл нынешний посол с Явы, я сначала хотел арестовать его. Но, учитывая, что он любим своими родителями, женами и сыновьями — что одинаково присуще как китайцам, так и иноземцам, — я отдал специальный приказ отпустить его на родину. Ты, ван той страны, должен опомниться, стать порядочным, скромным, искренним и почтительным, не творить больше таких преступлений, как раньше, и не вызывать гнева Китая. Только тогда ты сможешь сохранить свои богатства и знатность. В противном

⁸³ Там же, стр. 31772(4), 31770(3); «Гуандун тун чжи», цз. 98, стр. 426.

⁸⁴ Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 3, стр. 96.

⁸⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31772(4).

случае ты накличешь беду, и потом будет поздно раскаиваться»⁸⁶.

После этого с Явы было прислано два посольства с богатыми подношениями (в 1381 и 1382 гг.)⁸⁷. Однако посольские связи с Палембангом были прерваны⁸⁸. Этому предшествовала еще одна попытка Китая послать в 1380 г. новое посольство в Палембанг. Но оно также оказалось неудачным, что связывается в источниках с заговором канцлера Ху Вэй-юна. Он и его сторонники попытались в 1379—1380 гг. произвести государственный переворот. С этой целью Ху Вэй-юн хотел заручиться поддержкой монголов, «японских пиратов» и некоторых заморских государств. Как отмечено в «Шу юй чжоу цзы лу», Ху Вэй-юн послал в Палембанг своих лазутчиков, которые обманули и задержали там китайских послов⁸⁹. Но на этот раз яванский властитель, не желая снова быть замешанным в конфликте с Китаем, направил в Палембанг своих людей с распоряжением отпустить китайских послов обратно⁹⁰.

В связи с этими событиями Чжу Юань-чжан обратился с некоторыми соображениями к чиновникам из Ведомства обрядов. Он сказал, что в начале его правления послы с данью прибывали в Китай непрерывно, но, когда Ху Вэй-юн задумал поднять мятеж, во всех странах Южных и Западных морей появились его агенты, обманывающие китайских послов. «Помыслы различных стран стали нам неизвестны,— сказал император.— Я без презрения взираю на всевозможные страны, но не знаю, каковы их намерения»⁹¹. Он сказал также, что Китай не изменит своего отношения к иноземным послам и они будут встречать положенный прием⁹².

После этого в Сиам, Маджапахит и Палембанг (а также, очевидно, в некоторые другие страны) был направлен следующий императорский указ: «Китай — защита для всех отдаленных окраинных земель во всех четырех странах света. Сначала, когда Наша династия объединила Китай, среди заморских иноземцев не было таких, которые бы не прибыли с подношениями. Разве думали Мы, что Ху Вэй-юн замыслит поднять мятеж в Палембанге, вслед за чем возникнут [у дальних стран] другие намерения — обманывать наших послов и безудержно мошеничать! Наш мудрейший Сын Неба относится ко всем иноземцам гуманно и справедливо. Как же различные иноземцы осмелива-

⁸⁶ «Гуандун тун чжи», цз. 97, стр. 386.

⁸⁷ «Мин ши», цз. 324, стр. 31770(4).

⁸⁸ Там же, стр. 31772(4).

⁸⁹ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 44а.

⁹⁰ Там же, стр. 44а; «Мин ши», цз. 324, стр. 31772(4).

⁹¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31772(4).

⁹² Там же. В «Мин ши», а также в «Шу юй чжоу цзы лу» (цз. 8, стр. 44б и 45а) данные события относятся к 1397 г. Это вызвано ошибкой переписчиков: иероглифы, обозначающие год, перепутаны местами, в результате вместо 13-го года Хунъю (1380 г.) получился 30-й (1397 г.).

ются отворачиваться от Великой Милости [Императора] и не соблюдать моральные нормы отношений между подданными и повелителем? Если Сын Неба сильно разгневется, то ему так же легко, как повернуть кисть руки, послать военачальников пограничных гарнизонов (т. е. даже не самых лучших.— А. Б.) во главе стотысячного войска, чтобы они с почтением осуществили Небесную кару. Как же вы, различные иноземцы, серьезно не подумаете об этом? Наш мудрейший Сын Неба часто говорит, что Дайвьет, Тямпа, Камбоджа, Сиам и Рюкю — все исполняют обязанности вассалов. Только Палембанг противится нашему авторитету и указаниям. Он сам добивается своей гибели, ибо, будучи крохотной страной, осмеливается упорствовать и не подчиняться Нам. Вы, в стране Сиам, строго соблюдаете обязанности вассалов, и Небесный двор в равной мере заботится об [ответном] церемониале. Вам разрешается передать на Яву, чтобы оттуда отдала приказ Палембангу, что в соответствии с Великими Принципами, изложенными в манифесте, если Палембанг сможет искренне осознать вину и последует добру, то к нему будут относиться как положено, как было прежде»⁹³.

Однако минское правительство лишь ограничилось угрозами применения военной силы. Одновременно оно приняло меры по усилению обороны собственного побережья и установило более действенный контроль над прибывавшими иноземными посольскими миссиями. Командующему береговой обороной Тан Хэ в 1380 г. было приказано организовать в прибрежных водах постоянную патрульную службу военных кораблей. Однако на этот раз вопрос о полном или же почти полном прекращении посольских связей не ставился. Китайское правительство попыталось лишь обеспечить проверку полномочий прибывавших послов. С этой целью в 1383 г. в Тямпу, Камбоджу, Сиам и другие страны Южных морей были разосланы так называемые половинные или разрезные печати (кань хэ)⁹⁴.

Введение разрезной печати в 1383 г. в практику сношений с зарубежными странами было новшеством минской политики. Назначение его ясно объясняется в «Мин ши»: «Каждый раз, когда по прибытии посла в любую страну разрезная печать не совпадает, то он не считается полномочным и разрешается его хватать, связывать и сообщать об этом [Императору]»⁹⁵. Одновременно некоторым заморским странам, как, например, Сиаму, было вновь предписано придерживаться установленных сроков

⁹³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31773(1—2).

⁹⁴ Там же, стр. 31761(3), 31766(2), 31768(1). Разрезная печать применялась в Китае с древних времен в качестве удостоверения полномочий направляемого куда-либо военачальника или сановника. Определенного вида изображение разрезалось пополам. Одна часть оставалась у лица, к которому направлялся командированный, другая — передавалась ему самому. По прибытии на место назначения обе половины сравнивались и выяснялось, совпадают они или нет.

⁹⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31766(2).

присылки дани (т. е. один раз в три года)⁹⁶. Указанные мероприятия сопровождались новыми запретами на частную морскую торговлю для китайского населения.

Следует отметить, что заговор Ху Вэй-юна сильно обеспокоил правящую группировку. Чжу Юань-чжан и его окружение воспользовались раскрытием этого заговора для проведения массовых репрессий против неугодных им людей (всего по «делу Ху Вэй-юна» было репрессировано до 30 тыс. человек⁹⁷). После этого Чжу Юань-чжан, опасаясь ответной реакции, принял всевозможные меры предосторожности и, в частности, усилил контроль над морской границей страны на случай образования зарубежного центра сопротивления и неожиданного вторжения извне.

Однако, судя по всему, данные ограничения вскоре были ослаблены. Это объясняется тем, что китайское правительство скоро убедилось в отсутствии реальной угрозы со стороны заморских стран. Инциденты с убийством или задержкой китайских послов больше не повторялись. К началу 80-х годов XIV столетия власть Минской империи распространилась на большую часть Китая и значительно упрочилась. Об обратном повороте во внешней политике минского правительства можно судить по высказыванию самого Чжу Юань-чжана перед сановниками Ведомства обрядов, датированному серединой 1383 г.: «Главы (цзю чжан) различных иноземцев Юга и Востока прибывают ко двору, преодолевая горы и моря, проходя десятки тысяч ли; поскольку они прибывают для того, чтобы выразить почтение, и возвращаются обратно, то следует их щедро одаривать, чтобы продемонстрировать намерение двора привлечь их добрым отношением»⁹⁸. Следовательно, надо полагать, что уже со второй половины 1383 г. была вновь предпринята попытка восстановить в практике внешних связей Китая положение, близкое к сложившемуся в первые годы после провозглашения династии Мин. Поэтому в 80-х годах XIV в. начинают вновь функционировать закрытые в 1374 г. управления торговых кораблей и оживляется посольский обмен со странами Южных морей. Так, например, за указанное десятилетие из Тямпы прибыло пять посольств, из Камбоджи — восемь посольств, а из Сиам посольства прибывали ежегодно, а иногда даже по два раза в год⁹⁹. Но, как отмечалось, связи с Палембангом были прерваны вплоть до начала XV в. По-видимому, весьма ограниченным был после 1377 г. и посольский обмен с Явой. В «Мин ши» и других источниках следующее после 1382 г. посольство с Явы датировано только 1393 г.¹⁰⁰ О китайских же посольствах туда вообще не упоминается. Это подтверждается и направлением вышеприводи-

⁹⁶ Чжэн Сяо, *Хуан Мин сы и као*, стр. 46.

⁹⁷ «Чжунго тунши цзяньбянь», стр. 733.

⁹⁸ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 57.

⁹⁹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31767(4).

¹⁰⁰ Там же, стр. 31770(4).

мого манифеста 1380 г. на Яву и в Палембанг через посредство Сиама.

Наконец, еще одно ограничение китайским правительством внешних морских связей Китая относится к 1394—1397 гг. Как сообщается в «Сюй вэнь сянь тун као», в 1394 г. император повелел прекратить посольский обмен с заморскими странами. Привозить дань разрешалось лишь о-вам Рюкю, Камбодже и Сиаму¹⁰¹. Очевидно, это было устное распоряжение, которое не было закреплено в официальном документе, так как в других источниках указ не приводится. Однако есть данные, что в 1394 г. были изменены правила приема иноземных послов, установленные еще в 1369 г.¹⁰² Мотивировалось распоряжение 1394 г. тем, что люди, прибывающие в Китай из заморских стран, сильно мошенничают. Известно, что в 1394 г. были приняты меры к строгому соблюдению запрета жителям прибрежных провинций выходить в море и вести морскую торговлю. Очевидно, чтобы добиться эффективного исполнения этих строгих запретных мер, и было отдано вышеуказанное распоряжение о сокращении посольских связей с заморскими странами.

Есть основания полагать, что причины сокращения внешне-торговых, а как следствие этого внешнеполитических связей Китая в 1394 г. были схожи с некоторыми побудительными мотивами аналогичного ограничения 1379—1383 гг. В 1393 г. возникло дело об «измене» военачальника Лань Юя. «Дело Лань Юя» было опять-таки использовано Чжу Юань-чжаном и его ближайшим окружением для новой волны массовых репрессий. На этот раз их жертвами стали около 20 тыс. человек, в том числе многие военные¹⁰³. Параллельно правительство Чжу Юань-чжана предприняло профилактические меры по укреплению границ, хотя на этот раз не было даже намека на угрозу со стороны Южных морей.

Нет сомнения, что ограничения 1394 г. были связаны также с новым обострением угрозы нападения «японских пиратов». Именно в 1394 г. флот морской обороны был вновь выведен в море для охраны китайских вод. Кроме того, была усилена береговая оборона в районе провинции Чжэцзян¹⁰⁴.

В 1397 г. были прекращены издавна практиковавшиеся перевозки продовольствия вдоль морского побережья Китая с юга на север¹⁰⁵. Тогда же были вновь приняты меры к недопущению частной заморской торговли. Все это повлекло за собой усиление контроля над «истинностью» посольских миссий. Свидетельством этого является поимка купцов из Палембанга, выдавших себя за послов. По этому поводу Ведомство обрядов направило

¹⁰¹ Ли Гуан-би, *Мин дай юй ва чжаньчжэн*, стр. 16.

¹⁰² Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 224.

¹⁰³ «Чжунго тунши цзяньбянь», стр. 733.

¹⁰⁴ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. II, стр. 1228.

¹⁰⁵ Хань Чжэнь-хуа, *Лунь Чжэнь Хэ ся Си ян-ды синчжи*, стр. 181.

предостережение Палембангу через посредство Сиама и Явы¹⁰⁶. В результате всех этих ограничений к последним годам XIV в. дипломатические связи Китая со странами Южных морей были сведены к минимуму. Тем не менее посольские связи Китая со странами Южных морей полностью не прекращались, невзирая на ограничения 1394—1397 гг. Так, в «Мин ши», например, говорится о двух посольствах из Тямпы в 1397 и 1398 гг.¹⁰⁷, хотя Тямпе по распоряжению 1394 г. доставлять «дань» не позволялось.

Итак, добившись успеха в установлении посольских связей со странами Южных морей в 1368—1374 гг. и использовав этот успех в своих целях, минское правительство не пошло дальше поддержания системы номинального вассалитета этих стран. Более того, в 1374, 1379—1383 и 1394—1397 гг. оно предприняло ряд мер по ограничению посольских связей, что было вызвано указанными внутренними и внешними обстоятельствами. Однако эти ограничения носили временный характер и не ставили целью полного и абсолютного прекращения таких связей. За ограничительными мероприятиями следовало возвращение к прежнему, хотя и не столь интенсивным, как в самом начале, отношениям. Не имея возможности перешагнуть за рамки номинального вассалитета стран Южных морей, т. е. только видимости вассалитета, но не намереваясь отступить от этого принципа, минское правительство встало на путь сохранения здесь *status quo*. Это сказывалось в том, что оно стремилось избегать непосредственного вмешательства при возникновении конфликтов, действуя лишь угрозами, и насколько возможно сохраняло существующую расстановку сил в странах Южных морей и их прежние взаимоотношения с Китаем.

Основным методом для достижения этого китайская дипломатия избрала политику «милости и угроз», иными словами, «кнута и пряника»¹⁰⁸. В этом отношении характерно, что на инциденты со своими послами, направленными в Палембанг в 1377 и 1380 гг., Китай реагировал угрозами, однако в конце концов сам предлагал поддерживать прежние взаимоотношения. Текст приводимой выше своеобразной ноты, разосланной заморским странам в связи с задержанием китайских послов в Палембанге в 1380 г., может служить ярким образцом дипломатии минского правительства того времени. Так выглядела политика «милости и угроз» в действии.

Интересно также, что китайская дипломатия, несмотря на доктрину номинального вассалитета, не намеревалась настаивать на независимости Палембанга от яванской власти и направила упомянутую ноту не в Палембанг, а на Яву. Более того, ввиду обострения отношений с яванцами минский двор уже ни-

¹⁰⁶ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 356.

¹⁰⁷ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761 (4).

¹⁰⁸ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй ло*, т. I, стр. 255.

как не надеялся на свой номинальный сюзеренитет и предпочел передать ноту на Яву через посредство Сиама.

Гневный протест с угрозами был послан китайцами и в Тямпу в 1388 г. по поводу перехвата посольства, направлявшегося из Камбоджи в Китай. Тямы отобрали у послов часть «дани», предоставив им продолжать свой путь. В ответ на этот протест из Тямпы прибыло посольство с извинениями. Это вполне удовлетворило китайский двор¹⁰⁹.

Особенно ярко стремление китайского правительства в конце XIV в. поддерживать *status quo* в странах Южных морей и его нежелание прибегать к активным мерам в этом районе проявилось в отношении китайской дипломатии к возникавшим здесь войнам и совершавшимся династическим переворотам.

В конце 60-х и в 70-х годах XIV в. шли постоянные военные столкновения между Тямпой и Дайвьетом¹¹⁰. Еще в 1369 г. в Китай прибыл посол из Тямпы с жалобой на Дайвьет¹¹¹. Император приказал разослать враждующим странам указы прекратить военные действия¹¹². В 1371 г. Тямпа снова прислала жалобу на Дайвьет и пыталась заручиться поддержкой Китая. Послание содержало просьбу прислать оружие и музыкантов, «чтобы Дайвьет узнал, что наша Тямпа — земля, на которую распространяются наставления [Императора] и которая платит ему дань. Тогда Дайвьет не осмелится обижать нас»¹¹³.

Это свидетельствует о том, что под давлением обстоятельств Тямпа сама подтверждала свой вассалитет по отношению к Китаю. Казалось бы, китайскому правительству представлялся удобный случай закрепить свои сюзеренные права и тем добить-ся их приближения к реальности. Однако оно предпочитало не вмешиваться в конфликт. В ответ через Ведомство обрядов в Тямпу была направлена следующая бумага: «Тямпа и Дайвьет — оба служат двору [Императора]. Обоим им дарованы [таблицы] истинного летосчисления. Тем не менее они чинят произвол, воюя [меж собой]. Люди терпят горести и беды. [Эти страны] не только отбросили обычаи служения [своему] государю, но и отошли от пути, [предписывающего] добрососедские отношения. Вану страны Дайвьет уже послан приказ прекратить военные действия. Ваша страна также должна уладить спор и восстановить искреннюю дружбу. Обоим [сторонам] следует сохранять прежние границы. Что касается просьбы об оружии, то разве можно что-либо пожалеть для вана Тямпы? Однако даровать

¹⁰⁹ Там же, стр. 244.

¹¹⁰ Вьетнамское государство Дайвьет образовалось после изгнания из страны китайских властей в 939 г. в северной и частично центральной части современного Вьетнама.

¹¹¹ Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, стр. 32.

¹¹² Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 245.

¹¹³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761 (1).

оружие Тямпе, когда два государства воюют между собой,— это значит способствовать их нападению друг на друга, что совершенно не соответствует духу умиротворения»¹¹⁴. Прекрасные слова о мире в данном случае должны были служить оправданием нежелания китайского правительства принимать участие в военных действиях на юге или даже становиться на чью-либо сторону.

Уговоры, естественно, не подействовали на враждующие стороны. В 1373 г. из Тямпы прибыл специальный посол сообщить о победе над Дайвьетом. Тогда Чжу Юань-чжан, получивший до этого жалобы Тямпы на Дайвьет и Дайвьета на Тямпу, приказал послать китайского сановника в обе воюющие страны, чтобы добиться их примирения. При этом он заметил, что на основании жалоб нельзя разобраться, кто из воюющих прав, а кто виноват¹¹⁵. Однако и эта миссия не дала результатов. В 1377 г. в Китае стало известно о крупной битве, в которой Дайвьет потерпел поражение. Поэтому в 1379 г. в Тямпу вновь был направлен китайский посол, чтобы добиться прекращения войны и восстановить хорошие отношения с Дайвьетом¹¹⁶. Прибывшему же из Тямпы в 1380 г. послу был передан императорский манифест со следующей аргументацией: «Прежде войска Дайвьета выступили против Тямпы, но были разбиты. Тямпы, развивая успех, вторглись в Дайвьет. Дайвьет уже достаточно опозорен. Вану Тямпы следует охранять свои границы, успокоить народ, тогда счастье будет долгим. Если же неизменно стремиться к войне, то невозможно предугадать, победишь или потерпишь поражение в упорных сражениях. Так цапля и устрица сцепятся друг с другом, а пользу извлекает рыболов. В другое время вы расклетесь, но будет уже поздно»¹¹⁷.

Стремление минского правительства примирить враждующие стороны объяснялось тем, что в сложившейся обстановке у него не было возможности в качестве упомянутого в тексте «рыболова» извлечь пользу из этого конфликта. Однако, сознавая такую возможность, оно опасалось, что в положении «рыболова» может оказаться какое-нибудь другое государство Южных морей. Это могло изменить в нежелательную для Китая сторону расстановку сил в данном районе. Опасалось оно и усиления одной из враждующих сторон в случае решительной победы, так как тогда могло образоваться довольно сильное государство в непосредственной близости от южных рубежей Китая. Но, естественно, уговоры не могли быть действенным средством к прекращению конфликта.

В свете стремления китайского правительства в конце XIV в. поддерживать *status quo* в странах Южных морей

¹¹⁴ Там же, стр. 31761 (1—2).

¹¹⁵ Там же, стр. 31761 (2).

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, стр. 31761 (3).

интересна также тактика «непризнания» властителей, пришедших к власти в результате переворотов. Так, когда сановник Гэшэнь (в китайской транскрипции) совершил в 1390 г. переворот в Тямпе, то присланное им в 1391 г. посольство не было принято «разгневанным» императором, равно как и доставленная им «дань»¹¹⁸. Другой пример: в конце XIV в. на Яве оказалось два властителя (восточный и западный, как их называет «Мин ши»), которые одновременно прислали своих послов в Китай. Исходя из недопустимости такого положения, ибо один из них должен был, по мнению китайцев, обладать законной властью, а другой — быть самозванцем, император распорядился задержать оба посольства. Однако вскоре послы были освобождены и отправлены обратно¹¹⁹.

Нужно отметить, что, стремясь сохранить status quo в странах Южных морей и в своих взаимоотношениях с ними, китайское правительство в конце XIV в. проводило этот курс непоследовательно. Как отмечалось, на различные осложнения в данном районе оно помимо угроз реагировало усилением контроля в своей прибрежной полосе, что включало и сокращение посольских связей. Вследствие этого к последним годам XIV в. ослабела даже та видимость номинального вассалитета стран Южных морей, которая первоначально неукоснительно поддерживалась минским правительством. В одном из докладов из Ведомства обрядов на имя императора во второй половине 1397 г. отмечалось, что послы и гости из иноземных стран перестали приходить в Китай¹²⁰. Затем, после смерти Чжу Юань-чжана в 1398 г., в Китае началась борьба за власть, вылившаяся в междоусобную войну 1400—1402 гг. Посольства из Китая в это время не направлялись. А если прибывали послы из заморских стран, то их не препровождали в столицу для официального приема. Поэтому в источниках нет сообщений о посольских связях с заморскими странами в эти годы.

Такова в общих чертах картина развития дипломатических отношений Китая со странами Южных морей в конце XIV в. Но прежде чем перейти к оценке данного этапа в истории связей Китая с этими странами, необходимо остановиться еще на одном общем моменте. В конце XIV в. в основном сложился административный аппарат, ведавший внешними отношениями Китая вообще и с заморскими странами в частности. Естественно, многие звенья этого аппарата были заимствованы из опыта предшествующих времен. Однако именно в указанный период этот аппарат приобрел те законченные формы, которые с небольшими изменениями просуществовали в Китае вплоть до XIX в.

Расширение посольских связей с зарубежными странами в конце XIV в. создало необходимость выделения специальных лю-

¹¹⁸ Там же, стр. 31761(4).

• ¹¹⁹ Там же, стр. 31761(3).

¹²⁰ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 22.

дей для дипломатических поручений. В связи с этим в 1380 г. был учрежден департамент посланцев (син жэнь сы). Во главе его стоял посланец (син жэнь) и два его заместителя — все чиновники самого низшего, 9-го ранга. В их распоряжении находился штат простолюдинов. Вскоре главный посланец получил звание начальника департамента, его заместители — помощников начальника, а все остальные служащие — 345 человек — стали именоваться посланцами. В 1386 г. служащим департамента посланцев было даровано звание чиновников. В 1394 г. в департаменте была проведена реформа. Были окончательно установлены служебные обязанности посланцев и субординация чинов. Высшие 40 чиновных должностей в нем теперь имели право замещать лишь люди, носящие звание цзиньши, т. е. те, кто выдержал столичные экзамены на чиновное звание¹²¹.

Первоначально, после учреждения в 1380 г. департамента посланцев, обязанности его служащих были весьма широки¹²². Они не только высылались с посольствами в иностранные страны, но направлялись на места для обнародования императорских указов об амнистиях, выдачи награды от имени императора, вручения даров, вознесения жертв, приглашения ко двору, оказания помощи пострадавшим и сопровождения войск¹²³. Однако постепенно обязанности, связанные с зарубежными посольскими миссиями, выдвигались на первый план. Один из китайских сановников в своем докладе, поданном на имя императора в середине XV в., писал: «Посланцы учреждены в государстве для того, чтобы отбывать и прибывать с посольскими миссиями. До 27-го года Хунью (1394 г.— А. Б.) обязанности послов выполнялись теми, кто получил на то поручение. Затем, стремясь к тому, чтобы шире распространить престиж государства и не опозорить своего государя, на должность посыльных стали назначать исключительно цзиньши. Со времени установления данного порядка все дела, касающиеся откомандирования, были целиком переданы в ведение посланцев. Иногда бывало, что посылались и различные другие чиновники, но лишь в единичных случаях и только по специальному повелению императора или же ввиду нехватки посланцев¹²⁴.

Приемом иностранных посольств ведал целый ряд центральных и местных учреждений и чиновников. Местными учреждениями, в распоряжение которых поступали сразу же по прибытии в Китай посольства из заморских стран, были уже упомянутые нами управления торговых кораблей. Первое из них было открыто

¹²¹ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 686.

¹²² Должности старшего и младшего посланцев (да син жэнь, сяо син жэнь) были еще в древнем Китае. В период Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) посланцы служили в Церемониальном управлении (да хун лу). В их ведении были аудиенции у императора, посещения двора и приглашения. В последующие периоды упоминаний о них не встречается.

¹²³ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 385.

¹²⁴ Там же, стр. 686.

новым правительством в 1367 г.— еще до официального провозглашения династии Мин — в Хуанду близ Тайцана (совр. пров. Цзянсу). Вскоре оно было закрыто, и вновь открыты сразу три управления — в Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь), в Нинбо (пров. Чжэцзян) и в Гуанчжоу (пров. Гуандун). Цюаньчжоу предписывалось поддерживать связь с Японией, Нинбо — с о-вами Рюкю, а Гуанчжоу — со всеми странами Южных и Западных морей. В 1374 г. управления торговых кораблей были закрыты. Однако есть данные, что они функционировали снова с 80-х годов XIV в.¹²⁵.

О функциях управлений торговых кораблей в «Мин ши» сказано следующее: «Ведали подношением дани двору различными заморскими иноземцами и морской торговлей. Занимались определением „истинности“ послов, их посланий и разрезных печатей. Запрещали населению сноситься с иноземцами... оберегали послов при приезде и отъезде, заботились о размещении их в гостиницах и содержании»¹²⁶. Кроме того, управления ведали торговлей иноземцев, доставлявших в Китай вместе с «данью» товары на продажу. Поэтому в «Гуандун тун чжи» отмечено, что управления торговых кораблей ведали всеми делами, касающимися иноземцев, доставлявших «дань»¹²⁷.

Штат чиновников в управлении торговых кораблей был велик. Во главе стоял тицзюй — начальник управления. У него было два помощника и один письмоводитель¹²⁸. Остальных служащих набирали из простолюдинов. Проверив «истинность» послов и описав доставленные товары, чиновники из управления торговых кораблей посылали доклад в столицу. Пока не приходил ответ, послы оставались на месте, а товары на их кораблях были опечатаны. Позже (с 30-х годов XV в.) послов стали пропускать в столицу, не дожидаясь получения ответа на доклад, сообщавший об их прибытии¹²⁹.

Общее управление сношениями с иноземцами — их приемом, ответными миссиями, рассмотрением их жалоб и просьб, подготовкой императорских указов для иноземцев — осуществлялось через Ведомство обрядов. Непосредственный надзор за иноземными послами после их выезда из прибрежных районов в столицу переходил в руки отдела по приему гостей, входившего в Ведомство обрядов. Два чиновника из этого отдела, выславшиеся к месту прибытия послов, приветствовали их и отвечали за них по дороге в столицу. В столице отдел организовывал церемонию принятия «дани» и ведал выдачей послам ответных подарков. Сами же предметы «дани» принимали письмоводители из Центральной канцелярии (Чжун шу шэн). В канцелярию поступали и

¹²⁵ С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*, стр. 44.

¹²⁶ «Мин ши», цз. 75, стр. 28972(4) — 28973(1).

¹²⁷ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 486.

¹²⁸ «Мин ши», цз. 75, стр. 28972(4).

¹²⁹ «Мин ши», цз. 81, стр. 29035(2).

послания, привозимые иноземными послами¹³⁰. Кроме того, отдел по приему гостей обучал послов, как вести себя во время церемонии, и ведал их развлечениями¹³¹. Перед отъездом из Китая к послам направлялся особый чиновник для их «утешения» и сопровождения на обратном пути¹³². Это, очевидно, также входило в обязанности отдела по приему гостей. Кроме того, забота об иноземных посольских миссиях, прибывших в столицу, лежала на существовавших параллельно с отделами Ведомства обрядов церемониальном и банкетном приказах (хун лу сы, гуан лу сы). Церемониальный приказ имел в штате переводчиков для иноземцев¹³³. Первое упоминание о подборе переводчиков с иностранных языков относится к 1382 г. К концу XIV в. штат переводчиков состоял из 60 человек¹³⁴.

В целом конец XIV в. (точнее 1368—1402 гг.) представляется определенным этапом в истории взаимоотношений Китая со странами Южных морей. Значение его определяется тем, что после некоторого ослабления внешних связей в конце XIII — первой половине XIV в. они были вновь налажены. При этом китайское правительство выработало и попыталось претворить в жизнь определенные принципы и методы, которые и легли в основу внешнеполитической теории и практики Минской империи, а также учредило административный аппарат, ведавший внешними связями. И хотя избранный курс не всегда достигал успеха и проводился не совсем последовательно, без указанного этапа Китаю вряд ли удалось бы перейти к той последующей активизации своей политики по отношению к странам Южных морей, которая наблюдается в начале XV в.

¹³⁰ J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, p. 145

¹³¹ *Ibid.*, p. 149.

¹³² *Ibid.*, p. 145.

¹³³ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 679.

¹³⁴ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы, лу*, цз. 8, стр. 20а—20б.

ГЛАВА II

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В СТРАНАХ ЮЖНЫХ МОРЕЙ В НАЧАЛЕ XV в.

Междоусобная борьба за власть в Китае в 1400—1402 гг. закончилась победой группировки феодалов во главе с Чжу Ди — одним из сыновей Чжу Юань-чжана, удельным владением которого был г. Пекин и его округа. В 1402 г. Чжу Ди сразу после провозглашения его императором начал рассылать в заморские страны послов с манифестами, извещавшими о его вступлении на престол. В 1403—1404 гг. китайские посольства с известием о начале нового правления посетили все более или менее крупные страны Южных морей. За ними следовали новые и новые: китайское правительство стремилось установить и поддерживать с ними регулярные связи. Только в течение 1403 г. в Сиам было направлено четыре китайских посольства, в Тямпу — два, на Яву — три посольства¹. В ответ в Китай стали прибывать многочисленные представители заморских стран. Они уже присутствовали на новогодних празднествах весной 1403 г.²

Восстановление интенсивного посольского обмена с заморскими странами было продуманным шагом пришедшей к власти группировки, которая официально объясняла этот курс ссылкой на предшествующую политику. Характерен в этом отношении один из императорских указов для Ведомства обрядов, датированный концом 1403 г.: «Во времена Тайцзу Гаохуанди (Чжу Юань-чжана.— А. Б.) различные иноземные страны присылали ко двору послов. Все они встречали искренний прием... Ныне все [народы] четырех морей — одна семья, поистине следует им всем показать, что ни для кого нет исключения. Тех, кто приходит с данью из различных стран для выражения своей искренности, надо допускать [в Китай], а вам (чиновникам.— А. Б.) следует давать им императорские указы, чтобы разъяснить им мою волю»³. 奉天 敕 諭

Первоначально цели, которые преследовались курсом на восстановление интенсивных посольских связей в начале XV в., были до некоторой степени идентичны тем, которые ставились в конце 60-х — начале 70-х годов XIV в. Новая правящая вер-

¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31768(2), 31761(4), 31770(4).

² Ся Се, *Мин тун цзянь*, т. I, стр. 620.

³ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 57—58.

хушка, захватившая власть в результате переворота, стремилась упрочить свой авторитет и влияние внутри страны и за ее пределами. Интересно, что для подтверждения своей «законности» китайское правительство разослало государственные печати в Сиам, Камбоджу, Самудру и на Яву, а также произвело повторное титулование местных властителей ванами, вне зависимости от того, были они уже титулованы китайским двором или еще нет.

Довольно ясно общие цели этой политики правящей верхушки Китая в начале XV в. вскрываются в «Мин ши», где записано: «После того как Чэнцзу (Чжу Ди.— А. Б.) с помощью оружия утвердился в Поднебесной, он вознамерился подчинить своей власти десять тысяч стран и разослал послов во все четыре стороны света для привлечения [иностранцев ко двору]»⁴.

Однако в начале XV в. китайское правительство предпринимает некоторые шаги для того, чтобы добиться большей, чем раньше, действенности своего номинального сюзеренитета по отношению к странам Южных морей. Это отнюдь не было случайным явлением. Как известно, в это время наблюдалась общая активизация всей внешней политики Китая. Она проявилась в захвате китайскими войсками вьетнамского государства Дайвьет, военных успехах в борьбе с армиями монгольских феодалов, новом крупном разгроме «японских пиратов», отправке целого ряда посольств и военных отрядов в восточный Тибет, северную Индию и Среднюю Азию.

Причины этой активизации следует искать в конкретных социально-экономических условиях, сложившихся в Китае в конце XIV — начале XV в. Минское правительство, пришедшее к власти на гребне широкого народного движения, направленного против иноземных угнетателей, не могло не считаться с настоятельными нуждами и требованиями народных масс. В конце XIV в. это нашло отражение в ряде внутривнутриполитических мероприятий правительства, ставивших своей целью облегчение положения народа и подъем экономики страны. Были упразднены наиболее тяжелые формы эксплуатации населения, отменено рабство (практиковавшееся в Китае в период монгольского господства), снижены и отсрочены некоторые налоги. В ходе народного движения возросла площадь крестьянских держаний земли и расширилось крестьянское землевладение. Одновременно увеличились фонды государственных земель. Улучшилось положение ремесленников и купцов, стабилизировалась финансовая система страны.

Все это привело к тому, что в конце XIV — начале XV в. в Китае наблюдался экономический подъем. Развитие производительных сил в этот период базировалось на феодальном хозяйстве, которое еще не исчерпало своих возможностей и не привело к изменению характера феодальных производственных отноше-

⁴ «Мин ши», цз. 332, стр. 31877(3).

ний. Тем не менее в результате подъема в развитии экономики в начале XV в. произошло общее увеличение хозяйственного и военного потенциала Китая. Создались объективные предпосылки для проведения активной внешней политики.

Выше отмечалось, что установившаяся в конце XIV в. практика взаимного обмена посольствами со странами Южных морей в лучшем случае могла обеспечить видимость их вассалитета по отношению к Китаю. Поэтому в начале XV в. минское правительство, стремясь пойти дальше, чем прежде, по пути укрепления системы номинального вассалитета, прибегает к новым формам внешнеполитического воздействия в данном районе. Такой новой формой явились многократные, периодические экспедиции китайского флота в Южные и Западные моря. Правда, с этими экспедициями в заморские страны отправлялись китайские послы с прежними полномочиями, но теперь они стояли во главе огромного по тем временам флота со значительной армией на борту. Небольшая свита, сопровождавшая послов раньше, лишь охраняла их безопасность во время поездки, но никак не могла гарантировать достижения поставленных целей. Как мы видели, в конце XIV в. при возникновении конфликтов со странами Южных морей китайское правительство остерегалось направлять туда своих послов и пересылало официальные депеши через посредников. Морские экспедиции начала XV в. должны были обеспечить усиление китайского влияния в заморских странах. В данном случае авторитет далекого от властителей стран Южных морей китайского императора подкреплялся вполне весомыми доказательствами. Той же цели должна была служить и многократность, периодическое повторение экспедиций китайского флота.

Помимо этих политических задач морские экспедиции начала XV в. преследовали и определенные экономические цели: расширение внешней морской торговли. Развитие внешнеторговых связей в начале XV в. отвечало хозяйственным интересам страны, переживавшей подъем в развитии производительных сил. Особенно велика была роль городов, торговли и ремесла в бассейне нижнего течения Янцзы и приморских провинциях Восточного и Южного Китая⁵. Нужно учесть, что до 1421 г. столица страны находилась в Нанкине — в самом центре наиболее развитого в экономическом отношении района⁶.

⁵ По некоторым подсчетам, из 33 ведущих торговых центров того времени только $\frac{1}{4}$ их находилась на севере страны, а $\frac{1}{3}$ была сосредоточена в нижнем течении Янцзы («Чжунго тунши цзяньбянь», стр. 782).

⁶ Проблемы экономического развития Китая конца XIV — начала XVII в. остаются дискуссионными и не могут быть подробно освещены в рамках настоящей работы. Спорным, в частности, остается вопрос, насколько далеко пошло развитие городов, ремесла и торговли в бассейне нижнего течения Янцзы и юго-восточных провинциях страны. Однако все исследователи сходятся на том, что именно эти районы страны были наиболее экономически развиты и играли значительную роль в экономике Китая.

Именно здесь, в устье Янцзы, оснащались экспедиции китайского флота в страны Южных и Западных морей. Развитие политических и экономических связей с этими странами отвечало нуждам и стремлениям разнообразных кругов населения указанных районов и прежде всего торговцев и ремесленников крупных городов. Поэтому есть основания предполагать, что в посылке экспедиций китайского флота в начале XV в. нашли определенное отражение интересы этих слоев населения.

Нужно учитывать также, что сфера деятельности китайского флота не ограничивалась районом Южных морей. Некоторые корабли доходили до берегов Аравии и Восточной Африки. Именно в это время были освоены и описаны морские пути на Ближний Восток. Известно, что торговля Китая со странами Центральной и Передней Азии, получившая значительное развитие в конце XIII — первой половине XIV в., шла по материковым караванным путям. После распада Монгольской державы и изгнания монгольских властей из Китая эта торговля значительно сократилась, а большая часть караванных торговых путей была перерезана. Поэтому, как небезосновательно отмечают некоторые исследователи, достижение китайским флотом стран Ближнего Востока южным морским путем могло способствовать возобновлению и продолжению этой торговли.

Однако следует подчеркнуть, что, пролагая морские пути на юг и на запад и стремясь закрепить китайское влияние в заморских странах, минское правительство в начале XV в. непосредственно не руководствовалось идеей протекционизма частной морской внешней торговли. В планы центральной власти входило лишь всемерное поощрение и укрепление государственной торговли, шедшей параллельно с посольским обменом и в рамках этого обмена. В связи с этим нужно четко различать конкретные цели экспедиций, не выходявшие за рамки развития казенной, централизованной формы торговли, и результаты, которые объективно имела их деятельность для внешнеэкономических связей Китая с заморскими странами.

Таким образом, экспедиции китайского флота в страны Южных и Западных морей явились следствием общей активизации внешней политики Китая в начале XV в., подготовленной экономическим подъемом в стране.

Наиболее значительными из морских экспедиций начала XV в. были походы флота под начальством Чжэн Хэ, продолжавшиеся с некоторыми перерывами с 1405 по 1433 г. В источниках цели экспедиции трактуются по-разному. Непосредственным толчком для их снаряжения, как указано в «Мин ши», послужило то, что «Чэнцзу подозревал, что Хуйди (свергнутый Чжу Ди предшественник Чжу Юнь-вэнь.— А. Б.) бежал за море, и хотел настичь его, а также стремился показать иноземным странам силу своих войск, богатство и мощь Китая»⁷.

⁷ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(2).

Что касается поисков Чжу Юнь-вэня, то это могло быть лишь предлогом для начала экспедиций. Известно, что в действительности Чжу Юнь-вэнь ушел в буддийский монастырь, где и провел остаток жизни⁸. Ни в сохранившихся мемориальных надписях с описанием заморских походов, ни в трудах современников и участников экспедиций — Ма Хуаня, Фэй Синя и Гун Чжэня — нет даже упоминания о розысках Чжу Юнь-вэня.

Вторая из указанных в «Мин ши» целей также оспаривается участником экспедиций — Ма Хуанем. Отмечая размах и внушительность экспедиций, он в то же время пишет: «Однако в действительности разве только желание похвалиться и потягаться в роскоши входило в помыслы двух императоров?»⁹. Ответ на этот вопрос дается в стихах, предпосланных труду Ма Хуаня: «Послы китайского императора, получив указание свыше, направились в иноземные края распространить волю императора»¹⁰.

В чем же заключалась «воля императора»? По мнению Ма Хуаня, он хотел облагодетельствовать «добродетельным воздействием» иноземцев, чтобы не было никого, «кто бы не знал своего государя», т. е. китайского императора¹¹. Иными словами, здесь выражено стремление добиться верховного сюзеренитета китайского монарха над заморскими странами.

Однако нет сомнения, что в намерения китайского двора входило «показать иноземным странам силу своих войск». Такой «показ» должен был послужить одним из методов воздействия для достижения поставленных целей, и в данном случае источник предельно точен.

В источниках, не столь «официальных», как «Мин ши», разнись и экономические цели заморских походов. У Ма Хуаня, например, сказано, что экспедиции Чжэн Хэ были посланы пересечь далекие моря, чтобы вести торговлю с иноземцами¹². О том, что Чжэн Хэ должен был не только подносить подарки иноземным властителям, но и торговать, говорится также в «Шу юй чжоу цзы лу»¹³. Однако благодаря принятой в Китае средневековыми философско-этическими концепциями оценке торговли как низкого и недостойного занятия эти цели не нашли должного отображения в большинстве источников.

Первый императорский указ о снаряжении экспедиций китайского флота под начальством дворцового внука Чжэн Хэ¹⁴

⁸ J. Needham, *Science and Civilisation in China*, vol. 1, pp. 143—144.

⁹ Т. е. Чэнцзу (1403—1424 гг.) и Сюаньцзуна (1426—1435 гг.), при которых снаряжались экспедиции (см. Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, Предисловие к «Го чао дэнь гу», стр. 1).

¹⁰ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, Стихи, стр. 1.

¹¹ Там же, *Предисловие к «Го чао дэнь гу»*, стр. 1.

¹² Там же.

¹³ Янь Шун-дянь, *Шу юй чжоу цзы, лу*, цз. 9, стр. 2а.

¹⁴ Сведения о личности самого Чжэн Хэ можно почерпнуть из открытой в 1894 г. надписи на могильном камне отца Чжэн Хэ, составленной в 1405 г. Чжэн Хэ родился в 1371 г. в уезде Куньян провинции Юньнань (примерно

был издан в 3-м месяце 3-го года Юнлэ (между 1 и 29 апреля 1405 г.)¹⁵. После этого началась их непосредственная подготовка: формировался флот, подбирались матросы, войска, организовывалось снабжение кораблей всем необходимым. В биографии Чжэн Хэ в «Мин ши» говорится, что корабли, которые вошли в состав первой экспедиции, были специально построены для этой цели¹⁶. Хотя, очевидно, часть судов, поступивших под начальство Чжэн Хэ, была построена раньше. Так, еще в 1403 г. императорским указом предписывалось приступить к постройке 250 кораблей «посольского» типа для направления их в заморские страны¹⁷. Суда для экспедиций строились в основном на Лунцзянской верфи под Нанкином. Формирование флота происходило в бухте Люцзяцзян в устье Янцзы при впадении в нее протоки Люцзяхэ, соединяющей Янцзы с озером Тайху. Непосредственное руководство формированием флота и экипажа велось из г. Тайцана, расположенного в области Сучжоу, недалеко от Люцзяцзяна, где размещался областной гарнизон береговой обороны.

Как указано в «Мин ши», в первое плавание Чжэн Хэ вывел 62 больших корабля¹⁸. Однако в средние века в Китае каждый большой корабль сопровождался еще двумя-тремя малыми. Гун Чжэнь, например, говорит о вспомогательных судах, которые везли пресную воду и продовольствие¹⁹. Поэтому есть основания предполагать, что флот Чжэн Хэ был гораздо больше²⁰.

в 50 км к югу от г. Куньмина). Отец Чжэн Хэ был мусульманином и послал фамилию Ма. По некоторым данным, род Ма происходил из Синьцзяна (Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 17). В 1382 г., когда в Юньнань вошли китайские войска, Чжэн Хэ попал в услужение к Чжу Ди и был оскоплен. Как отмечается в надписи, Чжэн Хэ «усердно служил и проявил способности, был скромен и осторожен, не бежал от трудных дел, за что приобрел среди чиновников хорошую репутацию» (см. Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 24). В ближайшие приближенные Чжу Ди Чжэн Хэ попал во время войны 1400—1402 гг., участвуя в боях на стороне будущего императора. Во время новогодних торжеств в 1404 г. многим участникам этой войны были пожалованы награды и титулы. Среди них был и Чжэн Хэ, который с этого времени получил фамилию Чжэн и был произведен в высшие дворцовые евнухи — тайцзяни (Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 22). Дальнейшая его судьба связана с началом в 1405 г. морских экспедиций. Умер Чжэн Хэ в 1434 г. в Нанкине.

¹⁵ Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзуань яо*, цз. 14, стр. 26; Гу Ци-юань, *Кэ цзо чжуй юй*, цз. 1, стр. 22.

¹⁶ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(2).

¹⁷ Гу Ци-юань, *Кэ цзо чжуй юй*, цз. 8, стр. 256.

¹⁸ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(2).

¹⁹ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, стр. 12.

²⁰ В «Мин ши» [цз. 304, стр. 31462(2—3)] говорится о размерах больших кораблей: длина — 44 чжана (1 чжан = 3,2 м), ширина — 18 чжанов (т. е. 140×57 м). Есть упоминания о средних кораблях размером 37×15 чжанов (Гу Ци-юань, *Кэ цзо чжуй юй*, цз. 1, стр. 23а). Однако эти данные скорее всего преувеличены. В «Чжэн Хэ хан хай ту» корабли Чжэн Хэ изображены трехмачтовыми, длиной в 42 м. Другие сохранившиеся рисунки дают их четырехмачтовыми, длиной около 47 м. Вообще же большие морские корабли XIV—XV вв. вмещали от 50 до 360 т полезного груза. Команда такого корабля насчитывала до 600 человек. Кроме парусов на корабле было до 20 ве-

В географическом «Описании области Тайцан» говорится, что он состоял из 208 кораблей²¹. В последующих экспедициях под командованием Чжэн Хэ это число не оставалось неизменным. В среднем в каждой из них участвовало от 40 до 60 больших кораблей.

Корабли Чжэн Хэ носили пышные названия, например «Чистая гармония», «Благоденствие и процветание». Кроме того, они имели порядковые номера²².

Во время первого плавания под командованием Чжэн Хэ находилось около 27 800 человек²³. Фэй Синь говорит о 27 тыс. участников третьей экспедиции²⁴. В последней экспедиции Чжэн Хэ было 27 550 человек²⁵. В некоторых источниках XVI в. говорится о 30 тыс. человек, подчиненных Чжэн Хэ²⁶. Внушительность этих цифр объясняется, во-первых, очень большой численностью команды на китайских кораблях вообще, а во-вторых, тем, что Чжэн Хэ сопровождало значительное количество войск.

Как явствует из сохранившегося отчета о седьмом плавании Чжэн Хэ, в состав участников экспедиции входили чиновники, солдаты, лоцманы, рулевые, якорные матросы, переводчики, писцы и счетоводы, санитары, якорные рабочие (сянь мао), плотники-корабельщики, грузчики и работники других специальностей, лодочники-снабженцы (минь шао)²⁷. В другой записи о Чжэн Хэ все участники его экспедиций делятся на две категории: «чиновники», т. е. представители господствующего класса, и «вспомогательный персонал», т. е. простолюдины, в число

сел (они применялись при безветрии). Корпус судна был разделен на отсеки водонепроницаемыми переборками. Корма возвышалась над остальной частью корабля. В нее вели особые ворота. Руль находился в кормовой части, якорь — в носовой. Техника кораблестроения в Китае в указанный период была на высоте. Корпус корабля промазывался специальным водонепроницаемым раствором, главным компонентом которого было тунговое масло. Кроме того, обшивка и другие деревянные части корабля покрывались специальным составом из смолы и извести, который скреплял их и предохранял от воспламенения. На корпусе обозначалась ватерлиния. Мачты можно было поднимать и опускать с помощью вала. Как отмечает В. Парселл, китайские суда того времени признаются исследователями одними из лучших (V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, p. 677). Однако у них были и слабые стороны. Вплоть до XVI в. и даже позже все скрепы делались деревянными, а железные гвозди почти не применялись. Корабли имели плоское дно. Рулевое управление было весьма кустарное. Строились они из тяжелых пород деревьев, это делало их мало маневренными.

²¹ Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 29.

²² Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 144.

²³ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(2). В «Кэ цэо чжуй юй» говорится о 27 870 человеках (цз. 1, стр. 226).

²⁴ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 1. В «Биографии Фэй Синя», приложенной к «Син ча шэн лань», говорится о 23 тыс. участников этого плавания.

²⁵ Чжу Юнь-мин, *Цянь вэнь цзи*, стр. 36—38.

²⁶ P. Pelliot, *Les grands voyages...*, p. 284.

²⁷ Чжу Юнь-мин, *Цянь вэнь цзи*, стр. 36—38.

которых входила основная масса солдат и матросов²⁸. Согласно этим данным, в экспедиции участвовало семь послов (чжэн ши) и десять их помощников (фу ши). Численность «чиновников» достигала 572 человек. Анализ показывает, что по служебному положению их можно разделить на четыре группы: представители первой подчинялись непосредственно императорскому двору (евнухи), второй — военным властям (столичные и местные командующие), третьей — правительственным учреждениям (чиновники из Ведомства налогов, церемониального и банкетного приказов) и четвертой — прочим учреждениям (астрономы, врачи)²⁹. Такой представительный и многочисленный состав посольских миссий, не говоря уже о количестве сопровождавших их солдат, матросов и прочего «вспомогательного персонала», говорит о том, что экспедиции китайского флота в начале XV в. были подготовлены и осуществлены как большое государственное мероприятие, служившее далеко идущим целям. Общее руководство экспедициями осуществлял императорский двор. Так, в «Мин ши» отмечено, что главами посольств и экспедиций в зарубежные страны обычно назначались люди из числа наиболее приближенных к трону³⁰. С XV в. при дворе все большую роль начинают играть высшие чины из дворцовых евнухов, что отразилось и на подборе командного состава экспедиций.

Чжэн Хэ был назначен «главным послом» и главнокомандующим (чжэн цзун бин гуань); обязанности помощника главнокомандующего исполнял Ван Моу.

Есть данные о подразделении войск Чжэн Хэ: они состояли из левого и правого авангардов и пяти основных батальонов (ин). Упоминаются также четыре отдельных дозора или «сотни» (шао)³¹.

Общее число «вспомогательного персонала» составляло 26 803 человека³². Есть основания полагать, что сюда входили матросы и солдаты гарнизонов береговой охраны. Подтверждением этому служит упоминание о 207 начальниках постов береговой обороны в составе экспедиций. Интересно, что среди прочих участников упоминаются купцы³³.

О снабжении экспедиций лучше всего можно судить на основании указа 1430 г. Он гласил: «Указано тайцзяням Ян Цину, Лю Чжи, Тан Гуань-бао и смотрителю Юань Чжу из нанкинского гарнизона. Ныне приказано тайцзяню Чжэн Хэ и другим направить

²⁸ Ван Дай-чжи, *Чжэн Хэ цзясян ицзи ши хуа ца до*.

²⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 81.

³⁰ «Мин ши», цз. 304, стр. 31463(2).

³¹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 123—124.

³² Ван Дай-чжи, *Чжэн Хэ цзясян ицзи ши хуа ца до*. С добавлением командного состава общее число участников составляет здесь 27 375 человек.

³³ Там же. Кадры для морских экспедиций начала XV в. готовились в основном в Тайцане. Здесь еще с середины XIV в. проводилось обучение военных моряков. К концу XIV — началу XV в. их число в этом городе превышало 10 тыс. человек (Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 16).

ся в Хулумосы (Ормуз), что в Западных морях, и другие страны с официальными поручениями. Положенные его 61 малым и большим кораблям деньги и довольствие взять из ранее сданных в нанкинскую казну различными учреждениями поступлений от всевозможных основных налогов. Равно взять шелка, деньги и другие вещи, чтобы поднести иноземным ванам, племенным вождям и другим людям, а также ранее доставленные в дань из Адена и других шести стран и закупленные у них на ассигнации полотно, шелка и другие вещи, равно как ранее закупленные отправлявшимися в Западные моря чиновниками гончарные изделия, железные кастрюли, подарки и другие вещи. Кроме того, подобрать потребные на кораблях огненные снаряды (сосуды с порохом.— А. Б.), бумагу для предписаний, масло, свечи, дрова, древесный уголь и отпускаемые на каждый год, согласно правилам, вино, масло, свечи и другие вещи для дворцовых евнухов и их слуг (для командного состава экспедиций.— А. Б.). По получении указа вам (т. е. лицам, поименованным в начале указа.— А. Б.) следует немедленно отпустить все это в установленном количестве тайцзяням Чжэн Хэ, Ван Цзин-хуну, Ли Сину, Чжу Ляну, Ян Чжэню, шаоцзяню Хун Бао и другим лицам, чтобы те получили эти вещи в свое распоряжение. Не допускать в том промедления. Об этом и указываю. 4-й день 5-го месяца, 5-го года Сюаньдэ»³⁴.

Из аналогичного указа от 1421 г. следует, что послам выдавалось серебро в слитках, медные деньги, отрезы атласа, а также мускус и кунжут для раздачи в виде подарков и для обеспечения нужд экспедиций в пути. Говорится и о выдаче довольствия, оружия и наград солдатам по установленным нормам, согласно количеству людей³⁵.

О том, что в распоряжении экспедиций были значительные денежные средства, свидетельствуют «Мин ши» и Чанлэская надпись Чжэн Хэ. В первом случае говорится о том, что флот имел при себе «много золота и денег», во втором случае речь идет о «деньгах и драгоценностях»³⁶.

Указом от 11 июля 1405 г. флоту под командованием Чжэн Хэ было предписано выйти в море³⁷. В «Мин ши» отправление экспедиций датируется временем издания соответствующих императорских указов. Однако на деле флот выходил в море несколько позже, что видно на примере сохранившегося отчета о седьмом плавании Чжэн Хэ.

Выйдя из Люцзяцзяна, флот прошел вдоль берегов Китая до бухты Тайпин в уезде Чанлэ провинции Фуцзянь. Здесь корабли стояли до зимы 1405/06 г., завершая подготовку и дожидаясь

³⁴ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, Предисловие, стр. 16.

³⁵ Там же.

³⁶ «Мин ши», цз. 304, отр. 31462(2); Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 274.

³⁷ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(2).

начала зимних северо-восточных муссонов. Я. Дёйвендак считает в связи с этим, что флот Чжэн Хэ покинул берега Китая в январе 1406 г.³⁸. Отплытие флота сопровождалось пышными церемониями³⁹.

Есть основания полагать, что Чжэн Хэ задержался у берегов Китая, не только ожидая начала муссонов. В «Гуандун тун чжи» есть краткое упоминание о возвращении в Китай в 9-м месяце 3-го года Юнлэ (т. е. в октябре 1405 г.) некоего Фу (имя дано не полностью), который перед тем был направлен в страны юго-западных иноземцев — в Сиам, на Яву и в г. Каликут в Индии. Фу прибыл в столицу и доложил императору о положении в этих странах. Картина, нарисованная в его докладе, полностью «отвечала намерениям императора», за что Фу был повышен в чине⁴⁰. Очевидно, миссия Фу заключалась в выяснении, насколько эффективным будет снаряжение экспедиций китайского флота в страны Южных и Западных морей. Убедившись, что положение в данном районе существенно не изменилось и что здесь по-прежнему преобладают мелкие княжества и города со значительной морской торговлей, китайцы могли смело начинать экспедиции своего флота.

От берегов Фуцзяни флот Чжэн Хэ направился к Тямпе. Пройдя через Южно-Китайское море и обогнув о-в Калимантан с запада, он через пролив Каримата подошел к восточному побережью о-ва Ява. Отсюда экспедиция направилась вдоль северного берега Явы к Палембангу. Далее путь китайских кораблей лежал через Малаккский пролив к северо-западному побережью Суматры в страну Самудра. Выйдя в Индийский океан, китайский флот пересек Бенгальский залив и достиг о-ва Цейлон. Затем, обогнув южную оконечность Индостана, Чжэн Хэ посетил несколько богатых торговых центров на Малабарском берегу, в том числе крупнейший из них — г. Каликут.

Сразу же по возвращении из похода осенью 1407 г. флот Чжэн Хэ был вновь отправлен в далекое плавание⁴¹. Маршрут второй экспедиции (1407—1409 гг.) в основном совпадал с маршрутом предшествующей. Примерно аналогичным был маршрут и третьей по счету экспедиции Чжэн Хэ (1409—1411 гг.).

В дальнейшем корабли Чжэн Хэ достигли еще более отдаленных от Китая краев⁴². Во время четвертой экспедиции (1413—

³⁸ J. Duyvendak, *The True Dates...*, p. 356.

³⁹ Сохранилось описание церемонии отплытия во время начала второй экспедиции Чжэн Хэ (1407 г.). См. Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 196—200.

⁴⁰ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

⁴¹ В «Мин ши» и «Мин ши лу» приказ отправляться в новое плавание датирован 1408 г. Как показали Люцзяцзянская и Чанлэская надписи, его следует относить к 1407 г.

⁴² Подробно о маршрутах экспедиций Чжэн Хэ см. в работах: J. Duyvendak, *The True Dates...*; Чжу Се, *Чжэн Хэ*; Я. М. Свет, *Дальние плавания китайских мореходов в первой половине XV века*; Я. М. Свет, *За кормой сто тысяч ли*; А. А. Бокщанин, *К истории плаваний Чжэн Хэ*; А. А. Бокщанин, *Посещение стран Африки морскими экспедициями Чжэн Хэ в начале XV века*.

1415 гг.) они дошли до г. Ормуза в Персидском заливе, а во время следующей (1417—1419 гг.) — посетили Ласу (пункт в районе современного города Мерса-Фатима в Красном море) и ряд городов на Сомалийском берегу Африки — Могадишо, Браву, Чжубу и Малинди. Во время шестого плавания (1421—1422 гг.) флот Чжэн Хэ опять достиг берега Африки, и, наконец, во время последнего, седьмого по счету (1431—1433 гг.), главная эскадра дошла до Ормуза, а некоторые участники экспедиции посетили Мекку⁴³.

В различных источниках перечислено разное количество стран, в которых побывали экспедиции Чжэн Хэ. Всего же в связи с походами китайского флота упоминается 56 названий стран⁴⁴, причем большинство из них (31) расположено в районе Южных морей⁴⁵. Между тем при описании маршрутов экспедиций в источниках встречается меньшее число названий стран Южных морей. Это противоречие объясняется довольно просто: в источниках дается путь следования основной эскадры флота Чжэн Хэ, тогда как эти экспедиции, в частности две последние, были целой серией походов отдельных эскадр, направлявшихся в различные стороны, отделяясь от главного флота. Ма Хуань называет главную эскадру Чжэн Хэ термином «да цзун», а подразделения флота — термином «фэнь цзун»⁴⁶.

⁴³ Фэн Чэнь-цзюнь, Чжэн Хао-шэн и Чжу Се предполагают, что экспедиция Чжэн Хэ, помеченная в «Мин ши» 1424—1425 гг., по не упомянутой в Чан-лэской и Люцзянцзянской надписях, все же состоялась (см. Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, Предисловие комментатора, стр. 6; Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 216; Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 82; Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 62). Как считают эти авторы, тот факт, что на этот раз Чжэн Хэ не плывал далее Палембанга, т. е. не входил в воды Западных морей (Индийского океана), и явился причиной пропуска ее в упомянутых надписях. Фэн Чэнь-цзюнь пишет при этом, что, возможно, сам Чжэн Хэ не участвовал в плавании 1424 г. Однако этот довод не кажется убедительным для объяснения пропуска в мемориальных надписях об экспедициях сообщения об этом походе, пусть даже кратковременном и недалеком. Но так как указ о снаряжении экспедиции был действительно дан во 2-м месяце 22-го года Юнлэ (1424 г.), нам кажется вполне реальным предположение Я. Дэйвендака, что экспедиция готовилась, но не состоялась в связи с приходом в конце лета этого года к власти новых лиц, выступивших против активизации внешней политики. (J. Duyvendak, *The True Dates...*, pp. 387—388).

⁴⁴ Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 70.

⁴⁵ Среди них Тямпа, Камбоджа, Сиама, Малакка, Палембанг, Самудра, Бони, Филиппинские острова, о-ва Сулу, а также мыс Пандуранга и мыс Варела в южной части Индокитайского полуострова, Келантан и Паханг на Малаккском полуострове, мыс Ароа и страны Ламбри, Нагур, Лидай, Таминг и Ленкасука на о-ве Суматра, о-ва Пуло Кондор, Пуло Аор, Пуло Сембилан, Пуло Брас, Линга, Джангала, Тимор, Гелама, Биллитон, Ланг-Кави и земли в проливе Каримата (см. Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 71—84).

⁴⁶ Термин «да цзун» встречается в «Инь я шэн лань» на стр. 17, 28, 43; термин «фэнь цзун» — на стр. 55, 72, а также в стихах, предпосланных «Инь я шэн лань» (стр. 1). Иероглифа «цзун» (чтение предполагаемое) нет ни в наиболее полном иероглифическом словаре «Канси цзыдянь», ни в толковых китайских словарях. Однако в «Мин ши» в разделе «Морская оборона» («Хай фан») есть запись: «Большие и малые морские корабли, соединяясь по 100 или 50 штук, образуют один цзун» [(«Мин ши», цз. 91, стр. 29155(3)).

Гун Чжэнь употребляет для отделявшихся от главной эскадры отрядов другой термин — «авангардные флотилии» (сянь цзун) и пишет, что они высылались в Сиам и другие страны, а главная эскадра дожидалась их в Малакке⁴⁷. Наряду с термином «сянь цзун» Гун Чжэн употребляет и термин «фэнь цзун». Он пишет, что отдельные отряды кораблей рассылались во время экспедиций в мелкие страны, через которые не пролегал путь основной эскадры. Эти отряды должны были не только вести «дела», но и заниматься торговлей. Основная эскадра дожидалась их обычно в Малакке. При этом Гун Чжэнь отмечает, что отряды прибывали в Малакку к намеченному сроку и никогда не опаздывали более чем на пять-семь дней⁴⁸.

Разделение флота на отдельные эскадры можно хорошо проследить на примере экспедиции 1421—1422 гг. Упомянутый выше указ от 1421 г. свидетельствует, что Хун Бао во время этой экспедиции разделил командование с Чжэн Хэ. Можно согласиться с выводом Я. Дёйвендака о том, что во время этой экспедиции Чжэн Хэ не командовал флотом на всем пути следования кораблей⁴⁹. Как следует из записей Ма Хуаня, он сопровождал свой флот только до о-ва Суматра; в стране Сумэньдала флот был разделен, и часть кораблей под командованием Чжоу Маня направилась в Аден. Главным послом, возглавлявшим экспедицию 1421—1422 гг., Ма Хуань называет одного из сподвижников Чжэн Хэ — Ли Сина⁵⁰. Видимо, Чжэн Хэ перед возвращением в Китай передал командование Ли Сину. Все это свидетельствует о том, что флот Чжэн Хэ в 1421—1422 гг. был разбит на отдельные отряды, во главе которых стояли Ли Син, Чжоу Мань и Хун Бао.

Ма Хуань пишет о разделении флота Чжэн Хэ во время морского похода 1431—1433 гг.⁵¹, упоминая при этом, что это было характерно и для всех предшествующих экспедиций⁵².

Анализируя этот вопрос, Фэн Чэн-цзюнь насчитывает пять основных пунктов, где от главной эскадры отделялись самостоятельные отряды: гавань Синьжоу в Тямпе (отсюда отряды кораблей рассылались по трем направлениям: в Бруней на о-в Калимантан, в Камбоджу и Сиам и на Яву⁵³; основная эскадра следовала третьим из названных путей), страна Самудра, Бьелоли на о-ве Цейлон, Сяогэлань (Малый Квилон) в Южной Индии и Каликут⁵⁴.

Таким образом, деятельность экспедиций китайского флота в начале XV в. охватывала не отдельные пункты, отмечавшие

⁴⁷ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, стр. 16—17.

⁴⁸ Там же, стр. 16—17.

⁴⁹ J. Duyvendak, *The True Dates...*, p. 386.

⁵⁰ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 55.

⁵¹ Там же, стр. 72.

⁵² Там же, Стихи, стр. 1.

⁵³ Там же, Предисловие комментатора, стр. 14—15.

⁵⁴ Там же, Предисловие комментатора, стр. 15—16.

путь следования флагманских кораблей, а неизмеримо более широкие пространства, включавшие почти весь район Южных морей. Кроме того, нельзя забывать, что наряду с экспедициями Чжэн Хэ и одновременно с ними был предпринят еще целый ряд походов китайского флота в страны Южных и Западных морей под командованием других лиц. Экспедиции Чжэн Хэ лишь наиболее известны среди прочих морских экспедиций начала XV в. благодаря своим масштабам и многократности.

Источники не дают сведений о составе и подробных маршрутов других экспедиций китайского флота в начале XV в. Однако известно, что в 1412 г. эскадра под командованием Ян Чи была направлена в Бенгал⁵⁵. В 1415 г. аналогичную морскую экспедицию в Бенгал возглавил Хоу Сянь⁵⁶. Он же командовал экспедицией 1420 г. в сопредельные с Бенгалом районы⁵⁷. В середине 1417 г. в Китай возвратилась экспедиция китайского флота под руководством Чжан Цяня. В числе ее участников называются офицеры (чжи хуй), начальники пунктов прибрежной обороны, солдаты и прочий люд⁵⁸. В 1420 г. Ян Цин водил китайский флот до Ормуза⁵⁹. В «Мин ши» упоминаются также имена У Цина и У Биня, возглавлявших в начале XV в. посольские миссии на Яву⁶⁰. При этом имя У Биня ставится в источнике в один ряд с Чжэн Хэ. Серия экспедиций китайского флота в заморские страны завершается экспедицией флота Чжэн Хэ в Самудру в 1434 г. Однако на этот раз флотом командовал ближайший соратник Чжэн Хэ Ван Цзин-хун, так как сам Чжэн Хэ к тому времени уже умер.

Помимо того, есть данные о целом ряде посольств в страны Южных и Западных морей в начале XV в., которые возглавлялись крупными сановниками и приближенными императора. Надо думать, что в распоряжении этих послов также были немалые военные отряды. Назовем наиболее крупные из таких посольств. Дворцовый евнух Инь Цин дважды отправлялся с миссиями в Малакку (1403, 1405 гг.)⁶¹. При этом отмечено, что в 1404 г. он посетил также Яву и Самудру⁶². Есть данные, что Инь Цин во время своих плаваний дошел до Южной Индии и Каликута⁶³, т. е. обошел примерно те же страны, что впоследствии Чжэн Хэ.

В 1403—1404 гг. Ма Бинь был послан с миссией на Яву⁶⁴. Кроме того, он должен был направиться с императорскими манифестами к властителю Самудры и дальше, в страны Западных

⁵⁵ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. I, Оглавление, стр. 1.

⁵⁶ «Мин ши», цз. 304, стр. 31463(3).

⁵⁷ Там же, стр. 31463(4).

⁵⁸ Тань Си-сы, *Минь да чжэн цзуань яо*, цз. 14, стр. 336, 34а.

⁵⁹ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, Предисловие, стр. 15.

⁶⁰ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(1).

⁶¹ «Мин ши», цз. 325, стр. 31776(1).

⁶² Там же, стр. 31778(3—4).

⁶³ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, Предисловие комментатора, стр. 17.

⁶⁴ «Мин ши», цз. 324, стр. 31770(4).

морей⁶⁵. Согласно некоторым данным он дошел до Южной Индии⁶⁶. В дальнейшем, в 1406 и 1410 гг., Ма Бинь дважды посылался с миссиями в Тямпу⁶⁷.

В 1403 г. Ли Син (в дальнейшем соратник Чжэн Хэ) был направлен послом в Сиам⁶⁸. В 1412 г. туда же был послан с отдельной миссией другой соратник Чжэн Хэ — Хун Бао⁶⁹. Кроме того, с особой миссией в Сиам был направлен в 1416 г. евнух Го Вэнь⁷⁰.

Итак, мы видим, что на протяжении первых трех десятилетий XV в. не проходило почти ни одного года без того, чтобы китайский флот и посольские миссии не посещали различные страны Южных морей. При этом многие из этих миссий представляли собой целые «великие армады» с внушительной военной силой на борту. В чем же состояла деятельность китайского флота в заморских странах? С точки зрения политических интересов минского правительства, она подчинялась указанным выше целям: поддержанию системы номинального вассалитета зарубежных стран и приданию ей большей действительности. Это определило двойной характер деятельности морских экспедиций в странах Южных морей — дипломатические шаги сочетались с демонстрацией военной силы и непосредственным вооруженным давлением. В «Мин ши» это обрисовывается следующим образом: «Они (участники экспедиции.— А. Б.) поочередно обошли все иноземные страны, объявляя императорские указы и поднося подарки местным властителям, а если те не подчинялись, то их подавляли военной силой»⁷¹.

Рассмотрим сначала дипломатическую сторону деятельности китайского флота в странах Южных морей в начале XV в. По словам самих участников морских экспедиций, они «укрепляли великие основы [правлящей династии], чтобы простерлась [ее власть] на десять тысяч поколений»⁷². Для этого они, как указано в Чанлэской надписи, «заручались почтительной преданностью и радушием со стороны отдаленных иноземцев»⁷³. Применявшиеся при этом дипломатические методы мало чем отличались от приемов китайских послов, посещавших страны Южных морей в конце XIV в. Руководители экспедиций, имевшие звания послов и помощников послов, торжественно зачитывали и вручали иноземным властителям императорские манифесты и указы.

⁶⁵ Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзуань яо*, цз. 13, стр. 226.

⁶⁶ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, Предисловие комментатора, стр. 17.

⁶⁷ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжэу цзы лу*, цз. 7, стр. 76, 9а.

⁶⁸ «Мин ши», цз. 324, стр. 31768(2).

⁶⁹ Там же, стр. 31768(4).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(3).

⁷² Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, Авторское предисловие к «Цзи лу хуй бянь», стр. 11.

⁷³ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 276.

Приведем для примера указ 1409 г., разосланный с кораблями Чжэн Хэ: «Императорский указ всем ванам и вождям племен всех заморских иноземцев. Я получил приказание Неба и являюсь государем Поднебесной. В полном согласии с волей Небесного Владыки Я действую милостиво и распространяю добродетель. Всем людям — старым и малым, где бы они ни находились в пределах между Небом и Землей, там, где светят Солнце и Луна и где выпадает иней и роса, — всем желаем, чтобы они продолжали заниматься своими делами. Ныне посылаю Чжэн Хэ с императорскими манифестами, распространяющими Мою волю, чтобы вы почитательно следовали Пути Неба, строго блюли Мои указания, в соответствии с разумом были безропотны, не позволяли себе нарушений и противоборства, не смели обижать тех, кто в меньшинстве, не смели притеснять слабых, дабы приблизиться к идеалу общего наслаждения счастьем совершенного мира. Если кто с выражением искренности прибудет ко двору, то для его поощрения приготовлены различные подарки. Поэтому и дан сей указ, чтобы всем стало о том известно! 7-й год Юнлэ, 3-й месяц... число»⁷⁴.

Таким образом, основное место в этом указе, как и в прежних императорских манифестах, занимает декларирование верховной власти китайского владыки, одобренное «высокоморальными» поучениями, приличествовавшими его сану. В конце же содержится прямое приглашение прислать в Китай ответные миссии, подслащенное обещаниями щедрых даров. Иначе говоря, перед морскими экспедициями ставилась все та же задача «привлечения» посольств из заморских стран в Китай.

Наряду с императорскими указами местным властителям вручались богатые подарки, что в немалой степени способствовало успеху дипломатической деятельности экспедиций. В некоторых случаях Чжэн Хэ одаривал не только правителей заморских стран, но и их приближенных и даже население. Фэй Синь, например, пишет, что когда китайский флот прибыл на Яву, то «властителю той страны были поднесены императорские указы и драгоценные дары... Первая супруга властителя, а также подчиненные ему деревенские старосты и простой народ — все получили от щедрот Неба»⁷⁵. На кораблях Чжэн Хэ доставлялись в Китай ответные дары местных властителей.

На борту кораблей эскадры Чжэн Хэ и других экспедиций китайского флота доставлялись в Китай и посольства из посещаемых ими стран. Гун Чжэнь писал: «По окончании наших дел

⁷⁴ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 58—59.

⁷⁵ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 15. Как показывает надпись Чжэн Хэ, найденная на о-ве Цейлон, участники экспедиций подносили богатые подарки наиболее известным культовым святилищам заморских стран. Так, только храму Будды было даровано около 4 кг золота и 13 кг серебра, а также много тканей и предметов культового ритуала (Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, стр. 50).

иноземцы посылали послов с различными местными товарами, а также диковинными животными, редкими птицами и другими вещами. [Послы] на наших кораблях доставлялись в столицу и подносили дань двору»⁷⁶. Причем, как указывается в Чанлэской надписи, Чжэн Хэ и его соратники часто брали с собой в качестве иноземных послов родственников местных властителей — их сыновей или младших братьев⁷⁷. Это напоминает практику взятия заложников, которую китайцы издавна применяли в отношениях с сопредельными странами.

В отношениях со странами Южных морей последнее было бы невозможно без внушительной демонстрации военной силы, которой располагали экспедиции. Вообще указанные дипломатические методы, несмотря на сходство с теми приемами, к которым прибегало китайское правительство в конце XIV в., приобретали совсем новую окраску благодаря тому, что во время визитов китайских миссий на рейдах портовых и столичных городов заморских стран стоял флот со значительной армией на борту. Отличие дипломатической деятельности морских экспедиций начала XV в. от практики более ранних посольств было и в том, что китайский флот обходил поочередно сразу несколько заморских стран, а не направлялся в какую-либо отдельную страну. Беспрецедентной была и периодичность, с которой прибывали китайские послы к берегам стран Южных морей.

Но китайцам не всегда удавалось добиться своих целей дипломатическими средствами. Как отмечает Фэй Синь, «мелкие и ничтожные далекие иноземцы иногда противились благодетельному воздействию императора»⁷⁸. В этих случаях китайцы прибегали к военному давлению. «Когда мы приходили в чужие страны, то тех властителей из иноземцев, которые упрямылись и не оказывали почтения, захватывали живьем; разбойничьи войска, которые своевольничали и грабили, уничтожали, и поэтому морские пути стали свободными, и иноземцы благодаря этому занялись мирными делами»⁷⁹, — гласит Чанлэская надпись Чжэн Хэ.

Первое крупное военное столкновение произошло в Палембанге осенью 1407 г. Оно имело интересную и важную для нас предысторию. Как указывалось выше, после инцидентов 1377 и 1380 гг. связи Китая с Палембангом были прерваны. После захвата яванцами Палембанга в 1377 г. подвластная ему территория — последний осколок обширной в прошлом державы Шривиджайя — распалась на три части. Яванцы поставили в Палембанге своего наместника, основной функцией которого было руководить морской торговлей, т. е. собирать торговый налог с много-

⁷⁶ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, изд. I, стр. 12.

⁷⁷ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 275.

⁷⁸ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, Авторское предисловие к «Цзи лу хуй бянь», стр. 11.

⁷⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 275.

численных кораблей, прибывавших туда⁸⁰. Примерно в это же время в Палембанге поселился китайский купец Лян Дао-мин. Он был уроженцем уезда Наньхай провинции Гуандун. Выдержав государственные экзамены на звание «цзиньши», Лян Дао-мин стал «посланцем». Во время своих поездок он понял, насколько выгодна заморская торговля, и стал торговать с Явой. Поэтому в большинстве источников он называется просто купцом из Гуандуна. Его торговые дела процветали, и вскоре он забрал свою семью и поселился с ней на Яве⁸¹. Очевидно, около 1380 г. Лян Дао-мин перебрался в Палембанг. Вскоре вокруг него сплотилось несколько тысяч китайских купцов — выходцев из провинций Гуандун и Фуцзянь, занимавшихся морской торговлей. Выбрав Лян Дао-мина своим начальником, они захватили власть в Палембанге.

В первые годы XV в. один из китайских послов, Сун Сюань, проезжая по Южным морям, взял заложником сына Лян Дао-мина и двух его рабов. Они были доставлены в Китай. Очевидно, только благодаря этому при императорском дворе стало известно, что в Палембанге правят китайцы. Тогда в 1405 г. в Палембанг было направлено посольство во главе с посланцем Тань Шэн-шоу и начальником поста прибрежной обороны Ян Си-нем с заданием «привлечь Лян Дао-мина к покорности» императору. Вместе с императорским манифестом послы взяли с собой и захваченного сына Лян Дао-мина и его рабов. Китайское посольство возвратилось в самом конце 1405 г., с ним прибыли в Китай Лян Дао-мин и его соратник Чжэн Бо-кэ с другими своими подчиненными. Они доставили «дань двору» из местных товаров. Император принял их благосклонно, щедро одарил ассигнациями и шелком, после чего они вернулись обратно в Палембанг. Посыльный Тань Шэн-шоу за успех своей миссии был повышен в чине.

В следующем, 1406 г. Лян Дао-мин направил в Китай своего побочного сына Лян Гуань-чжэна. Вместе с ним в Китай прибыл некто Чэнь Ши-лян, сын Чэнь Цзу-и. Чэнь Цзу-и был также уроженцем провинции Гуандун. Совершив преступление, он бежал из Китая и поселился в Палембанге. Здесь он выдвинулся и стал одним из руководителей китайской общины. Когда в 1405 г. Лян Дао-мин ездил в Китай, руководство китайской общиной в Палембанге было временно передано Ши Цзинь-цину. Чэнь Цзу-и уже тогда вступил с ними в борьбу за власть⁸². В 1406 г. Чэнь Цзу-и пришел к власти в Палембанге; это случилось, очевидно, уже после смерти Лян Дао-мина, о котором после 1406 г. нет упоминаний в источниках.

Чэнь Цзу-и, используя выгодное географическое положение Палембанга, занялся морским разбоем. Ма Хуань отмечает, что

⁸⁰ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 45а.

⁸¹ Там же, цз. 8, стр. 36а.

⁸² Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 3, стр. 14а.

он «грабил деньги и товары на всех проходивших мимо кораблях торговых гостей»⁸³. При этом Чэнь Цзу-и не делал различий между кораблями частных торговцев и посольскими миссиями, которые везли «дань» в Китай. В «Мин ши» записано: «Хотя [Чэнь Цзу-и] присылал дань двору, он был морским разбойником. Послам, курсировавшим с данью туда и обратно, приходилось от него плохо»⁸⁴.

Когда корабли Чжэн Хэ проходили в 1406 г. мимо Палембанга в Индийский океан, Чэнь Цзу-и еще не был у власти, так как в «Мин ши» отмечено, что Чжэн Хэ только на обратном пути, т. е. осенью 1407 г., послал к нему человека для «привлечения к покорности» императору⁸⁵.

Чэнь Цзу-и принял посланца Чжэн Хэ как положено, но решил внезапно напасть на китайский флот и ограбить его. Однако Ши Цзинь-цин предупредил Чжэн Хэ о готовившемся нападении. Поэтому когда войска Чэнь Цзу-и попытались захватить корабли Чжэн Хэ, то, как отмечает Фэй Синь, они «попались, как зверь в расставленную на него сеть»⁸⁶. Войска Чэнь Цзу-и были наголову разбиты, причем в схватке было уничтожено более 5 тыс. человек⁸⁷. Самого Чэнь Цзу-и схватили и вместе с несколькими его приверженцами в оковах доставили в Китай. Здесь его бросили к ногам императора, а затем публично казнили на городском рынке столицы.

Другое крупное столкновение произошло у экспедиций Чжэн Хэ в стране Самудра в 1415 г. Здесь китайские войска вмешались в происходившие в стране распри и борьбу за власть. Около 1407 г. местный властитель был убит в бою с войсками соседней страны. Полководец, совершивший разгром этой страны, стал супругом вдовы властителя и, пользуясь малолетством наследника престола, сосредоточил в своих руках всю власть. Однако последний между 1409 и 1412 гг. совершил переворот. Регент был убит, но его сын Секандар (в китайской транскрипции Суганьла) со своими приверженцами ушел в горы, где построил крепость, и оттуда стал совершать набеги, намереваясь захватить престол⁸⁸. Согласно данным Чанлэской и Люцзяцзянской надписей, а также по словам Фэй Синя, властитель Самудры направил в Китай посольство с просьбой о помощи против Секандара⁸⁹. По другой версии, изложенной в «Мин ши», Секандар сам напал на войска Чжэн Хэ, из-за того что ему не были вручены подарки от императора⁹⁰. Согласно «Мин ши», войско Секанда-

⁸³ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 17.

⁸⁴ «Мин ши», цз. 324, стр. 31773(2).

⁸⁵ Там же, стр. 31773(2—3).

⁸⁶ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 18.

⁸⁷ «Гуандун тун чжи», цз. 98, стр. 43а.

⁸⁸ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(4).

⁸⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 273, 277; Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 23.

⁹⁰ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(4); цз. 325, стр. 31778(4).

ра насчитывало несколько десятков тысяч человек⁹¹. Однако китайцы, которыми командовал в бою сам Чжэн Хэ, обратили неприятеля в бегство. Секандар и вся его семья были схвачены, доставлены в Китай и казнены.

Еще одно военное столкновение произошло у Чжэн Хэ на Цейлоне в 1411 г. Оно также закончилось победой китайских войск, а местный властитель был взят в плен.

Военные действия проводились китайским флотом и против пиратов, являвшихся тогда серьезным препятствием к развитию сообщения по Южным морям. Это должно было обеспечить безопасность посольского обмена со странами Южных морей, а также в немалой степени способствовало успешному развитию внешней морской торговли в этом районе. По свидетельству Фэй Синя, после разгрома Чэнь Цзу-и в 1407 г. «на морях водворился порядок и смирение»⁹². В мемориальной надписи Чжэн Хэ на Цейлоне говорится об экспедиции 1407—1409 гг.: «Когда наши послы были направлены огласить императорские манифесты всем иноземцам, морские пути оказались свободными»⁹³.

Итак, в отличие от грозных посланий, которыми ограничивалось правительство Китая в конце XIV в. при разрешении инцидентов во взаимоотношениях со странами Южных морей, в начале XV в. мы наблюдаем непосредственное вооруженное вмешательство китайских войск.

Такое сочетание дипломатических методов, не требовавших ничего принципиально нового от иноземных властителей, с демонстрацией военной силы обеспечивало успех деятельности китайских морских экспедиций в большинстве стран Южных морей. Почти все они предпочитали направлять свои посольства в Китай либо вместе с экспедициями, либо вслед за ними.

Во многих странах китайским послам оказывался пышный прием. Например, в Тямпе властитель под звуки барабанов и флейт выехал на слоне встречать Чжэн Хэ и других послов. Его сопровождала вся местная знать верхом на лошадях и более 500 солдат в полном вооружении — с мечами, короткими пиками и кожаными щитами⁹⁴.

В Чанлэской надписи с гордостью отмечается: «Все без исключения иноземцы соперничали, кто опередит других в преподношении чудесных вещей, хранящихся в горах или скрытых в море, и редкостных сокровищ, находящихся в водной шире, на суше и в песках»⁹⁵. Здесь в гиперболической форме отражен успех в получении «дани» в обмен на доставленные на борту морских экспедиций подарки.

На отношение мелких государств и княжеств Южных морей к

⁹¹ «Мин ши», цз. 325, стр. 31778(4).

⁹² Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. I, стр. 18.

⁹³ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, Приложение № 2, стр. 50.

⁹⁴ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, текст из «Цзи лу хуй бьянь», цз. I, стр. 2.

⁹⁵ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 277.

Китаю не могли не оказать соответствующее воздействие военные успехи экспедиций китайского флота. Как отмечается в источниках, после боя с Секандаром «иноземцы, узнав об этом, были потрясены и испуганы»⁹⁶. Фэй Синь в свою очередь говорит, что в результате этих событий «все иноземцы в трепете подчинились»⁹⁷. Это, конечно, обычное для китайских средневековых авторов преувеличение, но, несомненно, военные действия экспедиций Чжэн Хэ должны были иметь резонанс в заморских странах.

Активизация дипломатической деятельности и в первую очередь многократные крупные морские экспедиции, предпринятые китайским правительством в страны Южных морей в начале XV в., принесли немалые результаты.

Во-первых, это сказалось на расширении круга «даннических стран», вступивших в начале XV в. в посольские связи с Китаем. «Самые западные из стран Западного края и самые северные из северных стран несомненно далеко, но путь к ним можно подсчитать. Что же касается всех иноземцев, живущих за морем, то их страны поистине далеки. И все они с сокровищами и подношениями, с несколькими переводчиками⁹⁸ приходили ко двору императора»⁹⁹, — гласит Чанлэская надпись. Расширение круга стран, установивших посольские связи с Китаем в указанное время, произошло не только за счет освоения путей в более далекие края. В контакт с Китаем вступили и страны Южных морей, ранее не имевшие с ним официальных отношений. Это были небольшие государства и княжества, лежавшие в стороне от главных морских путей в Южных морях. Появление их посольств в Китае в начале XV в. объясняется деятельностью отдельных отрядов и кораблей, высланных в различных направлениях по пути следования основной эскадры китайского флота во время его плаваний.

Еще в 1405 г. в ответ на китайские посольства 1403—1404 гг. в Китай впервые прибыли миссии из Малакки¹⁰⁰, с о-ва Тимор¹⁰¹ и мелких княжеств Фэнцзяшилань (в китайской транскрипции; находилось на западном берегу о-ва Лусон севернее Манилы¹⁰²), Жилосячжи и Хэмаоли (в китайской транскрипции; находились близ о-ва Ява)¹⁰³. В 1406 г. прибыло первое посольство из Брунея¹⁰⁴, в 1411 г. — из Ару (близ мыса Ароа на Суматре)¹⁰⁵ и

⁹⁶ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 9, стр. 2а.

⁹⁷ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 23.

⁹⁸ Т. е. эти страны были столь далеки, что никто не мог объясняться с ними без предварительного перевода их речей на язык какой-либо другой страны, более близкой к Китаю.

⁹⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 274.

¹⁰⁰ «Мин ши», цз. 325, стр. 31776(4).

¹⁰¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31772(2).

¹⁰² «Мин ши», цз. 323, стр. 31759(3).

¹⁰³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31772(3); цз. 323, 31757(1).

¹⁰⁴ «Мин ши», цз. 323, стр. 31758(4).

¹⁰⁵ «Мин ши», цз. 325, стр. 31782(1).

Цзиландэна (Келантана, на восточном побережье п-ва Малакка)¹⁰⁶, в 1412 г.— из Наньболи (северо-западная оконечность о-ва Суматра)¹⁰⁷; в 1417 г.— с о-вов Сулу¹⁰⁸; в 1420 г.— из страны Гумалалан (в китайской транскрипции; точная идентификация неизвестна, находилась в Восточных морях, т. е. к востоку от Явы и Брунея)¹⁰⁹.

Кроме того, в период между 1403 и 1424 гг. (точной даты не указано) с Китаем завязали посольские отношения страны Нагур и Лифа (о-в Суматра)¹¹⁰.

Были, конечно, в Южных морях страны и княжества, не вступившие в посольские отношения с Китаем даже в этот период. Так, например, в «Мин ши» говорится о неудачных посольствах в 1405 г. в страны Маевэн, Гэбу и Сурминан (в китайской транскрипции; точной идентификации нет; находились в юго-западных морях), откуда, несмотря на присылку туда печатей, письменных посланий и подарков, ответные посольства так и не прибыли¹¹¹. Но таких стран было немного. Большинство стран Южных морей, в том числе все наиболее крупные, поддерживали в первой половине XV в. оживленные связи с Китаем.

Во-вторых, непосредственным результатом активизации политики китайского правительства в начале XV в. было значительное учащение посольских миссий в Китай из стран Южных морей. В первой трети XV в. посольский обмен с заморскими странами происходил с небывалой интенсивностью. В последующее время, вплоть до падения династии Мин (1644 г.), дипломатические связи Китая уже не достигали уровня первой трети XV в.

Фэй Синь отмечает, что в этот период «[посольства] с данью прибывали, опережая сроки»¹¹². При этом со стороны Китая уже не делалось попыток ограничить их поток известными рамками, как в конце XIV в.

Стремясь закрепить свое политическое влияние в странах Южных морей, китайское правительство в начале XV в. придавало очень большое значение регулярному и бесперебойному обмену с ними посольствами. Китайские послы постоянно отправлялись в различных направлениях. Они рассматривались китайцами как официальные представители императорской власти. Показательно в этом отношении высказывание одного из крупных сановников, посланного в Дайвьет в 1431 г. Обращаясь к местному правителю, он сказал: «Почитая наших послов, вы тем самым оказываете уважение императорскому двору, что же здесь объяснять?»¹¹³. Иноземные посольства с «данью» по-прежнему

¹⁰⁶ «Мин ши», цз. 326, стр. 31794(3).

¹⁰⁷ «Мин ши», цз. 325, стр. 31782(1).

¹⁰⁸ Там же, стр. 31780(1).

¹⁰⁹ «Мин ши», цз. 323, стр. 31759(2).

¹¹⁰ «Мин ши», цз. 325, стр. 31781(4).

¹¹¹ «Мин ши», цз. 323, стр. 31759(1—2).

¹¹² Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, Предисловие, стр. 12.

¹¹³ Луи Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 245.

оставались в глазах китайской правящей верхушки одним из существенных показателей вассальной зависимости зарубежных стран, а послы рассматривались как представители властителей заморских краев, отвечали за их дела и за поступки своих соотечественников.

Через послов передавались в Китай и из Китая все сообщения, жалобы, грамоты, указы, награды и предостережения. В связи с этим китайское правительство в начале XV в. уделяло очень большое внимание приему иноземных послов в Китае. В «Мин ши лу» сохранились некоторые интересные «высказывания» императоров Чжу Ди (1403—1424) и Чжу Чжань-цзи (1425—1435), проливающие свет на те цели, которые преследовала правящая верхушка Китая, оказывая почетный прием иностранным представителям.

В 1404 г. Чжу Ди на одном из приемов подозвал к себе послов, долго не отпускал их от себя, а затем, обращаясь к придворным, сказал: «Иноземцы приходят ко двору за десять тысяч ли. Если не устраивать им соответствующий прием и слегка не снизить до того, чтобы выказать к ним интерес, то они будут недовольны»¹¹⁴. Высказывание Чжу Чжань-цзи относится к 1426 г.: «Покорность приезжающих со всех четырех стран света гостей — самое дорогое на свете. Послы прибывают ныне ко двору, невзирая на дальние расстояния в десять тысяч ли, и все восхищаются Китаем. Следует обильно снабжать их провиантом из правительственных закромов, давать им щедрые подарки и устраивать банкеты, чтобы приблизиться к идеалу блестящего своим гостеприимным приемом двора»¹¹⁵.

Для того чтобы приблизиться в глазах прибывавших в Китай иноземцев к «идеалу блестящего двора», китайское правительство в начале XV в. не жалело средств. Послам оказывался поистине пышный прием. Их торжественно встречали и препровождали с почетным эскортом в столицу. Помимо торжественных аудиенций в императорском дворце, на которых принимали иноземных послов и ранее, с начала XV в. их стали приглашать на всевозможные дворцовые церемонии, празднества и увеселения — высочайшие выезды, жертвоприношения, всевозможные банкеты, состязания, игры, гулянья и представления. В 1405—1406 гг. в провинциях Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян было приказано построить при управлениях торговых кораблей специальные гостиницы для приема иноземных послов (сы и гуань)¹¹⁶. В 1407 г. было начато строительство восьми таких же гостиниц в столице¹¹⁷.

¹¹⁴ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чун Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды юи гуаньси*, стр. 26.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ «Мин ши», цз. 81, стр. 29035 (2).

¹¹⁷ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 664.

К услугам иноземных послов были «питейные дома». Только в одном Нанкине их было 16. Частным лицам предписывалось содержать кабаки, чтобы приезжие гости могли веселиться здесь вместе с китайцами. В этих же «питейных домах» для послов устраивались театральные представления. Тут же к их услугам были публичные женщины¹¹⁸. Есть сведения, что в Нанкине был разбит специальный сад с заморскими растениями, который предназначался для ублажения иноземных послов¹¹⁹.

Немалое значение для стимулирования притока иноземных послов в Китай имело одаривание их подарками. Щедрость даров должна была, по мысли китайского правительства, служить и показателем процветания и богатства императорского двора. В начале XV в. на торжественных приемах и перед отъездом в обратный путь сами послы и все члены их миссий получали подарки из фондов императорской казны. Согласно порядку, принятому еще в конце XIV в., дары каждому первый раз прибывшему в Китай посольству давались по строго определенной норме, выработанной Ведомством обрядов. В дальнейшем эта норма закреплялась для посольств из данной страны¹²⁰. Поэтому количество и состав подарков послам из различных стран были неодинаковыми. Однако, как показывают источники, в начале XV в. прежние нормативы в отношении подарков были пересмотрены и количественно и качественно, дары для послов различных стран не на много разнились друг от друга¹²¹. Следует учитывать также, что эти нормы часто изменялись. Например, порядок одаривания послов из Сиамы, принятый в 1417 г., существовал до 1425 г., в 1426—1435 гг. нормы были уменьшены вдвое, а затем снова были восстановлены в 1436—1456 гг.¹²².

Важно отметить, что среди прочих даров иноземным послам выдавались регалии китайских чиновников. Иначе говоря, китайский двор включал прибывавших иноземных послов в число непосредственных слуг и подданных императора. Правда, при этом от иноземцев не требовалось соблюдения всех обязанностей ки-

¹¹⁸ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чие Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды юи гуаньси*, стр. 27.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чие Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэньчжи, цзинцзи хэ вэнь-хуа-шан гуаньси*, стр. 104.

¹²¹ В «Да Мин хуй дьян» приводятся подробные сведения о нормах одаривания послов из различных стран Южных морей. При этом отмечено, что нормы для послов Тямпы и Малакки были составлены на основе порядка одаривания сиамских послов, установленного в 1417 г. (цз. 96, стр. 31а; цз. 103, стр. 76—8а). Нормы для сиамских послов 1417 г. предусматривали одаривание послов и их помощников богатыми одеждами, дорогими чиновными регалиями (поясами, головными уборами, обувью), а также различными тканями и ассигнациями. Остальным членам посольств в соответствии с их знатностью и должностью, занимаемой в посольской миссии, дарились соответственно более низкие по рангу китайские чиновные регалии и меньшее количество одежд, тканей и ассигнаций. Незнатные члены посольской миссии не получали китайских чиновных регалий (цз. 101, стр. 55а).

¹²² Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 176.

тайского чиновника, и, следовательно, процедура эта носила символический характер.

Продовольственное содержание иноземным послам, которые часто подолгу задерживались в столице, выдавалось из казенных закромов безвозмездно. Здесь также существовали определенные нормативы для посольств из различных стран¹²³. Помимо того, послы присутствовали на многих торжественных банкетах.

Китайские чиновники, виновные в плохом обращении с иноземными послами, подвергались строгим наказаниям. В 1411 г. начальник Ведомства обрядов Чжао Гун допустил нерадивость: не подал доклад о том, что послы из Кореи собираются уезжать и что им следует передать положенные дары. Когда об этом стало известно императору, он сказал: «Это поведет к потере мною расположения людей из далеких стран». И Чжао Гун был заключен в тюрьму¹²⁴.

Прием иноземных посольств расценивался в Китае как одно из самых важных государственных дел. В 1408 г., когда император предпринял поездку в Пекин, было приказано все важные государственные дела и всех иноземных послов направлять к нему. Все прочие дела разрешались правительством в Нанкине¹²⁵.

Придавая большое значение посольскому обмену, китайское правительство в начале XV в., в целях всемерного привлечения иноземцев в Китай, не устраивало строгой проверки официальных полномочий прибывавших послов. В «Шу юй чжоу цзы лу» отмечается, что многие выдававшие себя за послов иноземцы вовсе не имели на то официальных полномочий, и тем не менее к ним относились в Китае хорошо и принимали как послов¹²⁶. Такого рода людей привлекало то, что членам иноземных посольств разрешалось привозить с собой кроме предметов дани частные товары и на выгодных условиях торговать в Китае¹²⁷.

Всячески привлекая послов из заморских стран, китайское правительство рассчитывало, что пышный прием должен был ослепить их своим блеском, величием церемоний — внушить трепет перед неземным совершенством Сына Неба, жизнь, полная увеселений, — привлечь их симпатии к Китаю. Уделялось внимание и тому, чтобы у послов сложилось выгодное впечатление о военной силе Китая. Так, в одном из циркуляров, разосланных местным властям в 1408 г., говорилось: «Ввиду того что в

¹²³ Так, для 21 человека — члена посольской миссии из Бони — в начале XV в. отпускалось на каждые три дня 2 барана, 4 гуся, 8 кур, 20 бутылей вина, 1 дань (103,5 л) риса, 20 цзиней (11 кг 940 г) муки, фрукты четырех сортов и овощи (Сюй Бо, *Да Мин хуй дянь*, цз. 104, стр. 116). Нормы продовольственного содержания послам также часто изменялись в зависимости от количества запасов в правительственных закромах.

¹²⁴ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 249.

¹²⁵ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды ю гуаньси*, стр. 26.

¹²⁶ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 9а.

¹²⁷ Подробнее об этом см. гл. IV настоящей работы.

будущем году император осчастливит Бэйцзин (Пекин.— А. Б.) своим посещением и это явится большим событием, иноземцы племен Востока и Юга и множества различных стран всех четырех стран света все придут ко двору и увидят здесь этикет. Поэтому внешний вид войск, торжественные регалии и охрана не могут не быть блестящими. Кроме столичного гарнизона и императорской гвардии, сопровождающих высочайший выезд, следует подобрать крепких и здоровых воинов-храбрецов из местных гарнизонов и пополнить ими сопровождающую свиту, чтобы придать всему еще большую пышность и уберечься от неожиданностей»¹²⁸.

Мы уже отмечали, что сильные военные эскорты, направлявшиеся с китайскими посольствами в начале XV в., в большинстве случаев гарантировали не только их действенность, но и безопасность самих послов. Однако если все же с ними происходили в заморских краях инциденты, китайское правительство не оставляло это без последствий, в то же время стараясь не нарушить нормальный посольский обмен.

В этом отношении показателен случай с убийством китайских послов на Яве в 1406 г. Здесь шла борьба между двумя претендентами на престол — Вирабуми и Викрамавардханой.

Во время разгрома Вирабуми войсками Викрамавардханы в 1406 г. в его резиденции находилось китайское посольство. 170 солдат с китайских кораблей, которые занимались на берегу торговлей, были убиты. Викрамавардхана просил извинения через своего посла, выразив готовность заплатить компенсацию за убитых китайцев, а также сообщил о назначении заместителем восточной Явы сына Вирабуми¹²⁹. Китайцы ограничились покупкой на Яву гневного императорского манифеста. Сумма выкупа была определена в 60 тыс. лян золота (2238 кг)¹³⁰. Получить выкуп было поручено Чжэн Хэ.

Согласно «Мин ши», Чжэн Хэ, прибыв на Яву в 1408 г., получил в виде компенсации 10 тыс. лян золота (373 кг). Чиновники Ведомства обрядов настаивали на том, чтобы ввиду недоплаты заключить прибывшего с Явы посла в тюрьму. Однако император возразил: «Я желаю только того, чтобы люди из дальних стран боялись последствий своих поступков. Разве это золото берется ради наживы?»¹³¹. И остальная «задолженность» Явы была прощена.

¹²⁸ Чжэн Хао-шэн, *Шу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды ю гуаньси*, стр. 26. Стремление Китая придать дипломатическому церемониалу пышность, чтобы ослепить послов блеском и богатством и продемонстрировать им военную мощь страны, не представляло собой исключения. Почти аналогичные цели и приблизительно те же методы мы можем найти в дипломатической практике Византийской империи (см. Г. Никольсон, *Дипломатическое искусство*, стр. 52—53).

¹²⁹ «Гуандун тун чжи», цз. 97, стр. 39а.

¹³⁰ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(1).

¹³¹ Там же.

Заботу китайского правительства в начале XV в. о судьбе своих послов в заморских странах характеризует следующий инцидент. В 1415 г. один яванец выкупил китайских солдат, выброшенных бурей на берег одной из стран Южных морей и обращенных там в рабство. В 1418 г. эти солдаты вместе с яванским посольством были отправлены в Китай. Китайцы щедро вознаградили выкупившего¹³².

С развитием внешних связей в начале XV в. были восстановлены и расширены государственные учреждения, ведавшие польским обменом Китая с заморскими странами. Между 1399 и 1402 гг. департамент посланцев был упразднен и часть посланцев передана в штат церемониального приказа¹³³. К этому времени управления торговых кораблей уже не функционировали. Вскоре после 1403 г. департамент посланцев был восстановлен¹³⁴. В 1403 г. были вновь открыты управления торговых кораблей в Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне¹³⁵.

В 1407 г. при столичных гостиницах для приема иноземцев, учрежденных в том же году, была открыта школа переводчиков с иностранных языков¹³⁶. Ведомство обрядов отобрало 38 учащихся Государственной школы (Го цзы цзянь) для обучения их устному и письменному переводу. Держа столичные экзамены наряду с прочими чиновниками, экзаменационное сочинение они должны были давать также и в переводе на изучаемый ими язык. После сдачи экзаменов они направлялись на работу в гостиницы, принимавшие иноземных послов, где не прекращали совершенствоваться в письменном переводе¹³⁷. В дальнейшем штат переводчиков был еще более расширен, в результате чего, как отмечено в «Шу юй чжоу цзы лу», все послания, доставляемые различными иноземными послами, переводились на китайский язык¹³⁸.

В начале XV в. контроль над внешними связями Китая постепенно переходит к дворцовым евнухам. Большинство начальников экспедиций китайского флота в страны Южных и Западных морей, а также многие китайские послы, направлявшиеся с ответными миссиями в эти страны, принадлежали к этой категории лиц. Дворцовые евнухи захватили контроль над управлениями торговых кораблей. В «Гуандун тун чжи» записано: «Распоряжались доставленными в дань товарами дворцовые евнухи, а чиновники тицзюя [из управлений торговых кораблей] ведали лишь регистрацией и только»¹³⁹. Со временем в их руках оказались и посты начальников управлений торговых кораблей.

Роль евнухов в управлении государственными делами в Ки-

¹³² Там же, стр. 31771(1—2).

¹³³ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 679, 686.

¹³⁴ Там же, стр. 679, 686.

¹³⁵ «Мин ши», цз. 81, стр. 28973(1).

¹³⁶ «Мин ши», цз. 74, стр. 28873(4).

¹³⁷ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 664—665.

¹³⁸ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 21а.

¹³⁹ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

тае в период Мин была очень значительна. Сделавшись самой приближенной к трону кастой, они пытались закрепить свое положение, открыв при дворе школу для малолетних евнухов. Распространение их контроля на внешние посольские связи Китая, начавшееся с первых лет XV в., послужило впоследствии причиной борьбы придворных группировок, что отразилось на состоянии этих связей. Однако в рассматриваемый нами период — с начала до середины 30-х годов XV в. — поручение внешних связей кругу наиболее приближенных к императорскому трону лиц еще раз свидетельствует о большом значении, которое придавали правящие круги Китая внешним сношениям. Сосредоточение руководства этими сношениями в самых высших сферах служило на том этапе известным стимулом в их развитии.

В результате активизации внешней политики китайского правительства в начале XV в. параллельно с расширением посольских связей была значительно упрочена своеобразная система номинальных «вассальных отношений» стран Южных морей с Китаем во всех ее формальных проявлениях. Современники и участники заморских походов восторженно писали: «Среди множества стран нет таких, которые бы не сдались нам... Повсюду, куда приходили наши корабли и повозки и куда могли пройти люди, не было никого, кто бы не питал [к императору] чувства уважения и преданности... Все страны признали себя подданными. Процветает присылка дани и подношений»¹⁴⁰. Естественно, это красочная гипербола, типичная для официального стиля того времени в Китае. Однако здесь, несомненно, нашли отражение успехи, достигнутые Китаем в странах Южных морей в начале XV в. Периодическое появление в водах Южных морей китайского флота с армией на борту и прецеденты непосредственного военного вмешательства превратили Минскую империю во вполне реальную силу в глазах многочисленных мелких государственных образований этого района. Местные властители не могли не считаться с этим.

Этот успех сознавали китайские средневековые политики. В этом плане характерно высказывание Хуан Син-цзэна, автора книги о заморских странах, жившего полтора столетия спустя после экспедиций флота. Он писал, что хотя походы в заморские страны предпринимались Китаем и раньше, как в древние времена, так и в конце XIII в., но до начала периода Мин «не все эти страны были склонены к покорности... тогда как наша священная Династия достигла того, что многие десятки стран были соединены воедино и радостно оказывали почтение [Китаю]». Эта тирада заканчивается словами: «Можно с уверенностью сказать, что это слава!»¹⁴¹. Если отбросить характерную гиперболичность

¹⁴⁰ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, Предисловие, стр. 9—10.

¹⁴¹ Хуан Син-цзэн, *Си ян чао гун дэнь лу*. Цит. по английскому переводу: W. Mayers, *China's Exploration of the Indian Ocean during the XV Century*, pp. 223—224.

стиля и оставить на совести автора разговор о «радостях» иноземцев по поводу сложившегося положения, можно сказать, что здесь отразился определенный сдвиг в отношениях Минской империи с заморскими странами по сравнению с предшествующими временами. Иными словами, здесь в напыщенной форме передана мысль о превращении номинального вассалитета иноземных стран в стройную систему государственной политики. Начало этому было положено в конце XIV в., но осуществлено с наибольшим успехом в начале XV в.

Усиление политического влияния Китая в странах Южных морей в начале XV в. проявилось в целом ряде новых явлений, наблюдавшихся в их взаимоотношениях. Одним из них можно считать визиты некоторых правителей стран Южных морей ко двору императора.

В 1405 и 1408 гг. Китай посетил властитель Фэнцзяшилана (в китайской транскрипции)¹⁴², в 1408 и 1412 гг. ко двору прибыли властители страны Бони¹⁴³, в 1411, 1419, 1424 и 1433 гг.— правители Малакки¹⁴⁴, в 1417 г.— вожди различных племен с о-вов Сулу¹⁴⁵, в 1420 г.— властитель Гумалалана (в китайской транскрипции)¹⁴⁶, в 1434 г.— правитель Самудры¹⁴⁷. Некоторые из иноземных властителей прибывали со своими семьями, подчиненными и в сопровождении значительной свиты. Правителей о-вов Сулу, например, сопровождало 340 человек, а правителя Малакки — 540 человек.

Разумеется, иноземные властители преследовали свои цели, пытаясь использовать сближение с Китаем в собственных интересах. Однако, прибывая к императорскому двору, они должны были давать заверения в своей «преданности и почительности», т. е. в подчинении верховной власти императора. Это несомненно было определенным шагом вперед в поддержании системы номинального вассалитета иноземных стран, и визиты правителей стран Южных морей в Китай в начале XV в. можно считать большим достижением китайской политики в этом районе.

Посмотрим на конкретных примерах, каковы были цели и значение таких визитов «на высшем уровне». Возьмем прибытие к императорскому двору правителя Бони в 1408 г. Развитие отношений с Бони представляет для нас особый интерес, так как мы можем сравнить, как изменились в начале XV в. методы и цели

¹⁴² «Мин ши», цз. 323, стр. 81759(3—4).

¹⁴³ «Мин ши», цз. 325, стр. 31774(3), 31776(3). Кроме того, в «Гуандун тун чжи» (цз. 89, стр. 49а) говорится о прибытии в 1406 г. в Китай вана Бони Сявана. Очевидно, это ошибка, ибо Сяван, согласно данным других источников, наследовал вану, прибывшему в Китай в 1408 г., и посетил Китай только в 1412 г.

¹⁴⁴ «Мин ши», цз. 325, стр. 31777(1), 31777(2—3).

¹⁴⁵ Там же, стр. 31780(1).

¹⁴⁶ «Мин ши», цз. 323, стр. 31759(2).

¹⁴⁷ «Мин ши», цз. 325, стр. 31779(1).

китайской политики по сравнению с посольством Шэнь Чжи в 1370 г.

Добившись приезда посольства из Бони в 1371 г. и признавая им верховного сюзеренитета китайского императора, Китай не предпринимал попыток закрепить посольские связи с этой страной. До 1405 г. в источниках нет упоминаний о посольствах в Бони или из Бони. В 1405 г. местный властитель Манажэцзяна (в китайской транскрипции) прислал посольство с «положенной данью двору». Тогда в Бони был послан китайский чиновник титуловать Манажэцзяну ваном, ответить ему свидетельство на этот титул, манифест императора, удостоверительную разрезную печать и подарки. В ответ на это Манажэцзяна летом 1408 г. прибыл в Китай.

К берегам провинции Фуцзянь, куда прибыл ван Бони, был направлен для встречи высокого гостя один из дворцовых евнухов. Он приветствовал прибывших и дал банкет в их честь. На пути в столицу во всех уездных и областных центрах, через которые проезжали ван и его свита, для них устраивались банкеты. Император принял вана Бони на торжественной аудиенции. В «Мин ши» сохранилась запись беседы между ними. Ван, опустившись перед тронем на колени, сказал: «Вы, Ваше Величество, получив повеление Неба, объединили [под своей властью] бесчисленное множество стран. Я, живя на далеком острове, удостоился милости императора — получил в дар титул [вана]. Я захотел узреть императора, чтобы хоть немного выразить свою искренность, и, не боясь опасностей далекого пути, самолично со своей семьей и подчиненными прибыл к воротам Дворца выразить благодарность»¹⁴⁸.

Ван сказал также: «Ваши слуги и служанки в далеких краях существуют и плодятся, испытывая огромные милости Сына Неба. Жизнь стала зажиточной и спокойной... То, что у меня есть земля и народ, подвластные мне, множество пахотных полей, городов и поселков, жилые дома и дворцы, услаждающие меня жены и наложницы, хорошая еда и потребная одежда, всевозможная утварь и средства к существованию, то, что я силен, но ни на кого не нападаю, что всего у нас много и я не дерзаю насильничать, — всем этим я поистине обязан лишь Сыну Неба... Поэтому слуги и служанки [императора] из далеких краев не осмеливаются оставаться за пределами [поля зрения Императора]»¹⁴⁹. Естественно, речь вана была приукрашена китайскими летописцами, о чем свидетельствует ее типично китайская фразеология. Однако, принимая во внимание положение правителя Бони, находившегося в чужой стране в качестве заинтересованного лица, есть основания считать, что истинный смысл его обращения не был слишком сильно изменен.

¹⁴⁸ Там же, стр. 31774 (3—4).

¹⁴⁹ Там же, стр. 31775 (2—3).

Император отвечал, что в своих поступках он руководствуется указаниями умершего отца и не считает себя столь совершенным, как говорит о нем ван Бони. На это ван рассыпался в новых уверениях в совершенствах императора и, заканчивая свою речь, повторил: «Хотя моя земля и далека, но поистине мы поданные (ван минь) Сына Неба»¹⁵⁰.

Император тоже не поскупился на похвалы: «Среди глав различных стран юго-западных иноземцев нет таких, которые бы по мудрости могли сравниться с ваном Бони. Наивысшая искренность вана может пробить металл и камень; она достигнет божества. Добрая слава его будет жить вечно»¹⁵¹.

Воспроизводимая беседа по сути дела сводилась к взаимному обмену любезностями. Она не касалась тех вопросов, которые привели правителя Бони в Китай. Более того, из нее следует, что якобы единственной целью его было «узреть императора» и «выразить свою искренность». На деле же правителю Бони еще только предстояло обсудить интересовавшие его вопросы. Но для китайской дипломатии основной успех был достигнут уже на этой первой встрече: получено словесное подтверждение верховной власти императора. В свою очередь правитель Бони рассчитывал в обмен на это добиться результата в делах, побудивших его обратиться к Китаю. Перейдем к дальнейшим событиям.

Привезенные ваном и его супругой послания на золоте и серебре, а также прочие дары были выставлены в дворцовой палате Вэньхуа¹⁵². Посещением этой палаты и осмотром привезенных даров закончилась торжественная часть аудиенции. После этого всем членам посольства были поднесены китайские одежды. Император дал банкет в честь вана в палате Фэнтяньмэнь¹⁵³; супруга вана и более низкие подчиненные угощались отдельно. По окончании банкетов гости в сопровождении эскорта были отведены в гостиницу.

В последующие дни ван Бони был представлен различным принцам крови. В подарок ему были пожалованы всевозможные регалии для торжественных случаев, трон, серебряная посуда, зонты и опахала, конь в золоченой сбруе, одежды из шелка и много тканей. Однако Манажэцзяна не успел приступить к переговорам о делах, которые привели его в Китай. Немногим более чем через месяц после своего прибытия в столицу он умер в отведенной для него гостинице. Император «в знак скорби» три дня не занимался государственными делами. Были посланы специальные чиновники вознести заупокойные жертвы от имени импе-

¹⁵⁰ Там же, стр. 31775(3).

¹⁵¹ Там же, цз. 325, стр. 31775(4).

¹⁵² Палата Вэньхуа, расположенная с правой, восточной, стороны от трех главных палат дворцового комплекса, служила местом обучения наследника престола.

¹⁵³ Палата Фэнтяньмэнь была расположена за главными Южными воротами дворцового комплекса (Умэнь) и служила преддверьем к Трех главным палатам. Часто использовалась для приемов и аудиенций.

ратора и различных принцев крови. Похороны организовались за счет императорской казны. Тело Манажэцзяны было погребено на холме Шацзыган близ Нанкина. Могила была сооружена по принятым в Китае образцам: поставлена каменная надгробная стела, сооружена «священная дорога», ведущая к могиле, со статуями по обеим сторонам, построен храм в честь духа умершего¹⁵⁴. Манажэцзяне был дан загробный почетный титул «Почтительный и покорный», и местным чиновникам было приказано возносить ежегодные жертвоприношения в его честь.

Специальным императорским указом наследнику престола страны Бони — Сявану (в китайской транскрипции) выражалось соболезнование и «приказывалось» принять титул вана. Сяван продолжил переговоры с императором по вопросам, приведшим Манажэцзяну в Китай. Он подал на имя императора доклад, где раскрывал свои намерения: «Наша страна ежегодно поставляла стране Ява 40 цзиней борнеоской камфары¹⁵⁵. Просим приказать Яве прекратить взимание этих ежегодных поставок и разрешить ежегодно подносить их Небесной Династии. Мы ныне возвращаемся в свою страну и просим приказать, чтобы нас сопровождали с охраной и чтобы охрана осталась у нас на целый год, что отвечает чаяниям народа нашей страны. Вместе с тем просим установить сроки предоставления дани двору, а также число сопровождающих ее людей»¹⁵⁶.

Кроме того, Сяван обратился к императору еще с одной «просьбой» от имени покойного отца, который подготовил следующий «доклад»:

«Я удостоился милости императора, даровавшего мне титул [вана]. Подвластная мне территория полностью подчинена чжи фан¹⁵⁷. [Поэтому] прошу титуловать гору Хоушань в нашей стране Горой-охранительницей государства»¹⁵⁸. Обряд титулования самой высокой горы в том или ином уделе или области практиковался в Китае еще с древних времен. Он был связан с обрядом принесения жертв «духам гор и рек» отдельных областей и стран. Очевидно, обращаясь с этой просьбой по совету какого-нибудь китайского сановника, Манажэцзяна рассчитывал завоевать еще большее доверие императора.

Итак, властители Бони решили освободиться от зависимости по отношению к Яве и обратились за поддержкой к Китаю. Китайский гарнизон должен был обеспечить успех этого мероприятия. Однако за это властителям Бони пришлось признать свою

¹⁵⁴ Погребение это сохранилось до настоящего времени.

¹⁵⁵ Около 24 кг.

¹⁵⁶ «Мин ши», цз. 325, стр. 31775(1).

¹⁵⁷ Чжи фан — чиновная должность в древнем Китае. Занимавший ее человек ведал управлением территорией (сы фан) и поступлением дани с нее в казну императора. В период династий Мин и Цин (1368—1911 гг.) существовало управление — Чжи фан цин ли сы, которое ведало территориальными и пограничными вопросами.

¹⁵⁸ «Мин ши», цз. 325, стр. 31775(1).

зависимость от Китая и пойти на ежегодную выплату камфары. Но здесь они не просчитались: золото, серебро и прочие богатые дары, полученные от императора, на много лет вперед компенсировали поставки камфары. Приравнивая свою территорию к владениям императора, соглашаясь на символическое титулование горы по китайскому образцу, ван Бони старался избавиться от притязаний яванцев.

Предпринять указанные шаги властителей Бони заставили, очевидно, вымогательства яванцев, на чрезмерное сребролюбие посланцев которых ван Бони жаловался еще Шэнь Чжи в 1371 г. Бони предпочитало иметь в качестве сюзерена далекий Китай как гарантию от сюзеренитета близлежащей Явы, требования которой не ограничивались лишь номинальным вассалитетом. Отношения с Китаем сулили властителям Бони повышение их авторитета, формальное уравнивание в правах с яванскими властителями, а также получение богатых даров и возможность вести торговлю с Китаем. Что же касается Китая, то просьбы вана Бони (не говоря уже о поставках камфары), так же как и сам его визит, всецело отвечали внешнеполитическому курсу, избранному китайской правящей верхушкой в отношении стран Южных морей в начале XV в. Поэтому минское правительство охотно пошло навстречу просьбам правителя Бони.

Как отмечено в «Мин ши», император «одобрил» все пожелания вана Бони¹⁵⁹. На Яву был послан приказ прекратить взимание камфары с Бони. «Дань» из Бони предписывалось присылать в Китай раз в три года без ограничения количества сопровождающих ее послов¹⁶⁰. Китайский двор с радостью «даровал» одной из гор в далекой стране Бони титул «Гора вечного спокойствия, охраняющая государство». В честь титулования горы была выбита надпись на стеле. Этот документ весьма интересен. Он начинается с изложения кредо внешней политики минского правительства: «Небесный Владыка помог нам основать наше государство, вечное во времени и беспредельное в пространстве. Он приказал Тайцзу Гаохунади (Чжу Юань-чжану.— А. Б.) овладеть всей Поднебесной... Его гуманность и справедливость разлились повсюду, как солнечный свет. Бесчисленные государства во всех четырех странах света спешили стать вассалами и покориться, [посланцы их] скапливались при дворе... Я (Император Чэн-цзу.— А. Б.) наследовал великие замыслы [Тайцзу] и блюду их... Гармонически соединяю все подвластное мне, в равной мере рассматривая как единое целое, не отделяя Китай от зарубежных стран. Далекие и близкие края умиротворены и успокоены и смогли воспринять мои намерения»¹⁶¹. Далее следует изложение беседы императора с Манажэцзяной на аудиенции. Заканчивается

¹⁵⁹ Там же, стр. 31775(1).

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, стр. 31775(1—2).

стела восхвалениями вану Бони, провозглашением почетного наименования горы и стихами.

Кроме того, перед отъездом Сявану были вновь даны богатейшие подарки: 100 лян золота (3,73 кг), 3000 лян серебра (111,9 кг), ассигнации, дорогие ткани, посуда и т. д.¹⁶². Все остальные члены посольства также получили подарки.

Отвезти упомянутую стелу и водрузить ее на удвоенной чести горе поручалось дворцовому евнуху Чжан Цяню и посланцу Чжоу Кану, которые были направлены сопровождать властителя Бони на обратном пути. Есть основания предполагать, что по просьбе Сявана с ними были посланы китайские войска. Дело в том, что Чжан Цянь, выехав вместе с Сяваном из Китая в самом конце 1408 г., вернулся из Бони в 1410 г. Он пробыл там чуть больше года, т. е. в течение того времени, пока китайские войска должны были находиться в той стране. Если даже это не был специально направленный в Бони гарнизон, нет сомнения, что Чжан Цяня должен был сопровождать внушительный военный отряд. Это также является ярким свидетельством активизации политики Китая в странах Южных морей в начале XV в. и подтверждает стремление китайского правительства добиться ответственности своих «сюзеренных» прав.

С Чжан Цянем прибыл в Китай посол от Сявана с данью. В ответ на это в 1411 г. Чжан Цянь был снова направлен в Бони с подарками вану — 120 отрезами тканей. А в конце 1412 г. Сяван вновь прибыл в Китай, на этот раз в сопровождении своей матери. Снова в его честь устраивались приемы и многочисленные банкеты, а при отъезде (1413 г.) ему было даровано много золота, серебра, медных денег, ассигнаций, одежд, тканей, посуды. Страна Бони поддерживала тесные связи с Китаем до 1425 г., после чего, как сказано в «Мин ши», посольства оттуда стали прибывать все реже¹⁶³.

Примерно аналогичную картину — завязывание посольских связей с Китаем и признание его сюзеренитета с целью добиться независимости от соседней страны — мы наблюдаем и на примере отношений с Малаккой, правители которой в начале XV в. не раз бывали при императорском дворе. Основание султаната Малакка относится к 1400—1402 гг., когда сюда переселился из Тумасика (Сингалура) один из отпрысков царствующего дома ранее могущественной суматринской империи Шривиджайя Парамешвара. Поселение быстро росло благодаря своему выгодному положению на основном торговом пути из стран Южных морей в Индийский океан. Первоначально Малакка находилась в зависимости от Сиамы и выплачивала ему ежегодную дань в 40 лян золота¹⁶⁴. Как отмечают китайские источники, «в той зем-

¹⁶² Там же, стр. 31775(1).

¹⁶³ Там же, стр. 31776(2).

¹⁶⁴ Приблизительно 1,5 кг.

ле не было вана и она не именовалась государством»¹⁶⁵. Парамешвару китайцы называли «племенным вождем» или «хозяйном той земли»¹⁶⁶. Если Малакка не присылала в Сиам положенную дань, оттуда являлись за ней войска¹⁶⁷.

В конце 1403 г. в Малакку прибыло китайское посольство во главе с дворцовым евнухом Инь Цином. Он довел до сведения Парамешвары, сколь «велик и могуч» китайский император, и потребовал присылки малаккской посольской миссии и «дани» в Китай, наградив при этом Парамешвару подарками. Последний, как отмечено в «Мин ши», был очень обрадован и направил послов и дары из местных товаров вместе с Инь Цином. Послы прибыли в столицу Китая осенью 1405 г. Они передали императору, что властитель Малакки желает ежегодно выплачивать Китаю дань и просит считать его земли частью территории Китайской империи¹⁶⁸. Они просили также титуловать одну из гор страны званием «Гора-охранительница государства».

«Радость» Парамешвары, с которой, как отмечено в источниках, он решил «подчиниться» Китаю, объясняется теми же причинами, что наблюдались и на примере отношений Бони с Минской империей. Парамешвара предпочел признать номинальный вассалитет по отношению к Китаю, чтобы, опираясь на китайскую поддержку, избавиться от вполне реальной зависимости от Сиам. Именно стремлением затруднить вторжение сиамцев, а в случае такового получить помощь из Китая, объясняется его предложение «приравнять» Малакку к статусу китайских областей. При этом «дань» императорскому двору, оплачиваемая щедрыми ответными подарками, никак не могла идти в сравнение с ежегодными выплатами дани Сиаму.

Парамешвара не ошибся в своих расчетах. Император одобрил через послов его действия. Послы повезли с собой в Малакку императорский указ о назначении Парамешвары ваном, государственную печать и подарки: шелк и другие ткани, одежды и регалии для торжественных случаев. На каменной стеле был высечен текст торжественной надписи, провозглашавший Западную гору страны Малакка «Горой-охранительницей государства». Водрузить эту стелу в Малакке было поручено Инь Циному¹⁶⁹.

Осенью 1407 г. из Малакки снова прибыло посольство с данью. В ответ на это в 1409 г. Чжэн Хэ, который вел свой флот в третью экспедицию, было приказано на месте организовать церемонию титулования Парамешвары ваном. Чжэн Хэ доставил ему серебряную государственную печать, а также чиновничье платье, головной убор и пояс. Тогда же китайцы водрузили в

¹⁶⁵ «Мин ши», цз. 325, стр. 31776(3).

¹⁶⁶ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 22; Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, стр. 15.

¹⁶⁷ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 22.

¹⁶⁸ «Мин ши», цз. 325, стр. 31776(4).

¹⁶⁹ Там же, стр. 31776(4).

Малакке каменную стелу, провозглашавшую поселок Малакку городом¹⁷⁰, а прилегавшие к нему земли — государством¹⁷¹. Из Китая были также доставлены туда пограничные столбы в виде каменных стел, которые должны были обозначить границу нового государства¹⁷². После этого, как отмечают Ма Хуань и Фэй Синь, Сиам больше не осмеливался нападать на Малакку¹⁷³. Таким образом, хотя здесь дело не дошло до присылки китайского гарнизона, Китай охотно пошел на оказание помощи Малакке и активно вмешивался в ее взаимоотношения с Сиамом.

Чтобы выразить свою благодарность и сохранить покровительство Китая, в 1411 г. Парамешвара вместе со своей семьей и свитой, насчитывавшей более 540 человек, прибыл ко двору. Ему был оказан такой же пышный прием, как и вану Бони.

Заручившись расположением Китая, Парамешвара вскоре попытался использовать это в своих экспансионистских целях. В 1413 г. он отправил послов на Яву потребовать от яванских властителей район Палембанга, сообщив перед тем о своих притязаниях китайскому императору. В «Шу юй чжоу цзы лу» сказано, что он получил разрешение из Китая на захват Палембанга¹⁷⁴. Однако дело было сложнее. Как выяснил китайский посол У Цин, посетивший в это время Яву, Парамешвара подделал императорский приказ, якобы разрешавший ему захватить Палембанг. И тогда на Яву было направлено из Китая следующее послание: «Недавно стало известно, что Малакка требует возврата земли Палембанга, а ван Явы и подозревал [подлог] и в то же время боялся. Я искренне обхожусь с людьми, и если бы было на то (на захват Палембанга. — А. Б.) мое позволение, то обязательно был бы послан [на Яву] императорский указ. Как же ван мог усомниться? Мелкие люди не держат слова, не следует им легко доверяться»¹⁷⁵.

В 1419 г. Парамешвара вновь прибыл в Китай. Приняв ислам, он именовался теперь Искандер-шах, и поэтому некоторые китайские источники называют его новым властителем Малакки. Целью его визита была просьба о помощи против нападений со стороны Сиама. Отказав ему в поддержке его захватнических планов, Китай решил по-прежнему содействовать защите Малакки от сиамцев, но опять-таки дипломатическим путем. Из Китая в Сиам был направлен императорский указ с предостережением.

Текст этого документа является прекрасным образцом подобного рода посланий, к которым прибегал Китай в конце XIV и в XV в., воздерживаясь от непосредственного вмешательства в кон-

¹⁷⁰ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 22.

¹⁷¹ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. I, стр. 20.

¹⁷² Сюй Бо, *Да Мин хуй дянь*, цз. 96, стр. 31а.

¹⁷³ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 22; Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. I, стр. 20.

¹⁷⁴ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу лу*, цз. 8, стр. 276.

¹⁷⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(1).

фликт. Интересно отметить дипломатичный тон этого послания, отличающийся от прямолинейных приказаний, содержащихся в более ранних документах подобного характера. Указ, датированный концом 1419 г., гласил: «Я, почтительно получив на то соизволение Неба, правлю как государь китайцами и иноземцами. Руководствуясь в своем правлении помыслами любви ко всему живому между Небом и Землей, Я на всех взираю с одинаковой гуманностью, не делая различий между теми и другими. Ван [Сиама] может уважать порядок, предписанный Небом, усердно исполняя свои обязанности по присылке дани. Не проходит дня, чтобы я не помышлял о его благополучии и о покровительстве ему. Недавно ван страны Малакки Исыганьдэрша (Искандершах) унаследовал престол, чтобы воплощать замыслы своего отца¹⁷⁶. Он является сыном главной супруги вана. Он прислал дань к воротам Моего дворца. Он действовал совершенно справедливо, как и подобает всякому вану. Тем не менее Я узнал, что ван [Сиама] беспричинно захотел двинуть против него войска. Ведь, сражаясь с оружием в руках, войска обеих сторон будут нести потери, а поэтому любовь к войне не является гуманным помыслом. Ведь, поскольку ван страны Малакка уже подчинился Мне, он является вассалом императорского двора. Он уже доказал свою правоту перед императорским двором. Пренебрегая долгом, пойти на то, чтобы самочинно двинуть в бой войска, значит не считаться с императорским двором. Наверняка это не является замыслом самого вана [Сиама], а, вероятно, кто-либо из его приближенных сделал это, ложно прикрываясь именем вана. Забавляться войной по своему собственному, единоличному усмотрению — достойно негодования. Вану следует глубоко поразмыслить над этим, не впадать в заблуждения, поддерживать дружественные отношения с соседними странами, не нападать на других, но совместными усилиями оберегать свое благополучие. Разве можно впасть в крайности? Вану [Сиама] следует принять это во внимание»¹⁷⁷.

Это послание не помешало китайцам одарить, как положено, сиамского посла, прибывшего в начале 1420 г. в Китай, и направить для сопровождения его в обратный путь дворцового внука Ян Миня с подарками для правителя Сиама¹⁷⁸. Такое двоякое воздействие имело успех: в 1421 г. из Сиама в Китай прибыло посольство в составе 60 человек с дарами и просьбой о «прощении» за вторжение сиамских войск в Малакку¹⁷⁹.

После смерти Парамешвары в 1424 г. наследник престола прибыл в Китай со своей семьей и свитой.

В 1431 г. на корабле, доставившем в Китай послов из Самуд-

¹⁷⁶ Здесь сказалось заблуждение китайских канцеляристов, которые решили, что Искандер-шах — новый правитель Малакки.

¹⁷⁷ «Гуандун тунчжи», из. 101, стр. 546.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

ры, тайно прибыли три человека из Малакки. Они доложили, что их властитель снова хочет побывать в Китае, но опасается нападения со стороны Сиама, о котором его предупредили. Император отправил их назад вместе с флотом Чжэн Хэ (1431 г.). В Сиам был доставлен новый императорский указ с требованием поддерживать дружественные связи с соседями и не ослушиваться наказов китайского двора¹⁸⁰. После этого правитель Малакки осуществил свое намерение и прибыл в Китай (1433 г.). Он зазимовал в Нанкине, направившись следующей весной в Пекин, куда в 1421 г. была перенесена столица. Его приняли при дворе «как положено» и подарили корабль¹⁸¹. Пробыв в Китае до 1436 г. и возвращаясь обратно через провинцию Гуандун, правитель Малакки узнал о восшествии на престол нового императора. Вскоре ему передали указ с похвалами от нового императора, а губернатору Гуандуна было приказано сопровождать правителя Малакки на обратном пути¹⁸².

Помощь Парамешваре со стороны минского правительства не была «бескорыстной». Китайцы использовали улучшение отношений с Малаккой для организации своей базы и торговой фактории на этом важном скрещении морских путей. Вот как свидетельствует об этом Гун Чжэнь: «Китайские корабли, отправлявшиеся в Западные моря, создали в этом месте свою зарубежную резиденцию (вайфу). [Здесь] построен частокол и возведено четверо ворот и сторожевые башни. Внутри сооружена вторая стена и склады, наполненные всеми необходимыми припасами. Корабли главной эскадры Чжэн Хэ, посетив Тямпу, Яву и другие страны, а также корабли авангардных флотилий, высылаемых в Сиам и другие страны, — все при возвращении причаливают к берегам той страны. Корабли собираются все вместе... Всевозможные деньги и припасы, доставленные из различных стран, разбираются здесь и грузятся на корабли. Флот остается до 5-го месяца, когда начинают дуть попутные ветры, и в полном составе отправляется в обратный путь»¹⁸³. Хуан Чун, посетивший Малакку позже, отмечал, что часть дворца местного правителя крыта черепицей, оставленной здесь Чжэн Хэ, и что в городе много дворцов и зданий, построенных по китайскому образцу¹⁸⁴.

Есть косвенное упоминание о том, что аналогичная торговая фактория была основана китайскими моряками в начале XV в. и в стране Самудра¹⁸⁵. До этого попыток организации таких баз не встречалось во внешнеполитической практике китайского правительства. Это свидетельствует о том, что одной из целей активизации внешней политики Китая было обеспечение контроля над

¹⁸⁰ «Мин ши», цз. 325, стр. 31777(2).

¹⁸¹ Там же, стр. 31777(3).

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, стр. 16—17.

¹⁸⁴ W. Groeneveldt, *Notes on the Malay Archipelago...*, p. 126.

¹⁸⁵ Ван Дай-чжи, *Чжэн Хэ цзясян шэци ши хуа ца до*.

важным морским торговым путем в Индийский океан. Создание зарубежных опорных пунктов было существенным шагом по пути усиления китайского влияния в районе Южных морей.

Еще дальше по этому пути минское правительство пошло в Палембанге. Свидетельством тому служат события, последовавшие за разгромом Чэнь Цзу-и армией Чжэн Хэ. В 1407 г., очевидно на кораблях Чжэн Хэ, в Китай прибыл в качестве посла Палембанга Цю Янь-чэн, зять Ши Цзинь-цина, оказавшего помощь Чжэн Хэ, и преподнес дворцу «дань». Тогда указом императора район Палембанга был преобразован в самоуправляющийся «инородческий округ Цзюцзян» (Цзюцзян сюань вэй сы) и Ши Цзинь-цин назначен его начальником (сюань вэй сы ши). Такая автономия предоставлялась императорским правительством некоторым национальным меньшинствам на юго-западе страны: в провинциях Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань и Сычуань. Титул «сюань вэй сы ши» был наивысшим среди прочих титулов, дававшихся племенным вождям и родовым старейшинам этих национальных меньшинств. «Инородческие округа» подчинялись непосредственно центральной власти, а не местным провинциальным сановникам. «Сюань вэй сы ши» имел по китайской иерархии 3-й чиновный ранг¹⁸⁶.

С провозглашением Палембанга «инородческим округом» мы наблюдаем первую в истории внешних связей Минской империи попытку установления прямой власти китайского императора в районе Южных морей. Формально это провозглашение означало не что иное, как присоединение Палембанга к Китаю. И хотя, как мы покажем далее, это присоединение осталось не больше чем формальностью, сам по себе такой шаг минского правительства служит одним из ярких проявлений активизации китайской политики в странах Южных морей в начале XV в. Этот беспрецедентный случай красноречиво иллюстрирует стремление китайского правительства приблизить систему номинального вассалитета стран Южных морей к реальности. Другое дело, что на практике императорский двор не смог последовательно осуществить это начинание.

Насколько политика Китая в странах Южных морей стала активной и действенной в начале XV в. по сравнению с предшествующим временем и насколько усилилось здесь китайское влияние, хорошо прослеживается на примере вмешательства минского правительства в войны между Тямпой и Дайвьетом.

В самые последние годы XIV в. вьетнамцы вновь перешли в наступление на Тямпу. Они отвоевали прежде захваченные Тямпой районы и намеревались окончательно разгромить своих южных соседей. Тямпа оказалась в тяжелом положении. Первое же тямское посольство к новому китайскому императору (1403 г.)

¹⁸⁶ И. С. Бруннерт, В. В. Гагельстром, *Современная политическая организация Китая*, стр. 366—367.

кроме положенного послания и «дани» привезло жалобу на Дайвьет. Послы просили помощи. В ответ, как и в 1404 г., в Дайвьет был направлен императорский указ с требованием прекратить военные действия против Тямпы. Одновременно такой же указ был на всякий случай послан и в Тямпу. Однако, как и прежде, предостережения не оказали воздействия. Из Тямпы прибыл новый посол с просьбой о полном подчинении страны Китаю ввиду критического положения дел. Бумага, доставленная этим послом, гласила: «Дайвьет не подчинился императорскому указу и вторгся, высадив войска с кораблей. Людей, доставивших дань двору и везших назад дары, начисто ограбили. Кроме того, дарованный мне [чиновный] головной убор, пояс и печать, являющиеся символом вассальной зависимости [от Китая, тоже отняты]. Дайвьет также захватил мои земли в Шалия и дочиста ограбил их. Я боюсь, что не смогу продлить свое существование, и поэтому умоляю о подчинении [Китаю], составлении карты и присылке [китайских] чиновников для управления [страной]»¹⁸⁷.

В этой просьбе отчетливо прослеживается разница между вассальными отношениями стран Южных морей по отношению к Китаю и реальной зависимостью от него, которая, как мы видим, выразилась в «составлении карты», т. е. делении территории страны по китайскому образцу на области и уезды и присылке китайской администрации.

Однако правительство Китая не решалось воспользоваться этим предложением и ограничилось гневным указом в адрес вьетнамцев, а в Тямпу отослало подарки в знак благоволения. В 1406 г. из Тямпы вновь прибыло посольство с просьбой о помощи, и тогда китайский двор решил вмешаться. При этом китайская армия была двинута не в Тямпу, выразившую готовность подчиниться, а в Дайвьет. Это объяснялось расчетом на поддержку в самом Дайвьете со стороны группировки, недовольной узурпатором Ле Кюи Ли, захватившим власть в 1400 г., которая уже обращалась за помощью к Китаю. Так что данное вмешательство Китая отнюдь не было вызвано лишь намерениями оказать поддержку Тямпе. Оно было подготовлено экспансионистскими планами правящей минской верхушки в отношении Дайвьета. Однако расчеты на помощь со стороны Тямпы играли не последнюю роль в выборе момента для нападения на Дайвьет.

Одновременно с началом похода в 1406 г. военачальникам в провинции Гуандун было приказано подобрать 600 солдат, поручить их способным офицерам и, снабдив оружием, доспехами и продовольствием, отправить на кораблях в Тямпу для участия в походе на Дайвьет с юга¹⁸⁸. Вместе с тем в Тямпу был направлен китайский посол Ма Бинь, который с помощью богатых подарков должен был побудить местного властителя к наступлению на

¹⁸⁷ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761 (4)—31762 (1).

¹⁸⁸ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 76.

Дайвьет с юга. Когда же тямские войска выступили в этот поход, то из Китая был прислан другой посланец, Ван Гуй-тун, с благодарностью от императора и новыми дарами.

Дайвьет был захвачен китайскими войсками. Тямпа отвоевала ранее отданные вьетнамцам районы и отослала пленных военачальников противника в дар китайскому императору. Китайский двор помнил, что Тямпа обещала подчиниться, но сил империи хватило лишь на то, чтобы удержать захваченные районы Дайвьета. Поэтому в «Хуан мин сы и као» отмечается: «Император, покорив Цзяочжи (Бакбо, т. е. северную часть Вьетнама.— А. Б.), не захотел посылать войска на далеких иноземцев. К вану [Тямпы] был направлен посол с императорским манифестом, [гласившим, что он должен] присоединиться к завоеванным нами землям»¹⁸⁹. Однако, избегнув угрозы со стороны Дайвьета и, очевидно, узнав о нежелании китайцев продолжать поход на юг, Тямпа оставила этот намек без внимания, забыв свою недавнюю просьбу о подчинении. Одновременно из Тямпы в Китай продолжали прибывать послы с «данью» и выражением благодарности за военную помощь. Китайцы не настаивали и слали ответные посольства. Есть даже сведения, что в знак особого расположения вану Тямпы была дарована в 1408 г. государственная печать из чистого золота¹⁹⁰.

Однако Тямпа не переставала опасаться близкого соседства китайских гарнизонов. Когда в 1413 г. китайские войска в Дайвьете были двинуты в карательный поход против Чэнь Цзи-ко¹⁹¹, властителю Тямпы было вновь предложено выступить с войском на помощь китайцам. Однако, как докладывал императору сановник Чэнь Ся, ван Тямпы, получив в жены вьетнамскому принцессу, вошел в сговор с вьетнамцами, помог им золотом, шелком и боевыми слонами и обещал развернуть совместные действия против Китая¹⁹². Чэнь Ся предлагал послать китайские войска против Тямпы. Однако императорский двор ограничился лишь грозным предостережением Тямпе с требованием вернуть уже захваченную ею «у китайцев» территорию. Императорский манифест, посланный тогда в Тямпу, требовал точного исполнения властителем обязанностей вассала: регулярной присылки послов и ниспрошения разрешений о вступлении на престол каждым новым престолонаследником¹⁹³. В Дайвьет из Китая были посланы армейские подкрепления¹⁹⁴. После этого Тямпа отказа-

¹⁸⁹ Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, стр. 33.

¹⁹⁰ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 8а.

¹⁹¹ В «Мин ши» эти события относятся к 1415 г. [цз. 324, стр. 31762(1)], а в «Шу юй чжоу цзы лу» — к 1413 г. (цз. 7, стр. 9а, 9б). Судя по всему, китайская транскрипция имени Чэнь Цзи-ко обозначает вьетнамского властителя Чан Кюи Кхоат (1409—1413 гг.). Следовательно, данные события относятся к 1413 г.

¹⁹² «Мин ши», цз. 324, стр. 31762(1).

¹⁹³ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 9б.

¹⁹⁴ Там же.

лась от борьбы и оттуда прибыл посол, как отмечено в «Мин ши», просить «прощения» от имени местного вана ¹⁹⁵.

Вообще сам факт оккупации Дайвьета Минской империей должен был в немалой степени способствовать усилению влияния Китая в районе Южных морей. Лежавшие здесь страны, не говоря уже о Тямпе, к рубежам которой непосредственно приблизились китайские армии, не могли не считаться со столь весомыми доказательствами «авторитета» и «добродетелей» Минской империи. Захват Дайвьета наряду с началом морских экспедиций китайского флота побудил многие страны Южных морей смотреть на Китай как на вполне реальную силу в этом районе и, с одной стороны, опасаться, а с другой — стремиться получить его поддержку в собственных интересах.

Последнее отнюдь не всегда выражалось в непосредственной просьбе о помощи, как это имело место в случае с Бони, Малаккой и Тямпой. Некоторые страны Южных морей обращались к Китаю как к третейскому судье и арбитру для разрешения своих конфликтов. Возьмем, например, споры о посольских правах между Тямпой и Сиамом. Между 1405—1407 гг. из Тямпы поступила в Китай жалоба на Сиам в связи с ограблением сиамцами тямского посольства, направлявшегося к китайским берегам. Вскоре Самудра и Малакка также пожаловались на произвол со стороны сиамцев, которые перехватили посланные им из Китая печати и указы императора. Тогда в Сиам была направлена бумага следующего содержания: «Тямпа, Самудра и Малакка — все, так же как и вы, получают приказания двора. Как же можно, выказывая свою силу, арестовывать их послов, везущих дань, захватывать посланные им печати и указы? Путь Неба ясен: счастье добродетельным, беда порочным. Предостережением в этом могут служить разбойники Ли из Дайвьета ¹⁹⁶. Следует немедленно отпустить посла Тямпы и возвратить Самудре и Малакке печати и указы. Отныне вам следует почитать закон, как положено охранять свою территорию и поддерживать дружбу с соседними государствами. Тогда все будут вечно наслаждаться счастьем совершенного мира» ¹⁹⁷. Интересно отметить, что китайское правительство подкрепляло свои угрозы ссылкой на захват Дайвьета.

Этот приказ был, очевидно, доставлен в Сиам на кораблях Чжэн Хэ в 1408 г., ибо в «Мин ши» отмечено, что после этого визита правитель Сиама прислал посольство с извинениями ¹⁹⁸.

В 30-х годах XV в. сиамский корабль, направлявшийся с посольством в Китай, причалил в одной из гаваней Тямпы. Здесь он был начисто ограблен, а все посольство — 50 человек — за-

¹⁹⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31762(2).

¹⁹⁶ Намек на покорение в 1407 г. китайцами Дайвьета, где правила династия Ли.

¹⁹⁷ «Мин ши», цз. 324, стр. 31768(3).

¹⁹⁸ Там же, стр. 31768(4).

держано. Сановник, сопровождавший дань, сумел тайно перестать на другой корабль, шедший в Китай, и в 1436 г. прибыл с жалобой ко двору. По распоряжению императора был вызван посол Тямпы, находившийся в то время в Китае, и между ним и жалобщиком была устроена очная ставка. Посол не смог оправдать действия своей страны. Тогда в Тямпу был направлен приказ полностью возвратить все захваченное — людей и товары. В ответ на это из Тямпы в Ведомство обрядов поступила следующая бумага: «Когда в позапрошлом году из нашей страны был послан посол в страну Суйвэньдана (Самудра.— А. Б.), он также был ограблен людьми из Сиама. Пусть сначала Сиам вернет награбленное, и тогда наша страна не осмелится не вернуть»¹⁹⁹. Когда в 1438 г. в Китай прибыл посол из Сиама, ему были переданы аргументы Тямпы и приказано возвратить захваченное. В источниках не записано, чем кончился этот спор. Однако, как мы видим, обе стороны обращались к Китаю как к посреднику.

В некоторых странах Южных морей местные власти пытались использовать возросшее влияние Китая в борьбе со своими внутренними соперниками. Например, после начала междоусобной войны в Маджапахите в 1401 г. оба претендента на престол направили в Китай свои посольства с просьбой признать их «ванами», т. е. пытаясь тем самым доказать свое единоличное право на престол²⁰⁰. Правда, китайский двор, приветствуя их рвение, признал в 1403—1404 гг. обоих претендентов, но сам факт обращения их к Китаю может также служить подтверждением усиления китайского влияния в районе Южных морей.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что в начале XV в. наблюдалась определенная активизация внешней политики Китая в странах Южных морей. Она проявилась в многократных экспедициях китайского флота со значительными военными силами на борту, в вооруженном вмешательстве в дела некоторых из этих стран, в расширении дипломатических связей и усилении дипломатического вмешательства в данном районе, в попытках организации баз — стоянок китайского флота и, наконец, в провозглашении одной из упомянутых стран — Палембанга — «инородческим округом» империи Мин. Основным результатом этой активизации было практическое усиление китайского влияния в данном районе. В этом плане можно говорить о шагах минского правительства в сторону приближения чисто номинального вассалитета стран Южных морей к реальности.

Однако и в начале XV в. вассалитет стран этого района, который пыталось установить минское правительство, не вышел за рамки номинального и не достиг той степени, которая, ска-

¹⁹⁹ Там же, стр. 31769(1).

²⁰⁰ Там же, стр. 31770(4).

жем, наблюдалась даже в отношениях Минской империи с такими странами, как Чосон (Корея) и Дайвьет. Если посмотреть на политику минского правительства в странах Южных морей под этим углом, то даже в начале XV в., в момент ее наивысшей активизации, обращает на себя внимание половинчатость предпринятых шагов. Проиллюстрируем это конкретными примерами.

Вассалитет стран Южных морей, как и в конце XIV в., не получил закрепления в каких-либо юридических документах, определявших права и обязанности сюзерена и вассалов. Иными словами, сложившаяся система межгосударственных связей Китая с этими странами в начале XV в. не получила подкрепления в договорных отношениях. Страны указанного района продолжали проводить самостоятельную внешнюю (не говоря уже о внутренней) политику: вести войны и поддерживать между собой двусторонние посольские связи, сопровождавшиеся вручением посланий и даров. Палембанг, например, самостоятельно поддерживал в начале XV в. дипломатические отношения с Чосоном, Японией, о-вами Рюкю, Дайвьетом, Малаккой и Сиамом²⁰¹.

Оказав действительную помощь Тямпе и Малакке, минское правительство не решилось предпринять попыток к их реальному подчинению, несмотря на формальный предлог — просьбы властителей этих стран о «приравнении» их владений к областям китайской империи. Оно не воспользовалось и просьбой Бони о посылке туда китайских войск. Многократные экспедиции китайского флота также не оставляли в заморских странах ни кораблей, ни воинских отрядов, в полном составе уходя обратно к берегам Китая. Не было китайских гарнизонов даже на базах-стоянках, которые пытались организовать китайцы в Малакке и Самудре.

Четче всего половинчатость политики минского правительства в этом районе в начале XV в. прослеживается на примере Палембанга. Объявление города и его округа «инородческим округом» Китайской империи по существу не изменило положения Палембанга и его взаимоотношений с Китаем. В «Мин ши» и «Гуандун тун чжи» отмечается, что он и после этого продолжал находиться в вассальной зависимости от Явы²⁰². Более того, в бумаге, посланной императорским двором в Маджапахит в 1413 г. в связи с притязаниями Малакки на Палембанг, практически подтвердились права яванцев на этот район²⁰³. Китайские источники сообщают, что первому «начальнику инородческого округа Цзюцзян» Ши Цзинь-цину была дарована такая же государственная печать, как и всем прочим властителям стран Южных морей²⁰⁴. Ши Цзинь-цин, так же как и Лян Дао-мин, посылал своих послов в Китай. Они подносили императору

²⁰¹ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 97.

²⁰² «Мин ши», цз. 324, стр. 31773 (3); «Гуандун тун чжи», цз. 98, стр. 43а.

²⁰³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771 (1).

²⁰⁴ «Гуандун тун чжи», цз. 98, стр. 43а.

«дань», получали ответные дары и вообще принимались как и все прочие иноземные послы.

В 1423 г. титул «сюань вэй сы ши» наследовал сын Ши Цзиньцина; это было утверждено китайским двором. Вообще же упоминания о китайских правителях Палембанга встречаются до 1440 г.²⁰⁵ То, что власть в Палембанге в течение 60 лет находилась в руках выходцев из Китая, могло бы значительно облегчить минскому правительству задачу практического подчинения этого района. Однако, как мы видим, оно ставило этих «заморских китайцев» на одну доску с прочими иноземными властителями, ограничиваясь требованиями формального проявления их вассалитета. И это было характерно не только в отношении Палембанга.

Здесь мы сталкиваемся с большой и интересной проблемой: отношением китайского правительства к так называемым китайским эмигрантам в странах Южных морей. Эти «эмигранты» были выходцами из Китая, которые переселялись с семьями или без них на временное или постоянное жительство в различные страны Южных морей. Они отправлялись туда в поисках лучших условий труда, прибыли, больших удобств ведения морской торговли, а также скрываясь от притеснений и преследований китайских властей.

Процесс переселения китайцев в район Южных морей начался за несколько веков до рассматриваемого нами времени²⁰⁶. В конце XIV и самом начале XV в. существовали значительные переселенческие колонии китайцев в целом ряде пунктов в Южных морях. По данным «Мин ши», в Палембанге ко времени захвата в нем власти Лян Дао-мином насчитывалось несколько тысяч выходцев из Гуандуна и Фуцзянь, поселившихся там на жительство²⁰⁷.

Ма Хуань, Фэй Синь и Гун Чжэнь указывают несколько поселений на о-ве Ява в начале XV в. Это — Тубан, Сурабая и Маджапахит, где китайцы жили совместно с местными жи-

²⁰⁵ Чжэн Хао-шэн, *Шуу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цянь цзай чжэнчжи, цзинцзи, хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 97.

²⁰⁶ Начало этого процесса восходит приблизительно к IX в. н. э. Корни его следует искать, с одной стороны, в установлении и расширении регулярных дипломатических и торговых связей Китая со странами Южных морей, а с другой — в усилении эксплуатации непосредственных производителей в Китае и обострении классовых противоречий, сопровождавшемся внутренними войнами и нашествиями извне. Оба названных фактора характерны и для XI—XIII вв., когда продолжала нарастать волна переселенцев из Китая в страны Южных морей. Первые письменные свидетельства о поселениях китайцев в этом районе относятся к концу XIII—XIV вв. Это упоминание Чжоу Да-гуаня о китайцах, осевших в Камбодже, относящееся к 1296 г., и описание Ван Да-цзоаем китайских поселенцев в Тумасике (Сингапуре), относящееся к 1349 г. (V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, pp. 19, 21). В. Парселл, специально исследовавший рассматриваемый вопрос, считает, что сколько-нибудь значительные и постоянные поселения китайцев появляются в странах Южных морей с XIV в. (Ibid., Introduction, p. 28).

²⁰⁷ «Мин ши», цз. 324, стр. 31773(2).

телями²⁰⁸, а также г. Гресе, который был основан китайцами. Ма Хуань описывает его следующим образом: «Раньше здесь (в Гресе.— А. Б.) была песчаная отмель, но затем китайцы прибыли сюда и обосновались здесь. И поселение стало называться Синьцунь (Новое поселение.— А. Б.). В настоящее время главой в том поселении является выходец из Гуандуна. Живет там приблизительно тысяча с лишним семейств»²⁰⁹.

Одна из ранних китайских переселенческих колоний была расположена на о-ве Биллитон. По данным Фэй Синя, основана ей было положено во время попытки военной экспедиции монгольско-китайских войск завоевать Яву в конце XIII в., когда здесь осталось на постоянное жительство более ста китайских солдат²¹⁰. Позднее, по данным «Мин ши», они обжились, и там было много китайцев²¹¹.

Экспедиции китайского флота под руководством Чжэн Хэ и других его современников в большей степени способствовали усилению процесса переселения китайцев на жительство в страны Южных морей. Первые сведения о китайцах-переселенцах в Малакке приводит Фэй Синь²¹². Известно, что один из ранних правителей Малакки (первая половина XV в.) был женат на дочери главы местной китайской общины²¹³. Еще одно упоминание об этой общине относится к 1459 г. При этом сообщается, что один из четырех сановников, составлявших высший совет при султанах Малакки, был китайцем²¹⁴.

Основание китайского поселения в Поло относится в «Мин ши» ко времени плаваний Чжэн Хэ, когда здесь остались выходцы из Фуцзяни²¹⁵. Есть данные, что в XV в. на о-ве Калимантан существовали китайские поселения в Самбасе, Понтианаке, Сукадане и Брунее²¹⁶. В «Мин ши» сообщается о китайском поселении на Молуккских островах²¹⁷. Появление китайской колонии на о-ве Лусон, очевидно, относится к началу XV в., т. е. к моменту установления посольских связей с Китаем. Как отмечено в «Мин ши», еще задолго до захвата Лусона испанцами (1570—1577 гг.) «ввиду того, что земля та близка и обильна, набралось там несколько десятков тысяч человек богатых торговцев из Фуцзяни, которые зачастую подолгу жили там, не возвращаясь в Китай, и даже выращивали там сыновей и внуков»²¹⁸.

²⁰⁸ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 8, 9, 11.

²⁰⁹ Там же, стр. 9.

²¹⁰ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 10.

²¹¹ «Мин ши», цз. 323, стр. 31759(2).

²¹² Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 20.

²¹³ V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, p. 285.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ «Мин ши», цз. 323, стр. 31753(1).

²¹⁶ Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 112.

²¹⁷ «Мин ши», цз. 323, стр. 31757(3).

²¹⁸ Там же, стр. 31755(2).

Таким образом, уже в конце XIV и в XV в. китайские поселения были разбросаны во многих странах Южных морей — от о-ва Суматры на западе до Филиппинских и Молуккских островов на востоке. Исчерпывающее решение вопроса о характере этой колонизации могло бы стать предметом специального исследования. К тому же данные в источниках на этот счет весьма ограничены. Поэтому мы коснемся этой темы лишь в общих чертах, насколько того требует интересующая нас проблема отношения минского правительства к китайским «эмигрантам».

В большинстве случаев китайцы расселялись в городах и поселках стран Южных морей или же в непосредственной близости от населенных пунктов. Обычно они занимались морской торговлей, значительно реже и в меньшей степени — ремеслом, сельским хозяйством и добычей полезных ископаемых. Китайские переселенческие общины не были однородны по своей социальной структуре: в «Мин ши» отмечается, что китайская колония на Лусоне состоит из семей богатых купцов и жизнь китайцев на Яве весьма состоятельна²¹⁹, а донесения ранних европейских путешественников на Дальний Восток свидетельствуют о наличии среди китайских переселенцев невольников. К середине XVII в. китайская община в Малакке состояла из 127 мужчин и 140 женщин, 159 детей и 93 невольников-мужчин, 137 невольниц и 60 невольничьих детей²²⁰. Однако все члены переселенческих общин продолжали считать себя китайцами, сохраняли свой язык, обычаи и культуру и почти не ассимилировались с местным населением.

В целом, судя по отрывочным данным источников, китайские общины в странах Южных морей в рассматриваемый период представляли собой особый вид колоний переселенческого типа²²¹.

Говоря об особом виде, мы прежде всего подразумеваем их политический статус. В то время в большинстве стран Южных морей еще имелись пространства, никем не занятых и не возделываемых земель. Как отмечает В. Парселл, для ранних времен китайской колонизации в этих странах характерно, что китайцы селились там, где хотели²²². В связи с этим они не были в экономической зависимости от местных властей. Вместе с тем они не создавали и самостоятельных государственных образований, обособленных политически от тех стран Южных морей, на территории которых они располагались. Приходя к власти в тех или иных из этих стран (Палембанг, а позже Поло), выходцы из

²¹⁹ «Мин ши», цз. 323, стр. 31755(2); цз. 324, стр. 31771(4).

²²⁰ V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, p. 289.

²²¹ Как известно, термин «колония» применяется к двум совершенно различным по социально-экономической структуре типам стран — переселенческим колониям, которые Ф. Энгельс называл «собственно колониями» (Ф. Энгельс, *Энгельс — Карлу Каутскому, 12 сентября 1882 г.*, стр. 297), и странам, поработенным и эксплуатируемым господствующими классами другой страны.

²²² V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, Introduction, p. 28.

китайских переселенцев объявляли себя властителями всей данной страны, не выделяя особо местную китайскую общину. Как правило, китайские общины пользовались известным самоуправлением (имели собственное выборное руководство), составляли военные ополчения, но вынуждены были считаться с политической властью местных правителей.

Но основной особенностью этой колонизации была полная независимость переселенцев в странах Южных морей от центрального императорского правительства и местных властей прибрежных провинций Китая. Пример Палембанга наглядно подтверждает практическую самостоятельность заморских китайцев даже при формальном провозглашении власти империи в этом районе. В других же случаях минское правительство не пыталось даже формально провозглашать свою власть над китайскими переселенческими колониями в странах Южных морей. Некоторые из колонистов поддерживали с минским двором посольские связи, и эти посланцы принимались в Китае так же, как и все прочие иноземцы. Так, например, в 1411 г. в Китай прибыл глава китайской колонии в г. Гресе²²³. Он был принят как обычный «иноземный глава». Большинство же китайских переселенческих общин вообще не поддерживало официальных отношений с Китаем.

Теперь вновь вернемся к вопросу: почему при всей активизации внешней политики в странах Южных морей в начале XV в. минское правительство не обратило себе на пользу такое выгодное для него условие, как широкое распространение в этих странах китайских колонистов? На первый взгляд дело обстоит довольно просто: китайские источники «официального» толка относят переселенцев к людям, нарушившим моральные установления уже самим фактом ухода на жительство за пределы Китая. Здесь несомненно сказалось влияние господствовавшей конфуцианской идеологии, пытавшейся закрепить твердое положение каждого индивидуума в рамках феодального общества и осуждавшей всякий уход из родных мест, от «могил предков». Однако подобное отношение «официальных» источников отразило и то, что китайские феодальные власти боялись создания заморских центров оппозиции их безудержному гнету и мелочному надзору. Мы уже отмечали, что давало почву для этих опасений в конце XIV в. Аналогичные причины сохранились и в начале XV в. В этой связи уместно напомнить, что в официальных источниках одним из основных мотивов снаряжения морских экспедиций выступают розыски якобы бежавшего за море свергнутого императора. Вновь обострилась в начале XV в. и борьба с «японскими пиратами». Кроме того, как мы покажем ниже, минское правительство в конце XIV — первой половине XV в. пыталось, насколько возможно, установить свою монополию на внеш-

²²³ «Мин ши», цз. 324, стр. 3172(1).

ную морскую торговлю. Китайские переселенцы, занимавшиеся частной торговлей у берегов Китая зачастую в обход надзора властей, рассматривались последними как нарушители всевозможных запретов и ограничений в этой области. Это также отражалось на отношении к переселенцам в официальных источниках.

Однако основная причина «равнодушного» отношения минского правительства к использованию в своих интересах китайских переселенцев в странах Южных морей лежала еще глубже. Она неотделима от тех причин, которые обусловили отмеченную выше половинчатость предпринятых шагов в период активизации китайской политики в этом районе в начале XV в. По существу всю деятельность минского правительства в странах Южных морей в начале XV в. можно считать определенной попыткой проведения колониальной политики. Как известно, формы колониальной политики той или иной страны непосредственно связаны с конкретным уровнем социально-экономического ее развития, а также особенностями ее политического строя, господствующей идеологии и т. д. Для того чтобы яснее понять, почему колониальная политика минского правительства проявилась в показанной выше своеобразной форме и не пошла дальше, сопоставим ее с хорошо изученной колониальной политикой западноевропейских держав периода так называемого первоначального накопления капитала, начавшегося в конце XV в.

Ранняя колониальная экспансия западноевропейских держав эпохи первоначального накопления была связана с определенными процессами в развитии позднефеодального общества: потребностями промышленного развития городов, ростом товарно-денежных отношений, расширением международной торговли, политикой национального протекционизма и т. д. Отмечая обусловленность великих географических открытий и последовавшей за ними западноевропейской колонизации, Ф. Энгельс писал, что эти явления были вызваны «жаждой золота», спрос на которое диктовала «столь сильно развившаяся в XIV и XV вв. европейская промышленность и соответствовавшая ей торговля...»²²⁴. По образному выражению Ф. Энгельса, в западноевропейских странах к концу XV в. «деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему»²²⁵. Отсюда он приходит к выводу, что «в XV в. во всей Западной Европе феодальная система находилась... в полном упадке»²²⁶. Именно в силу уже шедшего здесь процесса разложения феодализма, отмечает Ф. Энгельс, западноевропейская колониальная экспансия, проявившаяся в поисках золота в далеких краях, «хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже

²²⁴ Ф. Энгельс, *Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г.*, стр. 415.

²²⁵ Ф. Энгельс, *О разложении феодализма и возникновении национальных государств*, стр. 408.

²²⁶ Там же, стр. 409.

по самой своей природе несовместима с феодализмом»²²⁷. Поэтому К. Маркс называл раннюю колониальную систему западноевропейских стран одним из «отпрысков... мануфактурного периода» развития капитализма²²⁸.

Если обратиться теперь к положению, сложившемуся к началу XV в. в Китае, мы увидим совсем иную картину. Нет сомнения, что и активизация китайской политики в странах Южных морей в начале XV в., и быстрое увеличение числа китайских колонистов в этом районе начиная с рубежа XIV—XV вв. были связаны с экономическим подъемом в Китае и дальнейшим ростом на его базе городов, развитием ремесла и торговли. Однако указанный экономический рост и развитие производительных сил страны не изменили в целом феодальной структуры хозяйства Китая. Выше упоминалось, что наиболее заметные сдвиги в области городской экономики, ремесла и торговли, явившиеся результатом подъема, можно проследить в районах нижнего течения Янцзы и приморских областях юго-восточных провинций Китая. Отсюда предпосылки для вступления на путь колониальной политики, подобной той, которая была присуща эпохе первоначального накопления, могли возникнуть здесь лишь спорадически, на общем фоне феодальной тенденции дальнейшего экономического развития страны.

Итак, указанные предпосылки отразились в начале XV в. в определенных шагах минского правительства в сторону колониальной политики. Однако эти предпосылки оказались недостаточно сильными, чтобы толкнуть минское правительство на последовательное проведение такой политики. Именно в этом лежат причины того, что колониальная политика Минской империи остановилась на полпути, не выйдя за рамки поддержания номинального вассалитета стран Южных морей и оставаясь далекой от протекционизма китайским переселенцам в этих странах.

Указанные отличия определили совершенно иные методы китайской колониальной политики начала XV в., нежели методы, практиковавшиеся во время западноевропейской колонизации в период первоначального накопления. Как известно, для действительной западноевропейских держав был характерен насильственный захват территории (или же опорных пунктов на территории) колонизируемых стран, установление политического контроля метрополии над ними в целях прямого грабежа и внеэкономического принуждения местного населения, а также в целях установления монополии в торговле с покоренными и близлежащими от них территориями. Этого не наблюдалось при китайской колонизации стран Южных морей. Ранняя западноевропейская колонизация шла по пути создания колониальных империй, т. е. системы колоний, более или менее связанных между

²²⁷ Там же, стр. 408.

²²⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 767.

собой и подвластных метрополии. Китайские же переселенческие колонии в странах Южных морей, несмотря на их многочисленность, никак нельзя назвать системой: они не подчинялись китайским властям и не были каким-либо образом политически связаны между собой. Минское правительство даже в момент наибольшей активизации своей политики в этих странах оказалось не в состоянии приступить к практическому созданию такой системы.

Отмеченная выше специфика попытки проведения императорским правительством Китая в начале XV в. колониальной политики еще раз подтверждает положение В. И. Ленина о том, что особые типы этой политики характерны не только для различных социально-экономических формаций, но и для разных стадий одной и той же социально-экономической формации²²⁹.

²²⁹ См. В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, стр. 379—380.

Г Л А В А III

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА В КИТАЕ ПО ВОПРОСУ О ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ В XV — НАЧАЛЕ XVI в.

Упрочение системы номинального вассалитета заморских стран, явившееся результатом активизации политики Китая в начале XV в., способствовало повышению авторитета правящей верхушки внутри страны. Определенная часть представителей господствующего класса и придворных сановников приветствовала эти внешнеполитические успехи. Во многих письменных памятниках XV—XVI вв. мы находим восторженные славословия по этому поводу: «Императоры династии Мин в овладении морскими просторами превзошли Три династии (легендарная династия Ся и династии Инь и Чжоу — XVI—III вв. до н. э., — относимые китайской традицией к совершенным временам. — А. Б.) и оставили позади династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и Тан (618—907 гг.)»¹.

Сравнительно регулярные и интенсивные посольские связи Китая со странами Южных морей, а также с более далекими заморскими краями поддерживались до середины XV в. В «Мин ши», где эти заслуги приписываются совершенствам монархов, сказано: «Его (Чжу Ди. — А. Б.) величие перешло к его преемникам, и в годы Сюаньдэ (1426—1435 гг.) и Чжэнтун (1436—1449 гг.) ко двору все еще приходило много послов, объяснявших себя через двух переводчиков»². Иными словами, внешнеполитический курс начала XV в. принес результаты, продолжавшие сказываться в последующие десятилетия. Придерживаясь прежней политики, минское правительство могло рассчитывать на еще большие успехи.

Однако уже к середине XV в. внешнеполитическая активность Китая в заморских странах заметно снижается. Это явилось следствием глубоких внутренних причин, которые нужно искать в социально-экономическом положении страны.

Тот факт, что Китай в целом оставался в конце XIV и в XV в. феодальным государством, неминуемо порождал здесь сильную тенденцию к натурализации хозяйства, искусственному сдерживанию развития частного ремесла, торговли, городской

¹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, Приложение № 2, стр. 274.

² «Мин ши», цз. 332, стр. 31877(4).

экономики — одним словом, тенденцию к консервации сложившихся отношений. Эта тенденция находила своих сторонников в довольно широких кругах господствующего класса и служилой бюрократии. Их интересы не выходили за рамки расширения своей земельной собственности, усиления эксплуатации непосредственных производителей прежними, чисто феодальными методами. Эти прослойки не видели для себя непосредственных выгод в распространении китайского влияния в заморских странах. Наоборот, финансовые усилия, требуемые для поддержания активной внешней политики, которые побуждали правительство изыскивать новые и новые внутренние резервы, вызывали недовольство с их стороны. Кроме того, развитие городов, торговли, ремесел и некоторых отраслей сельского хозяйства в приморских районах как результат активизации политики в заморских странах способствовало укреплению позиций новых имущих слоев, в лице которых выразители чисто феодальной тенденции видели угрозу своему безраздельному господству.

Поэтому тем силам, которые были заинтересованы во всемерной активизации внешней политики в заморских краях, в самом Китае в конце XIV и в XV в. противостояли носители противоположной тенденции, стремившиеся заключить в строго определенные узкие рамки все внешние связи страны.

Естественно, отмеченное несоответствие интересов различных социальных сил в самом Китае должно было привести к внутренней борьбе по вопросу о внешнеполитическом курсе. При этом в условиях политической централизации XIV—XVII вв. такая борьба часто принимала форму дворцовых интриг за влияние на императора. И тем не менее она оказывала серьезное влияние на многие политические акции минского правительства.

Борьба выразителей двух тенденций по вопросу о внешних связях — назовем их условно сторонниками и противниками развития этих связей — обнаруживается уже в конце XIV в. Она, в частности, отразилась на событиях 1374 г., а затем 1379—1383 и 1394—1397 гг., хотя, как уже отмечалось, свою роль здесь сыграли и некоторые внешние, привходящие факторы. Наиболее же отчетливо эта внутренняя борьба прослеживается начиная с последних лет XIV в. Очевидно, в 90-е годы XIV в. были вновь закрыты управления торговых кораблей. В 1398—1402 гг. из Китая не было направлено в заморские страны ни одного посольства. Иноземцы не получили торжественных посланий, извещавших о вступлении на престол нового императора Чжу Юньвэня в 1398 г. Остались без ответа посольства, прибывшие в Китай в 1398 г. из Тямпы и Сиам. Между 1398 и 1402 гг. был закрыт департамент посланцев³. В 1399 г. в различные районы Китая были разосланы 24 человека во главе с начальником Судебного ведомства Бао Чжао и помощником начальника Ведом-

³ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 679, 686.

ства налогов Ся Юань-цзи с поручением созвать владетельных князей ко двору для чествования нового императора ⁴. Характерно, что иноземные посольства приглашены не были.

Упомянутый Ся Юань-цзи, очевидно, принадлежал к числу наиболее видных лиц из круга противников развития внешних связей. Он был близок к императору Чжу Юнь-вэню, о чем свидетельствует возложенное на него поручение и тот факт, что к 1402 г. он уже занимал пост начальника Ведомства налогов. Люди, рассланные Ся Юань-цзи в 1399 г., первыми тайно доложили Чжу Юнь-вэню о нежелании Чжу Ди повиноваться ⁵.

После прихода к власти приверженцев Чжу Ди Ся Юань-цзи в 1403 г. был снят с поста начальника Ведомства налогов и в виде почетной ссылки назначен управлять делами ирригации в провинции Цзяннань ⁶. Однако после смерти сменившего его начальника Ведомства налогов в 1405 г. Ся Юань-цзи был возвращен на эту должность ⁷. Занимаясь государственными финансами, Ся Юань-цзи уже в 1405 г. отмечал, что нужно сократить расходы. Среди чрезмерных, по его мнению, трат, отягощавших казну, он указывал раздачи наград и уделов сановникам, поддерживавшим Чжу Ди в войне 1400—1402 гг., увеличение армии, расширение сети государственных учреждений, а позже (сразу после 1405 г.) — снаряжение заморских экспедиций китайского флота, поход на Дайвьет и строительство дворцового комплекса в Пекине ⁸.

Противники развития внешних связей не ограничивались нападками на экспедиции китайского флота. Они требовали пересмотра отношения императорского двора к иноземцам вообще. Чжэн Хао-шэн сообщает имя еще одного представителя этой тенденции — Юань Чжун-чэ. При этом отмечается, что он был лишь одним из многих крупных сановников (ши да фу), считавших, что Чжу Ди слишком «щедр» к иноземцам, и расценивавших внешнеполитическую активность Китая как «непотребное» дело ⁹.

Однако в 1403—1424 гг. перевес оказался на стороне группировки сторонников развития внешних связей. За резкое выступление против похода китайских войск в Монголию Ся Юань-цзи в 1421 г. был брошен в тюрьму. Его поддержали начальник Ведомства общественных работ У Чжун и начальник Военного ведомства Фан Бинь. Первый из них также был посажен в тюрьму, а второй поплатился за это жизнью ¹⁰.

Однако после смерти Чжу Ди в 1424 г. Ся Юань-цзи был

⁴ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 40.

⁵ Там же.

⁶ Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзуань яо*, цз. 13, стр. 146.

⁷ Там же, цз. 14, стр. 66.

⁸ «Мин ши», цз. 149, стр. 29778(3).

⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 69—70.

¹⁰ Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзуань яо*, цз. 16, стр. 166.

освобожден и восстановлен в должности начальника Ведомства налогов. Он приобрел при дворе большое влияние и был привлечен к участию в совете избранных высших сановников относительно первоочередных мероприятий правительства. Среди членов этого совета упоминается и некто Хуан Хуай, который был вместе с другими единомышленниками Ся Юань-цзи заключен в тюрьму в 1421 г.¹¹

Ся Юань-цзи предложил немедленно декларировать следующие мероприятия: помощь голодающим, снижение налогов, прекращение экспедиций китайского флота в заморские страны, отмена налога на закупки золота и серебра в провинции Юньнань и в подвластной части Вьетнама¹². Так появился указ о прекращении экспедиций китайского флота, датированный 7 сентября 1424 г. Указ гласил: «Походы кораблей за сокровищами в иноземные страны Западных морей полностью прекращаются. Те из них, которые уже бросили якорь в Фучжоу и Тайцане, должны возвратиться в Нанкин. Постройка кораблей для походов в иноземные страны полностью прекращается»¹³. Указ был подготовлен Ся Юань-цзи¹⁴. Одновременно по его же проекту была прекращена торговля лошадьми на западных границах¹⁵. Есть данные, что противники экспедиций пытались даже добиться отставки Чжэн Хэ¹⁶.

Хотя был уже получен приказ о выходе кораблей в море, очередная экспедиция в заморские страны не состоялась. Чжэн Хэ, его соратникам и солдатам, находившимся в его подчинении, было приказано расположиться гарнизоном в Нанкине¹⁷.

Практика снаряжения заморских походов была признана «вредной политикой»¹⁸. Материалы «Мин ши» свидетельствуют, что восторжествовавшая в 1424—1425 гг. политическая линия была направлена не только против экспедиций флота, но и против поддержания посольских связей со всеми иноземными странами: «Однако Жэньцзун (1424—1425 гг.—А. Б.) не стремился к осуществлению широких замыслов. Только взойдя на трон, он сразу же расформировал флот, отправлявшийся за сокровищами в Западный океан, и прекратил работы по строительству кораблей на реке Сунхуа. Он вызвал послов из Западного Края, все еще находившихся в столице, и приказал им отправляться обратно на родину. Он не хотел утомлять Китай поддержкой далеких иноземцев»¹⁹. Последняя фраза предельно четко раскрывает побудительные мотивы избранной политики. Курс на

¹¹ Ся Се, *Мин тун цзянь*, т. I, стр. 765.

¹² «Мин ши», цз. 149, стр. 29779(3).

¹³ J. Duyvendak, *The True Dates...*, p. 389.

¹⁴ Ся Се, *Мин тун цзянь*, т. I, стр. 766.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 46.

¹⁷ «Мин ши», цз. 304, стр. 31462(4).

¹⁸ Чжу Се, *Чжэн Хэ*, стр. 46.

¹⁹ «Мин ши», цз. 332, стр. 31877(4).

сокращение «широких замыслов» во внешних связях Китая мотивировался дороговизной поддержания этих связей. В «Мин ши» на этот счет записано: «Подарки, раздаваемые [послам] во все времена года, опустошали казну; но удивительные сокровища и редкостные драгоценности из всех четырех стран света, а также подносимые императору славные птицы и звери далеких стран прибывали день ото дня»²⁰. Противники развития внешних связей основным аргументом в защиту своих требований выставляли необходимость сокращения расходов казны, тем самым становясь в позицию защитников интересов государства и благосостояния народа. Однако это было, естественно, лишь аргументом во внутренней борьбе. В этом отношении показательно, что одновременно с резким сокращением внешних связей в 1424—1425 гг. были отпущены огромные суммы на подарки родственникам императора и приближенным²¹.

Противники широких внешних связей удерживали свои позиции вплоть до 1430 г. Ся Юань-цзи и Хуан Хуай по-прежнему входили в число лиц, наиболее близких к императору²². В «Мин ши» отмечено, что очередная смена монарха не принесла ничего нового: император Сюаньцзун (1425—1435 гг.) продолжал политику своего предшественника, хотя он иногда отправлял послов в зарубежные страны²³. Чжэн Хэ и его войска вплоть до 1430 г. стояли в Нанкине, а в 1428 г. им было даже приказано заняться реставрацией некоторых дворцовых строений в городе²⁴. При этом часть средств на ремонт предписывалось взять из доставленных из далеких стран вещей.

Однако позиции противников расширения внешних связей после 1425 г. начали слабеть. Странники активизации внешней политики Китая, и в частности развития посольских связей, уже в 1425 г. вновь попытались восстановить свое влияние. Подтверждением этому служит императорский указ 1425 г., текст которого был подготовлен стараниями начальника Ведомства обрядов Люй Чжэня: «Подношение дани двору далекими странами — это их постоянный и установленный удел. Однако со времен моих предков обращение с низшими (т. е. иноземцами. — А. Б.) было истари щедрым.. Ныне, сразу же по Нашем восшествии на престол, все дела должны вестись в соответствии со старыми законоположениями. Я не оставляю помыслов о людях из далеких стран»²⁵. Как видим, этот указ не предписывал никаких конкретных шагов, но получить документ за подписью императора о продолжении внешних связей, пусть даже в самых

²⁰ Там же, стр. 31877(4).

²¹ Lo Jung-pang, *The Decline of Early Ming Navy*, p. 164.

²² Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ иши хуйбянь*, стр. 63.

²³ «Мин ши», цз. 332, стр. 31877(4).

²⁴ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ иши хуйбянь*, стр. 61.

²⁵ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ*, стр. 58.

общих формулировках, для сторонников активного внешнеполитического курса было в условиях 1425 г. очень важно.

В 1426 г. китайское правительство начало снова направлять послов в заморские страны и принимать при дворе иноземных послов. Правда, сторонники развития внешних связей действовали пока осторожно. Прямо уступкой группировке противников активизации внешних связей было снижение норм одаривания императорской казной прибывавших в Китай иноземных послов и властителей, которое было предпринято еще в 1425 г. и предусматривало сокращение количества даров в два раза по сравнению с нормами, установленными в 1417 г. для Сиама²⁶. Однако, как мы уже отмечали, нормы одаривания для Сиама немногим отличались от норм, принятых для других стран Южных морей. Более того, нормы для Сиама служили образцом для одаривания послов из других заморских стран. Поэтому снижение должно было распространиться на все страны Южных морей. Подтверждением тому может служить запись из «Хуан мин сы и као» об уменьшении количества подарков, выдаваемых китайцами, без указания, для кого они предназначались²⁷. Этот порядок просуществовал вплоть до 1435 г.²⁸

В самом начале 1430 г. Ся Юань-цзи умер²⁹. Лагерь противников активизации внешних сношений потерял одного из своих руководителей. Вместе с тем резкое сокращение связей с заморскими странами в 1424—1425 гг. несомненно вызвало ответное противодействие социальных сил, заинтересованных в их развитии. Сторонники оживления посольского обмена воспользовались ослаблением своих противников для перехода в наступление. Уже летом 1430 г. императорским указом Чжэн Хэ было приказано отправляться в новую заморскую экспедицию. Указ этот приводился нами выше. В «Мин ши» сказано, что экспедиция 1430—1433 гг. была вызвана именно тем, что «послы с данью из большинства иноземных стран не прибывали»³⁰. Ее целью было восстановление положения, сложившегося в отношениях Китая со странами Южных и Западных морей к началу 20-х годов XV в. Любопытно отметить, что Чжэн Хэ и его соратники везли в заморские страны манифест с известием о вступлении на престол нового императора с опозданием на пять лет.

Почти одновременно был издан указ, предписывавший местным властям провинций Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун пересылать прибывших послов из заморских стран в столицу без предварительного доклада. Очень интересно, что мотивировалось это распоряжение заботой о сокращении чрезмерных расходов на содержание послов в китайских портовых городах до отправки

²⁶ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 176.

²⁷ Чжэн Сяо, *Хуан Мин сы и као*, стр. 46.

²⁸ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 176.

²⁹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 64.

³⁰ «Мин ши», цз. 325, стр. 31779(1).

в столицу³¹. Тем самым как бы делался шаг в сторону удовлетворения основного требования, выдвигавшегося противниками развития внешних связей,— сокращения расходов. На деле эта мотивировка ограждала мероприятия 1430 г. по оживлению посольского обмена от их нападков. Сам же указ 1430 г., снимавший лишнюю преграду, задерживавшую посольства, нужно рассматривать наряду с экспедицией Чжэн Хэ как меру по активизации дипломатических связей с заморскими странами.

Эта последняя по счету экспедиция Чжэн Хэ и последовавшая за ней экспедиция его ближайшего помощника Ван Цзинхуна (1434—1435 гг.) увенчались успехом. Посольские связи стран Южных морей с Китаем вновь оживились, а из Малакки (1433 г.) и Самудры (1434 г.) прибыли к императорскому двору сами правители этих стран. Однако положение, сложившееся в начале XV в., так и не было восстановлено. В биографии Чжэн Хэ отмечено: «Начиная со времени Сюаньдэ и в дальнейшем далекие страны иногда присылали послов, но это нельзя сравнить с тем, что было во времена Юнлэ»³². В «Мин ши» зафиксировано, что посольства из некоторых стран Южных морей — из Палембанга, Бони и других более мелких государств и княжеств — после 1425 г. приходили все реже³³. А с о-вами Сулу после 1424 г. посольские связи вообще прекратились³⁴. Это объясняется кратковременностью последней попытки проведения активной политики в заморских странах.

Уже в 1436 г. наблюдается новый, хотя и не столь резкий, как в 1424—1425 гг., но не менее существенный поворот в сторону сокращения внешних связей с заморскими странами. Впервые, начиная с 1436 г. были окончательно прекращены экспедиции китайского флота в заморские края. Экспедиция к берегам Самудры под руководством Ван Цзинхуна оказалась последней из серии подобных мероприятий начала XV в. В 1436 г. императорским указом запрещалось строительство кораблей, предназначенных для таких экспедиций³⁵. Это показывает, что прекращение заморских походов было продиктовано не случайным стечением обстоятельств, а продуманными намерениями правительства.

Во-вторых, в том же 1436 г. один из провинциальных чиновников (начальник областного правления), Чэн Ин, подал на имя императора доклад: «Тямпа присылает ежегодно столько дани, что затраты на ответные дары тяжелы и драгоценностей расходуется много. Прошу придерживаться порядка, существующего для Сиама и других стран,— представлять дань один раз в три го-

³¹ Чжэн Хао-шэн, *Чжэн Хэ ши хуйбянь*, стр. 22.

³² «Мин ши», цз. 304, стр. 31463(1).

³³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31773(3); цз. 325, стр. 31776(2).

³⁴ «Мин ши», цз. 325, стр. 31780(2).

³⁵ Lo Jung-pang, *The Decline of Early Ming Navy*, p. 158.

да»³⁶. Надо полагать, что подобные доклады поступали и ранее. Однако они не одобрялись и поэтому не фиксировались в официальных источниках. Доклад Чэн Ина был принят во внимание: наряду с богатыми подарками властителю Тямпы и его супруге был послан императорский указ, предписывающий следовать указанным срокам³⁷. Это также явилось определенным поворотным моментом, ибо в начале XV в. в манифестах и циркулярах китайского двора не встречалось требования, чтобы иноземные страны придерживались установленных в конце XIV в. сроков присылки послов — один раз в три года. (Исключение составляет Япония, посольства из которой ввиду действий «японских пиратов» предписывалось принимать не чаще одного раза в десять лет).

Наконец, в середине 1436 г. из столицы — Пекина — были отосланы на родину послы из 11 различных заморских стран, которые прибыли в Китай в разное время и жили в Пекине³⁸. При этом заботы об отправляемых послах были перепоручены яванскому послу и властителю Явы³⁹. Это было вызвано, очевидно, стремлением китайского двора переложить часть расходов по снабжению посольств в обратном пути на плечи яванцев, а также нежеланием посылать китайских сановников сопровождать послов в обратном пути — знак чести, практиковавшийся еще с конца XIV в. и особенно часто в начале XV в.

Поворот 1436 г. вскоре отразился на посольских связях Китая со странами Южных морей. С 30-х годов прекратились посольства из страны Аче, с 1436 г. — из небольшой страны Ланьбан⁴⁰. Помимо начавшегося процесса сокращения круга стран Южных морей, поддерживавших посольские отношения с Китаем, с середины 30-х годов XV в. слабеют связи с остальными странами. Так, в «Мин ши» отмечено, что если с 1382 г. из Сиам регулярно прибывали посольства один-два раза в год, то начиная с 1436 по 1449 гг. — один раз в несколько лет⁴¹. После 1435 г. стали все реже приходиться послы из Самудры, а после 1446 г. — с Явы⁴².

После 1436 г. тенденция к сокращению внешних связей продолжала неизменно сказываться. За упомянутым докладом Чэн Ина последовал аналогичный доклад, но еще более радикальный. Он поступил от советника губернского правления Гуандуна Чжан Тяня в 1443 г.: «Посольств с данью двору с Явы слишком много. Расходы на их снабжение бесчисленны. Не дело утомлять Китай заботами о людях из далеких стран»⁴³. Этот доклад так-

³⁶ «Мин ши», цз. 324, стр. 31762(2).

³⁷ Там же.

³⁸ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 250.

³⁹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(2).

⁴⁰ «Мин ши», цз. 325, стр. 31782(2), 31781(1).

⁴¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31767(4), 31768(1).

⁴² «Мин ши», цз. 325, стр. 31779(2); цз. 324, стр. 31771(3).

⁴³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(3).

же возымел действие, и на Яву был послан следующий лаконичный императорский указ: «Все различные заморские страны представляют дань один раз в три года. Вану также следует пожалеть своих военных и гражданских подданных и соблюдать этот порядок»⁴⁴. Характерно, что доклад говорил о тяжести расходов на содержание посольств для Китая, а в указе мотивировкой к сокращению посольского обмена выступала забота о благосостоянии яванцев. Этот дипломатический прием был направлен на сохранение «престижа Китая» в глазах иноземцев.

Известно, что Тямпа не подчинилась «приказу» 1436 г. и продолжала присылать посольства чаще, чем предписывалось⁴⁵. Это вызвало при китайском дворе недовольство. Прибывшему в 1446 г. послу был задан вопрос о причине «непослушания». Посол ответил, что прежний властитель Тямпы уже умер, указа о сроках присылки посольств не сохранилось и поэтому никто о таком порядке ничего не слышал⁴⁶. Когда в том же году из Тямпы прибыл еще один посол, ему вручили новый императорский указ, предписывавший соблюдать положенные сроки. Однако сторонники сокращения внешнеполитических связей, добившись прекращения морских экспедиций и приостановки дальнейшей активизации в направлении стран Южных морей, т. е. отказа от попыток продолжения колониальной политики, не стремились пока к радикальному пресечению посольских отношений с этими странами. На первых порах они выставляли лишь требование «нормализации», т. е. ограничения этих отношений. Поэтому китайский двор отнюдь не менял своего «благорасположения» к правителю Тямпы и послал вместе с означенным указом подарки ему и его супруге. В свою очередь это сыграло немаловажную роль в том, что императорский «приказ» не помешал присылке еще одного посольства из Тямпы в Китай в том же 1446 г.⁴⁷

Следует отметить, что, хотя после 1436 г. тенденция к сокращению внешних связей неизменно укреплялась, это отнюдь не выражалось в резком и внезапном прекращении посольского обмена. Результаты активизации политической деятельности Китая в заморских странах в начале XV в. продолжали еще долго оказывать свое влияние. Примерно до середины XV в. посольские связи Китая с такими странами, как Тямпа, Сиам, Маджапахит, Камбоджа, и некоторыми другими оставались сравнительно оживленными. Подобно Тямпе, не соблюдала предписанного указом 1443 г. аналогичного порядка и Ява: только в одном 1446 г. оттуда прибыло три посольства⁴⁸. Иноземные пос-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 31762(2—3).

⁴⁶ Там же, стр. 31762(3).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 31771(3).

лы продолжали встречать при китайском дворе положенный прием. Нормы одаривания прибывавших послов и присылавших их иноземных властителей, сокращенные в 1425 г., в 1436 г. были вновь увеличены до прежнего уровня 1417 г.⁴⁹ Китайский двор аккуратно направлял своих послов для исполнения процедуры титулования ванами всех иноземных властителей, которые присылали в Китай известия о своем воцарении. Теперь уже твердо установился порядок: посольство, высылаемое для совершения титулования, возглавлялось одним столичным цензором (гэй ши чжун) и одним посланцем.

Китайских послов продолжали принимать в странах Южных морей почтительно, а иногда даже торжественно. Например, китайское посольство 1441 г. в Тямпу было встречено барабанным боем, музыкой и пением и сопровождалось почетным эскортом до ворот столицы, где к послам выехал на слоне сам властитель⁵⁰.

Все это свидетельствует о постепенности, с которой получала перевес тенденция к сокращению внешних связей в Китае, хотя никак не опровергает самого факта возобладания этой тенденции после 1436 г. Чем же объясняется указанный перелом во внешней политике Минской империи? Если снова обратиться к конкретному социально-экономическому положению, сложившемуся в стране к середине XV в., мы увидим, что поворот, последовавший за 1436 г., был отнюдь не случайным.

Известный подъем в развитии производительных сил, пережитый страной в конце XIV — начале XV в., к рассматриваемому времени закончился. Началась быстрая концентрация земельной собственности в руках крупных феодалов. В 1456 г. было положено начало частным поместьям самого императора. Два вида земельной собственности — государственная и частная — были официально признаны и юридически закреплены. С ростом крупного феодального землевладения уменьшилась доля поступавших в государственную казну налогов. В результате налогообложение стало быстро увеличиваться, что повело к усилению эксплуатации непосредственных производителей.

Наряду с концентрацией земель в руках крупных собственников к середине XV в. наблюдается дальнейшая тенденция к натурализации поместного хозяйства. Крупные феодалы выступали в качестве носителей натуральной системы. Их интересы противостояли развитию городской экономики и товарных отношений в целом. Усиление их экономического потенциала порождало стремление к неограниченности власти в своих владениях, заслоняя заботу о каких-либо общегосударственных интересах. Это опосредованно отразилось на всем внешнеполитическом курсе страны.

⁴⁹ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 176.

⁵⁰ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 14а, б.

Помимо этих социально-экономических причин общего характера немаловажную роль в отказе Китая от поддержания активных связей со странами Южных морей в середине XV в. сыграло перенесение столицы из Нанкина в Пекин в 1421 г. Перемещение резиденции правительства ослабило политическое влияние городских торгово-ремесленных очагов, сосредоточенных тогда главным образом в районе нижнего течения Янцзы и юго-восточных приморских провинциях. Образование нового ремесленно-промышленного центра в северной столице, расположенной в районе, наиболее пострадавшем перед тем от чужеземных нашествий и отстававшем в экономическом отношении от южных районов, происходило в известной степени за счет принудительного оттока рабочей силы из центральных и юго-восточных провинций. Ослабление политического и экономического влияния юго-восточных районов страны, заинтересованных в известной мере в развитии внешнеторговых и внешнеполитических связей и служивших материальной базой экспедиций китайского флота в Южные моря, не могло не сказаться на развитии внешних связей с заморскими странами.

Новая столица была расположена в сравнительно отсталом в экономическом отношении районе. Это способствовало усилению позиций носителей натуральной системы хозяйства, не заинтересованных в развитии внешних связей с заморскими странами. Кроме того, перенесение резиденции правительства на север повлекло за собой усиление внимания Китая к отношениям с северо-западными соседями и ослабление интереса к связям со странами Южных морей.

В середине XV в. наметился социально-политический кризис Минской империи. Усилилось разложение правящей чиновно-бюрократической верхушки. Императорская власть чаще и чаще стала попадать в руки всемогущих временщиков. Государственную машину все более разъедала коррупция. Внимание к организации военных сил империи ослабло. Последнее обстоятельство не замедлило сказаться в крупных военных неудачах, постигших императорское правительство. Еще в 1428 г. в результате освободительной борьбы вьетнамского народа китайские войска вынуждены были уйти из Дайвьета. В 1449 г. китайская армия потерпела сокрушительное поражение в битве с монголами-ойратами при Туму. Эта неудача на севере непосредственным образом отразилась на политике Китая и в отношении заморских стран. Разбив китайскую армию и взяв в плен самого императора, ойраты в том же году подошли к Пекину и осадили его. Взять столицу им не удалось, и вскоре они ушли из Китая. Однако жестокое поражение и появление противника у стен столицы произвели сильное впечатление в стране. Китайское правительство сосредоточило свое внимание на северо-западных рубежах. После поражения 1449 г. оно предприняло меры для укрепления северо-западных границ: продолжи-

ло строительство и ремонт Великой стены, усилило гарнизоны и т. д. Внимание же к морским рубежам было ослаблено. Затишье в борьбе с «японскими пиратами», наступившее после 1419 г., давало возможность не беспокоиться об опасности с этой стороны, а вопрос об активизации политики в заморских странах после поражения 1449 г. отошел на второй план. По образному выражению Ло Чжун-пана, после 1449 г. Китай повернулся лицом к северу и спиной к морю⁵¹.

Ослабление внимания к системе береговой обороны быстро отразилось на состоянии китайского флота. В 1452 г. по приказу центрального правительства китайские корабли, базировавшиеся на прибрежных островах, были отведены в гавани на континенте. Часть военных моряков была назначена обслуживать Великий канал. Снизилась боеспособность команд кораблей и войск гарнизонов береговой охраны (они стали обрастать недвижимой собственностью, развилось дезертирство, ослабла военная и мореходная подготовка). Наконец, сильно сократилось само количество кораблей⁵². Ослабление морских сил Китая препятствовало дальнейшему проведению активной политики в заморских странах.

Все это определило переход китайского правительства к пассивному внешнеполитическому курсу. Тот факт, что разложение военной системы Минской империи (и, в частности, упадок флота), определившее переход к пассивному внешнеполитическому курсу, было результатом общего экономического, политического и социального кризиса в стране, сознавался уже в XVII в. видным китайским мыслителем Гу Янь-у⁵³.

Внешним связям, тесно соединявшим в себе дипломатические и торговые отношения, нанесло серьезный ущерб обесценение китайских ассигнаций в 1448 г. Ассигнации, до этого имевшие довольно прочный курс и применявшиеся часто как платежное средство за доставленные иноземными послами дары, начали стремительно падать и вскоре потеряли $\frac{9}{10}$ своей номинальной стоимости. Ло Чжун-пан считает этот фактор одной из основных причин, приведших к сокращению внешних морских связей Китая. Он пишет, что выплата ассигнациями делала для правительства выгодным установление частного посольского обмена, сопровождавшегося присылкой даров. С обесценением ассигнаций китайской казне пришлось выплачивать иноземцам реальной валютой стоимость привозимых даров, что сделало невыгодными посольские связи⁵⁴. Ло Чжун-пан несколько преувеличивает значение ассигнаций в возмещении ответными подарками привозимых даров, так же как и преуменьшает политическое значение, придававшееся китайским правительством посольским

⁵¹ Lo Jung-pang, *The Decline of Early Ming Navy*, p. 162.

⁵² *Ibid.*, pp. 158—160.

⁵³ *Ibid.*, p. 165.

⁵⁴ *Ibid.*, pp. 155—156.

связям. Однако сам по себе факт финансового кризиса не мог не сказаться отрицательно на хозяйственном развитии ремесленно-торговых центров страны, в первую очередь заинтересованных в развитии и поддержании внешних морских связей.

Все эти факторы определили дальнейшее преобладание тенденции к сокращению внешнеполитических связей Китая со странами Южных морей с середины XV в. Практически это ознаменовалось переходом Минской империи к пассивному поддержанию традиционной системы номинального вассалитета заморских стран.

Но даже сохранение системы вассалитета чисто номинального характера требовало от Китая постоянных активных действий. Без постоянного стимулирования со стороны заинтересованного в сохранении номинального вассалитета китайского правительства данная система и в первую очередь ее основное воплощение — посольские связи с заморскими странами — должны были неминуемо прийти в упадок. Поэтому на протяжении всей второй половины XV — начала XVI в. мы наблюдаем постепенное крушение этой системы.

Это можно воочию проследить на примере отношений Китая с Тямпой во второй половине XV — начале XVI в. До 1465 г. китайское правительство пыталось придерживаться в отношении Тямпы прежних методов политики. Посольский обмен с Тямпой в 40-х годах XV в. продолжал оставаться довольно оживленным, несмотря на попытки Китая поставить его в рамки определенных сроков. Минский двор по-прежнему направлял в Тямпу своих послов с указами, в которых выражались словесные пожелания прекращения постоянных конфликтов с Дайвьетом.

Но в 1465 г. Китай сделал первое отступление от строгого порядка, которому он пытался следовать. В этом году прибывший из Тямпы посол ввиду тяжелого положения, сложившегося в войне с Дайвьетом, попросил китайское правительство прислать в Тямпу китайских чиновников для управления. С таким предложением Тямпа уже обращалась к Китаю в 1406 г. Это было равносильно просьбе о подчинении. Тогда, в 1407 г., Китай воспользовался этим как одним из предлогов для похода в Дайвьет. Теперь же он ограничился направлением в Тямпу пограничных столбов для установок их на тямско-дайвьетской границе. Более того, Военное ведомство, имея в виду, что в Тямпе шла война сочло «неблагоприятным» посылать туда китайских послов с императорским указом. Поэтому указ, обязывавший местного вана следовать «ритуалу и законам», «оборонять свои рубежи и не нападать на соседей», был передан в Тямпу с возвращавшимся на родину тямским послом⁵⁵. Фактически это означало, что китайское правительство вполне осознало всю тщетность попыток добиться стабилизации положения в Тямпе путем направления

⁵⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31763(1).

посланцев с указами. Однако формально, исходя из своих «сюзеренных» прав, оно не желало отказываться от роли посредника в конфликтах, возникающих между различными странами Южных морей. Поэтому такой указ все же был послан.

В «Мин ши» в описании Тямпы под 1465 г. есть еще одна интересная запись: «Когда Сяньцзун унаследовал престол (1465 г.— А. Б.), полагалось рассылать в подарок иноземным странам парчу и деньги. Чиновники из Ведомства обрядов просили выдать эти дары вассальным послам, чтобы те взяли их с собой на обратном пути»⁵⁶. Очевидно, это относится лишь к посольству из Тямпы, прибытие которого в Китай помечено 1464 г. Однако поскольку подобный прецедент имел место в отношении Тямпы, то вполне возможно, что китайское правительство не стало рассылать специальных послов и в другие заморские страны, дожидаясь, пока придут послы оттуда, чтобы с ними отправить положенные подарки. Так или иначе (если даже это было сделано лишь в отношении Тямпы) здесь налицо отступление от строго соблюдавшихся норм внешних связей: подарки, о которых идет речь, были лишь сопровождением манифестов, извещавших иноземцев о вступлении на престол нового китайского императора, а такого рода манифесты полагалось рассылать (как показывает предшествующая практика) со специальными китайскими посольствами.

Следующим шагом Китая в направлении отказа от поддержания прежних норм взаимоотношений со странами Южных морей можно считать события 1469 г. В этом году в Китае стало известно, что Дайвьет потребовал от Тямпы выплаты дани. И тогда китайское правительство направило в Тямпу указ, предписывавший последней присылать дань и Китаю и Дайвьету⁵⁷. С юридической точки зрения это был отказ китайского правительства от монополии на свое сюзеренное положение. Однако это не было отказом от «сюзеренных прав» вообще: Китай не передавал, а лишь разделял с другим государством свой номинальный сюзеренитет над Тямпой. Мера эта была вызвана сложившимися обстоятельствами: Китай надеялся тем самым стабилизировать положение и предотвратить ставший для китайцев очевидным окончательный разгром Тямпы.

Естественно, номинальные сюзеренные права не удовлетворяли Дайвьет, на стороне которого к этому времени был явный военный перевес над Тямпой. В 1471 г. вьетнамцы захватили большую часть Тямпы, взяв в плен весь правивший там дом и забрав китайские регалии, которые должны были символизировать власть (печать, посольские бирки и т. д.)⁵⁸. Однако одному из отпрысков царствующего дома удалось скрыться в горах. Он прислал в Китай посланца с просьбой о помощи. Тогда

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

Военное ведомство подало императору доклад: «Дайвьет захватил соседнюю страну. Если [Тямпе] не помочь, то мы не только потеряем сердца тямов, расположенных отдаться под нашу власть, но и дадим, пожалуй, толчок духу своеволия и гордости во вьетнамцах. Следует направить чиновника с императорским указом обнародовать там приказание вернуть вана той страны и его родственников»⁵⁹. Однако правительство не стало посылать своих послов. Оно предпочло дожидаться посольства из Дайвьета и через него передать свой приказ, что опять-таки, как и в 1465 г., было формальной реакцией на события и означало фактическое отстранение Китая от участия в конфликте.

В 1472 г. в Китай прибыло новое посольство от уцелевшего отпрыска правящего рода, который еще удерживал за собой часть территории Тямпы и просил титуловать его ваном. На этот раз китайский двор решился направить в Тямпу посольство для совершения титулования и передачи новых символов власти (печати и т. д.) взамен утраченных⁶⁰. По одним данным, пока китайское посольство было в пути, претендент на трон Тямпы умер, а посольство, направленное в Китай его приемником, было перехвачено вьетнамцами⁶¹. По другим — вьетнамцам удалось схватить самого претендента⁶². Но так или иначе когда корабли китайских послов подошли к берегам Тямпы, то им было оказано вооруженное сопротивление, так как здесь находились вьетнамские войска⁶³. Стоявший во главе китайского посольства столичный цензор Чэнь Цзюнь испугался перспективы возвращения в Китай без всякого результата. Поэтому он направил свое посольство к берегам Малакки, передал (а по некоторым данным — просто распродал)⁶⁴ там все подарки, предназначавшиеся властителю Тямпы, и настоял на отправке малаккского посольства с «данью» в Китай. Когда же он вернулся в 1475 г. в сопровождении малаккских послов, император выразил свое удовлетворение похвальным указом⁶⁵. Между тем в Китае стало известно, что вьетнамские войска вновь разгромили войска Тямпы и в южных районах посадили властвовать своего ставленника, титуловав его ваном⁶⁶. Хитрость Чэнь Цзюня удалась не из-за неведения китайского правительства, а благодаря тому, что оно не хотело втягиваться из-за Тямпы в конфликт и отстаивать свои «сюзеренные» права. А ведь в данном случае речь могла идти не только о номинальном вассалитете. Положение

⁵⁹ Там же, стр. 31763(2).

⁶⁰ По «Мин ши», это было в 1472 г. [цз. 324, стр. 31763(2)], а по «Шу юй чжоу цзы лу» — в 1473 г. (цз. 7, стр. 186).

⁶¹ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 18а.

⁶² «Мин ши», цз. 324, стр. 31763(2).

⁶³ Там же. По другим сведениям, посольство подошло лишь к берегам о-ва Линшань (Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 3, стр. 26).

⁶⁴ Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 4, стр. 4б.

⁶⁵ «Мин ши», цз. 325, стр. 31777(4).

⁶⁶ Там же, цз. 324, стр. 31763(2).

Тямпы было критическим, и она готова была пойти на прямое подчинение Китаю. Как видно из приведенного выше доклада Военного ведомства от 1471 г., некоторые военные чины понимали это и были настроены не упускать возникшую возможность. Однако намерения активного вмешательства в дела стран Южных морей встретили резкое противодействие со стороны все тех же социальных сил и отражавшей их интересы группировки в правящей верхушке Китая, настроенной против какой-либо активизации внешней политики.

В самом начале 1475 г. на пост начальника Военного ведомства был назначен Сян Чжун, который резко возражал против вмешательства Китая в войну между Дайвьетом и Тямпой⁶⁷. Сян Чжун находился на этом посту до середины 1477 г. В некоторых источниках с его именем связывается уничтожение архивных документов об экспедициях Чжэн Хэ в страны Южных и Западных морей. Эти документы, как отмечено в «Кэ цзо чжуй юй» хранились в Территориальном управлении (при Военном ведомстве)⁶⁸. В связи с планами вмешательства в тямско-дайвьетский конфликт Военное ведомство получило приказ отыскать бумаги касательно экспедиций в страны Южных морей, очевидно ввиду намерения послать флот к берегам Тямпы. И тогда помощник начальника Военного ведомства Лю Да-ся собрал эти документы и сжег их⁶⁹. Мотивировал он свой поступок тем, что эти документы «распространяют множество хитроизмышлений и небылиц о дальних краях», в то время как результаты экспедиций флота ограничиваются лишь приобретением бетелевого перца, винограда, померанца и разных птиц⁷⁰. При этом он так охарактеризовал морские экспедиции начала XV в.: «Это было лишь кратковременное проявление вредной политики, встретившее с самого начала должное неодобрение высших сановников»⁷¹.

В условиях феодального Китая поступок Лю Да-ся был неслыханной дерзостью. Однако он недаром ссылался на недовольство среди «высших сановников». В первую очередь его действия отвечали интересам его прямого начальника — Сян Чжуна. Поэтому дело с «исчезновением» документов было замято.

Ободренный этим успехом, Лю Да-ся вскоре повторил нечто подобное, спрятав затребованные документы о походе в Дайвьет в 1407—1408 гг., которые понадобились одному из влиятельных придворных, Ван Чжи. (Получив в 1479—1481 гг. пост инспектора по надзору за рубежами империи, он намеревался вмешаться в борьбу Тямпы и Дайвьета, предприняв сухопутный поход). На этот раз Лю Да-ся мотивировал свои действия перед новым начальником ведомства Юй Цзы-цзюнем тем разорением и опас-

⁶⁷ J. Duyvendak, *The True Dates...*, p. 397.

⁶⁸ Гу Ци-юань, *Кэ цзо чжуй юй*, цз. I, стр. 23а.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Янь Цун-дянь *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 26б.

ностью, которые принесут военные действия юго-западным районам Китая⁷². И опять поступок Лю Да-ся встретил полное одобрение начальства: за свои «заслуги» он вскоре получил пост начальника Военного ведомства⁷³.

Сторонникам сокращения внешних связей Китая и пассивной внешней политики удалось сорвать наметившуюся в 70-х годах попытку активизировать деятельность в странах Южных морей не только благодаря действиям Лю Да-ся, который, уничтожая архивные документы, имел целью вытравить память о временах активных политических действий Китая. Надо полагать, были предприняты и другие меры в этом же направлении. В результате конец 70-х годов XV в. ознаменовался крупной победой противников развития внешних отношений и стал одной из заметных вех на пути отмеченной нами тенденции к сокращению внешнеполитических связей Китая.

Отказ Китая от вмешательства в качестве посредника и помощника в дела некоторых стран Южных морей, которые просили об этом, сопровождался ослаблением внимания китайского двора к обеспечению нормального посольского обмена. В 1481 г. посол, прибывший из Малакки, доложил, что в 1469 г. малаккское посольство, возвращаясь из Китая, было прибито бурей к берегам Дайвьета. Большинство послов было убито, а остальные заклеяны и превращены в рабов. Прибывший малаккский посол, кроме того, обвинил Дайвет в намерении захватить Малакку после разгрома Тямпы. В это же время ко двору императора прибыло дайвьетское посольство. Посол из Малакки просил устроить ему очную ставку с послом из Дайвьета, чтобы публично обличить последнего. Однако Военное ведомство, во главе которого стояли вышеназванные противники активной политики, наложило на эту просьбу резолюцию: «Поскольку это дело прошлое, то оно не стоит глубокого разбирательства»⁷⁴, — и ограничилось лишь тем, что через дайвьетских послов передало правителю Дайвьета укоряющий его императорский указ. Одновременно в Малакку был направлен другой указ, который, в частности, гласил: «Если Дайвет снова нападет, то соберите войска и дайте бой»⁷⁵. Это все, что мог сказать по этому поводу Китай.

Во второй половине XV в. стал приходиться в упадок сложный и строго соблюдавшийся ритуал приема иноземных послов. Чувствовали это и сами иноземные послы. В 1460 г. произошел следующий случай. Яванские послы, возвращаясь из столицы, в пьяном виде подрались с иноземными монахами, доставлявшими «дань» ко двору в г. Аньцин (провинция Аньхуй). В результате шесть монахов было убито. По предложению Ведомства обря-

⁷² «Мин ши», цз. 182, стр. 30092(2).

⁷³ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 266.

⁷⁴ «Мин ши», цз. 325, стр. 31777(4).

⁷⁵ Там же, стр. 31778(1).

дов на Яву был отправлен императорский указ с просьбой наказать провинившихся, а посланец, сопровождавший послов, был наказан⁷⁶. Этот беспрецедентный для более раннего времени случай показывает, что мелочный надзор за каждым шагом иноземных послов в Китае к 1460 г. значительно ослабел. Последнее, помимо всего прочего, объясняется коррупцией и разложением китайского бюрократического аппарата, ведавшего внешними связями.

В начале XV в. китайское правительство, взявшее курс на всяческое поощрение и развитие внешних связей, не жалело средств на их поддержание. Поэтому многие чиновники учуяли неограниченные возможности поживиться за государственный счет именно в этой области. Так, уже в 1430 г. в банкетном приказе было обнаружено крупное хищение продуктов, отпущенных для иноземных послов⁷⁷.

В середине XV в. правительство уже пыталось хоть сколько-нибудь урезать расходы на прием иноземных послов. Для некоторых стран Западного Края число прибывавших с посольством людей было ограничено 35⁷⁸. Персонал заморских миссий был весьма значительным. Например, в посольство, прибывшее с Явы в 1440 г., входило 139 человек⁷⁹. В связи с этим в конце XV в. на аудиенцию ко двору императора в столицу стали отправляться только сами послы (ши), а все остальные члены посольских миссий оставались в пограничных и портовых городах⁸⁰.

Это мероприятие предназначалось для сокращения расходов на содержание иноземных послов. Однако оно не достигло своей цели. Это объясняется тем, что огромные суммы шли не на обслуживание посольств, а в карман наживавшихся на этом китайских сановников, что видно на примере банкетного приказа. С другой стороны, теперь почти все расходы по содержанию многолюдного персонала посольских миссий ложились на местные органы⁸¹. Это снижало прибыли и заинтересованность местных чиновников в развитии и поддержании внешних связей.

Помимо банкетного приказа на связях с иноземцами грели руки и чиновники других учреждений. Должность посланца стала с середины XV в. предметом вождения многих чиновников. В докладе на имя императора по этому поводу, поданному между 1452 и 1475 гг., говорилось: «Ныне чиновники из различных учреждений все добиваются назначения [посланцами], открыто давая взятки. Зло и пороки [от того] обнаруживаются повсюду. Те дела, из которых можно что-либо извлечь, поручают согласно

⁷⁶ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(3).

⁷⁷ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 665.

⁷⁸ «Мин ши», цз. 332, стр. 31878(1).

⁷⁹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(2).

⁸⁰ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

⁸¹ Там же.

личным просьбам, а те, которые трудно выполнить, — поручают посланцам. Это приводит к тому, что чиновники, будучи посланцами, оказываются беспомощными»⁸². Автор доклада предлагал восстановить права «настоящих» посланцев. Возможно, что инцидент с яванскими послами 1460 г. объясняется тем, что их сопровождал посланец, получивший место по протекции и озабоченный лишь личными выгодами.

Тот факт, что сопровождение иноземцев сулило большие выгоды, подтверждается тем, что многие стремились получить должность переводчика при посольских миссиях. Помощник начальника Ведомства обрядов докладывал об этом между 1457 и 1464 гг.: «В последние годы сыновья чиновников, военных и гражданских лиц, ремесленников и поваров доверяются учителям и частным образом учат [иноземные языки], стремясь выдвинуться»⁸³. Далее автор доклада предостерегал, что практика выдвижения случайных людей на должности, предполагающие общение с иноземцами, угрожает интересам государства. Однако людьми, которые стремились попасть на эти должности, руководило не только стремление выдвинуться. Общение с иноземцами открывало широкие возможности нажиться за счет контрабандной торговли привозимыми с посольствами заморскими товарами.

Разложение китайского аппарата, ведавшего внешними связями, ярко проявилось к концу XV в. и в действиях китайских послов в странах Южных морей. Так, вскоре после неудачи с миссией Чэнь Цюня в Тямпу (1473—1475 гг.) с послами Сына Неба произошел еще более скандальный случай. В 1478 г. в Китай прибыли посланцы от властителя Тямпы, который еще удерживал власть в некоторой части страны и просил титуловать его ваном. В ответ на это столичному цензору Фэн И и посланцу Чжан Цзиню было приказано возглавить китайское посольство в Тямпу для совершения титулования. Оба они взяли с собой много частных товаров для продажи в заморских краях. Прибыв к берегам Гуандуна, Фэн И и Чжан Цзинь узнали, что в Тямпе уже сменился правитель и что новый претендент на титул вана направил свое посольство ко двору. Однако вместо того, чтобы дожидаться приказа из столицы, китайские послы, боясь, что вместо них может быть послан кто-либо другой и их торговая операция сорвется, спешно отбыли в Тямпу. Здесь Фэн И и Чжан Цзинь обнаружили, что кроме упомянутого претендента на престол Тямпы по имени Гулай (в китайской транскрипции.— А. Б.) имеется еще один — Типотай (в китайской транскрипции.— А. Б.). Последний был ставленником Дайвьета, сохранявшего после 1471 г. контроль над большей частью Тямпы. Китайские послы не стали посылать доклад в столицу. Они вышли из положения очень просто: получив взятку (100 лян золотом), они титуловали Типотая ваном Тямпы, передав ему

⁸² Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 686—687.

⁸³ Там же, стр. 665.

все регалии и подарки, посланные императорским двором. После этого Фэн И и Чжан Цзинь направились в Малакку, где распродали свои товары и отбыли обратно в Китай с докладом об успешном выполнении своего поручения⁸⁴. Однако Фэн И и Чжан Цзинь просчитались. В 1481 г. Гулай прислал в Китай послов, которые рассказали о действиях китайского посольства в Тямпе. Наказанию подвергся лишь один Чжан Цзинь, так как Фэн И умер на обратном пути в Китай. Чжан Цзинь был посажен в тюрьму, а после выяснения всех обстоятельств дела приговорен к смертной казни⁸⁵.

Дальнейшее отступление китайского двора с прежних позиций в странах Южных морей яснее всего прослеживается опять-таки на примере отношений Китая с Тямпой. Из доклада посланца упомянутого выше Гулая и в результате следствия по делу Фэн И и Чжан Цзиня в Китае стало известно, что в руках Гулая находится лишь пять районов из 27 входивших в состав Тямпы до захвата ее Дайвьетом⁸⁶. Это были районы между Пандурангой (Фан-ранг) и Камбоджей. Остальная часть страны была подвластна Дайвьету и управлялась его ставленником Типотаем. Тем не менее послы Гулая, прибывшие в 1481 г. в Китай, просили у китайского правительства титуловать Гулая ваном Тямпы и оказать содействие в возвращении захваченной территории.

Вопрос о помощи Тямпе снова был поставлен на обсуждение придворных. Некоторые из них во главе с Чжан Моу предлагали направить в Тямпу двоих авторитетных китайских сановников. Однако правительство не решилось на это. Как уже практиковалось прежде, императорский указ, обвинявший правителя Дайвьета и предписывающий ему вернуть Гулаю территорию Тямпы, был передан через возвращавшегося дайвьетского посла⁸⁷. Однако осторожность китайского двора объяснялась еще одним обстоятельством: китайцы не решились для себя, на кого им выгоднее сделать ставку в Тямпе против Дайвьета. Об этом свидетельствует тот факт, что тямские послы в 1481 г. были специально допрошены относительно прав на престол Гулая и Типотая. И хотя послы отстаивали законность прав Гулая, им было приказано отправиться в Гуандун и здесь дожидаться прибытия послов от Типотая, чтобы китайские власти могли дознаться истины. Послы Гулая находились в Гуандуне целый год, но Типотай не обнаруживал желания завязать отношения с Китаем⁸⁸. Это, очевидно, решило дело: китайское правительство сделало ставку на Гулая. В 1486 г. Гулаю был послан императорский указ, предписывающий «унять» Типотая и отобрать у него все регалии власти, полученные от Фэн И и Чжан Цзиня.

⁸⁴ «Мин ши», цз. 324, стр. 31763(2—3).

⁸⁵ Там же, стр. 31763(4).

⁸⁶ Там же, стр. 31763(3—4).

⁸⁷ Там же, стр. 31763(4).

⁸⁸ Там же, стр. 31763(4).

При этом китайский двор обещал Типотаю прощение в случае мирного исхода дела⁸⁹. Столичному цензору Ли Мэн-яну и посланцу Е Ину было приказано отправиться в Тямпу и доставить Гулаю письменное свидетельство о титуловании его ваном страны.

Но тут произошел беспрецедентный случай — китайские послы отказались ехать. Доклад Ли Мэн-яна по этому поводу гласил: «Тямпа — страна труднодоступная и далекая — вовлечена в непрерывные войны с Дайвьетом, а кроме того, та земля захвачена Типотаем. Малейший промах может обратиться против нас и повредит престижу нашего государства. Следует через прибывшего оттуда посла передать Гулаю императорский указ с предписанием прибыть в Гуандун для принятия титула [вана]. Вместе с тем [следует направить] императорский указ в Дайвьет, чтобы он раскаялся»⁹⁰. Самое интересное, что китайский двор отнюдь не наказал Ли Мэн-яна за непослушание. Наоборот, были предприняты шаги, которые предлагал Ли Мэн-ян.

В этой ситуации Гулай стремился любым способом получить титул вана Тямпы и заручиться помощью Китая. Поэтому он кружным путем, остерегаясь вьетнамских кораблей, прибыл в Гуандун через Лаос. Здесь Ли Мэн-ян титуловал его ваном по всей форме китайского церемониала и, оставив Гулая, удалился в столицу⁹¹.

Эти события, относящиеся к 1486—1487 гг., можно считать следующим шагом на пути отказа Китая от политики поддержания номинального вассалитета стран Южных морей. А с точки зрения практики внешнеполитических связей они явились полным нарушением норм, считавшихся ранее незыблемыми.

В дальнейшем китайское правительство официально, в письменном виде подтвердило свой отказ от участия в тямско-дайвьетском конфликте. Гулай не хотел уезжать из Китая, не получив реальной, а не только номинальной поддержки. Он просил аудиенции при дворе. Но вместо этого к нему в Гуандун был направлен специальный сановник для «вежливого обхождения». Гулаю был вручен письменный императорский приказ, запрещающий Дайвьету уничтожать династию правителей Тямпы. Однако китайский двор понял, что указы и бумаги не помогут и Гулай не уедет из Китая без реальной помощи. Поэтому крупному сановнику из Напкина Ту Юну было велено подобрать 2 тыс. солдат и на 20 кораблях направить их вместе с Гулаем в Тямпу. В «Мин ши» записано, что сам Ту Юн был послан в Дайвьет к местному правителю «с разъяснениями, где добро, а где зло»⁹². Во главе войск, отправленных с Гулаем в Тямпу, по свидетельству других источников, стоял купец из Гуандуна Чжан

⁸⁹ Там же, стр. 31764(1).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

Сюань⁹³. Чжан Сюань прибыл в гавань Синьчжоу и проследил, чтобы Гулай благополучно достиг подвластных ему районов. Однако китайский отряд не пошел дальше Синьчжоу и не принял участия в военных действиях против Дайвьета⁹⁴.

В 1489 г. от Гулая прибыло новое посольство в Китай. Послы доложили о непрекращающихся столкновениях с Дайвьетом и просили прислать в помощь китайских военачальников⁹⁵. В ответ на это Военное ведомство подало на имя императора следующий доклад: «Дайвьет и Тямпа — это страны, которые по наставлениям предков нельзя карать военной силой. Во времена Юнлэ [китайские] военачальники выступили с войсками [против Дайвьета], чтобы наказать за преступления разбойников Ли (имеется в виду дайвьетская династия Ле, правившая в 1400—1407 гг. — А. Б.), которые взбунтовались и чинили убийства, а отнюдь не потому, что [стремились] к взаимной вражде с соседними странами. Ныне Ли Хао (дайвьетский властитель Ле Кхань Тонг. — А. Б.) аккуратно и почтительно [присылает] дань. Жалоба Гулая продиктована его личными соображениями и допускает преувеличения. Нельзя верить его одностороннему изложению дела и утруждать [наши] войска в стране, которую не положено карать военной силой»⁹⁶. Но так как послам нужно было дать ответ, ведомство предложило послать в Тямпу бумагу следующего содержания: «Недавно вьетнамцы убили сына вана [Тямпы] Гусума (в китайской транскрипции). Тогда ван повел войска и разбил их, чем отомстил им и смыл позор. Вану следует быть сильным, поддерживать [хорошее] правление, помогать народу своей страны крепко охранять границы государства и по-прежнему поддерживать с Дайвьетом мирные и дружественные отношения. Что же касается оставшейся подозрительности и мелких инцидентов, — все это следует отбросить. Если же [ван] не сможет быть сильным и будет рассчитывать лишь на то, что императорский двор вышлет войска, переправив их через море, чтобы вместо вана защищать его страну, то [пусть знает, что] в древности такого не бывало»⁹⁷. Предложение Военного ведомства было приведено в исполнение.

Сами по себе приводимые документы весьма красноречивы. Обращает на себя внимание, что свои доводы за невмешательство в дела Тямпы и Дайвьета Ведомство подкрепляло, согласно конфуцианской традиции, ссылкой на авторитет прежних правителей (судя по всему, на «Наставления» Чжу Юань-чжана) и в то же время оправдывало поход на Дайвьет 1407 г. Бумага, направленная в Тямпу, представляет собой яркий пример «дипломатического искусства» своего времени. Прекрасно сознавая

⁹³ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 296.

⁹⁴ Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 3, стр. 36.

⁹⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31764 (1—2).

⁹⁶ Там же, стр. 31764 (2).

⁹⁷ Там же.

положение, сложившееся в тямско-дайвьетоких войнах, китайские политики советовали потерявшему власть над большей частью страны правителю Тямпы быть сильным, охранять границы и не нападать на Дайвьет. Интересно также, что в этой бумаге нет и намек на сюзеренитет китайского императора. По сути дела здесь китайское правительство само признавало полный сюзеренитет Тямпы и ответственность местного властителя за сложившееся положение. Это также показывает, что номинальный сюзеренитет Китая над странами Южных морей к концу XV в. все меньше связывал китайское правительство даже чисто моральными обязательствами. Судьба Тямпы, по расчетам китайских политиков, была решена, и поэтому вопрос о сюзеренитете Китая над ней был обойден молчанием.

В «Мин ши» под 1490 г. есть запись о положении в Тямпе: «И население и торговля пришли в той стране в упадок после разрушений и разгромов. Постепенно послы с данью стали приходить оттуда все реже»⁹⁸.

Обратимся теперь к вопросу, каково же было положение с посольскими связями Китая с другими странами Южных морей в конце XV в. Вплоть до 90-х годов дипломатические отношения с Китаем продолжали поддерживать такие страны, как Сиам, Камбоджа, Малакка, Маджапахит. Однако записи о посольствах оттуда и ответных китайских посольствах к концу XV в. встречаются в источниках все реже. Китайское правительство не только не пыталось воспрепятствовать этому, но, наоборот, продолжало ограничивать дипломатические связи. В 1470 г. был вновь подтвержден порядок, согласно которому все иноземные страны должны были присылать посольства в Китай не чаще чем один раз в три года, а количество членов посольских миссий ограничивалось⁹⁹.

После 1486 г. прекратились посольские связи с Самудрой¹⁰⁰. Последнее прибывшее оттуда посольство оказалось с точки зрения китайцев «подложным». Местные китайские власти обнаружили, что у «послов» нет удостоверяющей их полномочия разрезной печати, хотя они доставили послание и «дань» императору. Поэтому им было отказано в приеме. Их «послание» китайские чиновники отобрали и спрятали, а самих прибывших отослали обратно. И тем не менее одному из «послов» было позволено доставить присланные «в дань» товары в столицу и преподнести их императору. В ответ на это ему были даны положенные ответные подарки¹⁰¹. Этот факт показывает, что к концу 80-х годов XV в. китайский двор предпочитал принимать «дань», не принимая сами посольства. Правда, в данном случае формально был предлог для отказа. Но в такой ситуации раньше

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Луи Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 251.

¹⁰⁰ «Мин ши», цз. 325, стр. 31779(2).

¹⁰¹ Там же.

посольства просто отсылали обратно и никакой «дани» от них не принимали. Поэтому принятие «дани» в 1486 г. из Самудры свидетельствует о том, что к концу XV в. иноземных посольств из стран Южных морей стало мало и китайский двор уже не брезговал «данью» от «подложных» посольств, т. е. частных купцов, выдававших себя за послов в целях беспрепятственного сбыта своих товаров.

Почти аналогичный случай произошел с посольством из Маджапахита в 1498 г. Один из посольских кораблей, попавших в бурю, все же добрался до берегов Китая. Главные послы погибли. И тогда опять-таки было приказано вещи, доставленные «в дань», отправить в столицу, а прибывшим дать на месте ответные дары, снабдить всем необходимым и отправить в обратный путь¹⁰². Это была последняя из яванских миссий, отмеченных в «Мин ши», где записано, что после 1498 г. посольств отсюда приходило мало¹⁰³.

О посольствах из более мелких стран Южных морей после середины XV в. в источниках почти нет записей. В одном из докладов императору, датированном 1493 г., отмечалось: «С 1-го года Хунчжи (1488 г.) и до настоящего времени из иноземных кораблей, доставляющих дань двору через Гуандун, прибыли по одному разу лишь корабли Тямпы и Сиама»¹⁰⁴.

Постепенное прекращение посольских связей Китая со странами Южных морей приводило к падению китайского влияния в этом районе. Показателен в этом отношении пример китайского посольства в Малакку в самом конце XV — начале XVI в. Китайский посол Линь Сяо отказался встать на колени перед местным правителем и обратиться лицом к северу (т. е. символически уподобить малаккского правителя китайскому императору, имевшему «исключительное право» сидеть на официальных церемониях лицом к югу). За это Линь Сяо был брошен в тюрьму и умер там голодной смертью¹⁰⁵. Указанные требования правителя Малакки свидетельствуют, что к этому времени в ее отношениях с Китаем не сохранилось никаких, даже чисто формальных, проявлений номинального вассалитета. Характерно также, что китайский двор вообще не прореагировал на гибель своего посла, оставив это дело без последствий¹⁰⁶.

Однако Линь Сяо все же пытался отстоять прежние нормы взаимоотношений. Другие же китайские послы, подобно Фэн И и Чжэн Цзиню, гораздо более пеклись о собственных интересах, нежели о своей «высокой миссии». Этому способствовала практика подбора китайских послов по личной протекции. В качестве примера можно привести историю с посольством в Бони в

¹⁰² «Мин ши», цз. 324, стр. 31771(3).

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 36.

¹⁰⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31764(4).

¹⁰⁶ Там же.

1508 г. В этом году из Малакки в Китай прибыл в качестве переводчика уроженец провинции Цзянси Сяо Мин-цзюй. Еще раньше, совершив преступление, он бежал в Малакку и сменил имя на Ялю (возможно, Али). Прибыл он обратно в Китай, чтобы добиться от китайских властей полномочий направиться в качестве посла в страну Бони. Эти полномочия он хотел использовать для ограбления местного властителя под видом требования уплаты «дани» Китаю. Сяо Мин-цзюй дал взятки многим высшим сановникам из Ведомства обрядов и получил удостоверяющие полномочия правительственного посла регалии и документы. Затем он по всем правилам отправился в Бони и выполнил там свою «миссию». Его махинации обнаружались лишь по недоразумению, когда на обратном пути, захав в Гуандун, Сяо Мин-цзюй, не поделив награбленное со своими сообщниками — «послами» из Малакки, убил их и китайские власти занялись расследованием дела¹⁰⁷. Подобные «посольства» вконец подорвали престиж Китая в странах Южных морей и привели к сокращению посольских связей.

К началу XVI в. китайские политики ясно ощущали почти полное падение престижа страны в Южных морях и всю тщетность попыток соблюдения видимости поддержания прежней системы внешних связей. Но так как некая видимость пассивности еще сохранялась, вставала дилемма: либо вернуть внешним связям прежнюю значимость, либо окончательно отказаться от прежних норм внешних сношений. Однако тенденция к сокращению внешних связей, возобладавшая с середины XV в., толкала китайское правительство ко второму решению. Это нашло яркое выражение в последующих событиях.

В 1499 г. новое посольство от тямского правителя, продолжавшего удерживать южные районы бывшей Тямпы, доставило в Китай очередную жалобу на Дайвьет. Вопрос о положении в Тямпе опять был поставлен на обсуждение придворных. Последние отмечали: «Императорский двор по жалобе Тямпы уже неоднократно отправлял [в Дайвьет] послания, скрепленные императорской печатью, и снисходил до милости наставительных императорских указов. Во всех ответных докладах из Дайвьета, [полученных] в разное время, говорилось: „Я (местный властитель.— А. Б.) имел честь получить императорский приказ, и территория и люди — все уже возвращено Тямпе“»¹⁰⁸. Поступление все новых и новых жалоб из Тямпы делало для всех очевидным «несоблюдение» зарубежными странами императорской воли. Однако китайские высшие сановники решили еще раз направить в Дайвьет грозный указ, а если эта мера вновь не подействует, послать в Дайвьет китайские пограничные гарнизоны¹⁰⁹. Какие последствия имело данное решение, в источниках не от-

¹⁰⁷ «Мин ши», цз. 325, стр. 31778(1).

¹⁰⁸ «Мин ши», цз. 324, стр. 31764(3).

¹⁰⁹ Там же.

мечается. Однако известно, что Дайвьет сохранил свои позиции, а поход китайских войск на юг предпринят не был. Нам важно отметить здесь другое — впервые китайский двор открыто усомнился в пользе своих указов для иноземных стран.

Через несколько лет, в 1505 г., столичный цензор Жэнь Лян-би в своем докладе императору по поводу новой жалобы Тямпы на Дайвьет уже прямо писал: «Нельзя быть неосторожным (в отношении) императорских указов и престижа государства... Вель послания, скрепленные императорской печатью, и императорские указы, чтобы Дайвьет вернул захваченные районы, [направлялись туда] много раз, а все остается как и прежде. Если теперь снова [послать] туда императорский указ, то там опять пренебрегут авторитетом императора и загрязнят его»¹¹⁰. Однако выход из создавшегося положения Жэнь Лян-би видел не в повышении авторитета Китая активными внешнеполитическими действиями в странах Южных морей, а в дальнейшем свертывании его внешних связей и прекращении посольского обмена. Этот вывод Жэнь Лян-би мотивировал опасностями, грозившими китайским послам в заморских странах в условиях падения престижа Китая в указанном районе. «В случае, если наш посол, — писал Жэнь Лян-би, — прибудет в Тямпу для титулования и будет задержан там и его не выпустят обратно, требуя разрешения дела (т. е. действительной помощи в конфликте с Дайвьетом. — А. Б.), то как тогда быть двору?.. Знатный сановник императорского двора окажется заложником в стране заморских иноземцев!»¹¹¹. Правда, есть сведения, что этот «крик души» был продиктован отнюдь не абстрактными возвышенными чувствами Жэнь Лян-би: ему было приказано отправляться послом в Тямпу с императорским указом¹¹². Поэтому он в своем докладе предлагал узаконить приезд иноземных властителей в Китай для титулования их ванами, как уже было сделано в отношении Гулая в 1487 г.¹¹³, а китайских послов для титулования больше не направлять.

Чтобы сделать свои доводы более убедительными, Жэнь Лян-би обрушился на всю систему посольских связей с заморскими странами и порядок титулования ванами иноземных властителей: «Прежде Тямпа ввиду того, что территория ее мала, а страна слаба, пользуясь предлогом [присылки] дани, просила о титуловании [ее властителя ваном], чтобы, опираясь на могущество императора, испугать и заставить преклоняться соседние страны. В действительности же утвердится или не утвердится ван [той или иной] страны, не зависит от того, титулован он императорским двором или не титулован. Большинство стран различных заморских иноземцев, когда [там] все благополучно, перестают [приносить] дань двору, и [властители там] сами во-

¹¹⁰ Там же, стр. 31764(4)—31765(1).

¹¹¹ Там же, стр. 31765(1).

¹¹² Ю Тун, *Вэй го чжуань*, цз. 3, стр. 36.

¹¹³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31765(1).

сходят на престол; когда же [там] случаются затруднения, [они], пользуясь случаем [присылки] дани двору, просят о титуловании [их ванами]. Разве прибывший ныне посол (посол из Тямпы в 1505 г.— А. Б.) с данью добивается скорейшего титулования, а не хочет лишь возвращения территории... и только?»¹¹⁴.

Несмотря на цели, которые преследовал Жэнь Лян-би, общее положение дел в официальных внешних связях Китая с заморскими странами отражено в его докладе совершенно правильно. В этом документе впервые открыто признавалось, что иноземные страны, лишь исходя из своих интересов, придерживались определенных норм в отношениях с Китаем. Признавалось здесь и то, что эти нормы на практике не соответствовали тому содержанию, которое вкладывали в них китайские политики. Совершенно справедливо критиковал Жэнь Лян-би и метод посылки в заморские страны «грозных» или «увещательных» указов, которые оказывались недейственными. В целом указанный доклад на основе трезвой оценки сложившегося положения ставил под сомнение всю традиционную систему официальных внешних связей Китая с заморскими странами.

Встав после 1436 г. на путь постепенной сдачи позиций, завоеванных Китаем в начале XV в. в результате активизации своей политики в странах Южных морей, китайское правительство к началу XVI в. столкнулось с проблемой: стоит ли продолжать титулование иноземных властителей китайским двором. Титулование было, пожалуй, главным моментом, в какой-то мере еще позволявшим китайским политикам считать иноземные страны вассальными по отношению к Китаю. Насколько можно судить по данным источников, к концу XV в. китайский двор направлял посольства в страны Южных морей почти исключительно в случае просьбы о титуловании со стороны того или иного властителя. Как мы видели, Жэнь Лян-би впервые решительно обрушился на этот порядок. Кроме того, в XVI в. появляются и другие высказывания, ставившие под вопрос необходимость процедуры титулования. Возьмем, например, следующий отрывок из предисловия к «Хуан мин сы и као»: «Мы усердствуем, направляя наших послов к заморским иноземцам для титулования. Это ли церемониал приездов и отъездов? Иноземцы не признают этикета приездов и отъездов, он предназначен для чжухоу (т. е. для китайских владетельных князей.— А. Б.). Ваны различных иноземцев прибывают ко двору, различные иноземные племена поддерживают связь с Китаем. Но слыханное ли дело, чтобы посылать ответные посольства? И как же тогда быть с совершением титулования?»¹¹⁵. Правда, далее автор предисловия приходит к выводу, что китайские посольства в иноземные страны для титулования местных властителей возможны. Но, верный своей

¹¹⁴ Там же, стр. 31764(4).

¹¹⁵ Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, Предисловие, стр. 2.

постановке вопроса о несоответствии титулования «нормам этикета», он отмечает: «Следует осторожно относиться к делу титулования»¹¹⁶.

Указанные соображения были приняты во внимание китайским двором. Жэнь Лян-би, уже выехавший со своим посольством, был возвращен в столицу из Гуандуна¹¹⁷. При этом в «Мин ши» после текста доклада Жэнь Лян-би сказано, что «после этого титулование долго не производилось»¹¹⁸. То же самое отмечено и в «Вай го чжуань». Вслед за описанием событий конца XV в. в Малакке здесь сказано: «Вскоре после этого посольства для титулования были прекращены»¹¹⁹.

Последняя попытка китайского правительства продолжить практику титулования властителей стран Южных морей относится к 1510—1515 гг. В 1510 г. прибыло новое посольство от уцелевших властителей прежней Тямпы с просьбой о титуловании. Столичный цензор Ли Гуань и посланец Лю Тин-жуй получили приказ отправиться в Тямпу для исполнения церемонии. Добравшись до Гуандуна, Ли Гуань побоялся ехать дальше. Он послал в столицу просьбу передать указ о титуловании через тямских послов или же приказать тямскому правителю самому прибыть в Китай для титулования. Сам же он просто-напросто тянул время и не собирался ни ехать в Тямпу, ни возвращаться в столицу. Однако на этот раз Ведомство обрядов решило не отступить. Оно вынесло следующее решение: «Уже два года прошло с тех пор, как послан чиновник (Ли Гуань.— А. Б.). Если остановиться ныне на полпути — это будет невыполнением долга по «возрождению исчезающего и продлению преграждающегося» (имеется в виду продление существования Тямпы.— А. Б.). Если же местный (т. е. тямский.— А. Б.) посол не захочет взять указ о титуловании или же, получив этот указ, по возвращении [в Тямпу] передаст его не тому человеку, [которому он предназначен], то снова возникнут осложнения и будет [нанесен] еще больший ущерб престижу государства. Следует приказать Ли Гуаню и другим немедленно отправляться туда¹²⁰.

Ли Гуань в свою очередь решительно не желал ехать. Он сообщил в столицу, что у него нет переводчиков и лоцманов. Тогда при дворе было решено найти недостающих людей. А время шло. Ли Гуань не сдавался, и в 1515 г. направил императору доклад, где мотивировал свой отказ ехать принципиальными соображениями. Он писал: «Прошло пять лет, [с тех пор] как я удостоился императорского приказа [отправиться в Тямпу]. Похоже, что я испугался препятствий, чинимых ветрами и волнами.

¹¹⁶ Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, Предисловие, стр. 2.

¹¹⁷ Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 3, стр. 36.

¹¹⁸ «Мин ши», цз. 324, стр. 31765(1).

¹¹⁹ Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 4, стр. 46.

¹²⁰ «Мин ши», цз. 324, стр. 31765(1).

На деле же Тямпа, после того как Гулай был изгнан и, скрываясь, обитал в Красной пещере в Пандуранге, не сохраняет своих прежних границ. К тому же Гулай был лишь [одним из] глав племен при прежнем ванае... Он убил вана и захватил престол. У вана было три сына, и один из них еще жив. По справедливости это не вяжется с установлениями „Чуньцю“. Хотя и не следует посылать войска покарать [Гулая] за преступление, но необходимо прекратить принимать от него послов с данью двору. Зачем же еще предлагают подыскивать людей [для отправки туда]? Это лишь напрасная отсрочка [для Гулая] на годы или на месяцы, которая не продвинет дела»¹²¹.

Ли Гуаня поддержал военный инспектор (сюнь ань) провинции Гуандун Дин Кай, и китайский двор капитулировал. Указ о титуловании был передан в Тямпу через местных послов. Так после пяти лет препирательств со своим собственным послом китайское правительство отказалось от последней попытки сохранить порядок титулования иноземных властителей стран Южных морей в прежних формах. В «Мин ши» под 1515 г. после изложения дела Ли Гуаня говорится, что титулование «с этого времени стало делом прошлым и послы с данью из той страны (Тямпы.— А. Б.) стали прибывать не часто»¹²². После 1515 г. в «Мин ши», как и в других источниках, отмечено лишь одно посольство из Тямпы, в 1543 г.¹²³. Записей о посольствах из других стран Южных морей, кроме Малакки, в первой половине XVI в. в источниках почти нет. Создалось положение, когда, по выражению одного из высших сановников, относящемуся к 1536 г., «более 150 человек в различных странах называют себя властителями, и все они не титулованы нашим двором»¹²⁴. Прекращение титулования означало крах прежней системы официальных внешних связей Китая со странами Южных морей.

Итак, в начале XVI в. китайское правительство отказалось от наиболее важных составных частей созданной к началу XV в. системы официальных внешних связей со странами Южных морей. В результате официальные, дипломатические связи Китая со странами Южных морей в форме взаимного обмена посольствами в начале XVI в. практически прекратились.

Это было обусловлено помимо возобладания тенденции к сокращению внешних отношений внутри страны еще с одним внешним фактором, а именно проникновением в начале XVI в. в страны Южных морей и к берегам Китая первых отрядов западноевропейских колонизаторов. Их вторжение на Дальний Восток радикально изменило положение в этом районе.

¹²¹ Там же, 31765(2).

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 253. Эти данные из «Мин хуй яо» были ошибочно поняты при переводе, в результате чего во «Всемирной истории» говорится о прибытии 150 иноземных посольств в столицу Китая в 1536 г. (т. 4, стр. 629), что является неверным.

ГЛАВА IV

ТОРГОВЛЯ КИТАЯ СО СТРАНАМИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ И ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА МИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Торговые связи между Китаем и странами Южных морей существовали задолго до образования империи Мин. Их возникновение связано с первыми контактами между китайцами и населением этих стран. Уже в VII—VIII вв. китайское правительство через специального уполномоченного пыталось контролировать морскую торговлю с целью извлечения регулярных налоговых отчислений. Особенно широкий размах внешняя морская торговля Китая получила в X—XIII вв., когда во многих портах страны появились управления торговых кораблей.

В процессе развития внешнеторговых связей между Китаем и странами Южных морей складывались определенные формы и правила ведения торговли. К числу их наиболее существенных традиционных черт нужно отнести тесное переплетение «официальных», т. е. дипломатических, отношений с внешней торговлей. Причиной этого служил уже отмеченный выше факт, что являвшийся основной формой внешних связей Китая двусторонний посольский обмен наряду с выполнением дипломатических функций сопровождался определенными формами торговли.¹ Среди

¹ Все исследователи, касавшиеся этой проблемы, признают, что доставка в Китай иноземными странами так называемой дани двору в обмен на подарки была своеобразной формой внешней торговли. Дж. Фэйербэнк и С. И. Тэн пишут, что «дань» служила лишь для прикрытия торговли, была формальностью, связанной с торговлей (J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, pp. 139—140). В. Парселл определяет эту торговлю как «совершенно установившуюся зачаточную внешнюю торговлю» (V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia, Introduction*, p. 27). Большинство китайских исследователей называют данную форму торговых связей «данической торговлей» (гун бо маои). Чжэн Хао-шэн дает следующее определение: «Дань двору, т. е. нанесение визитов в Китай иноземными властителями или послами, сопровождаемое подношениями товаров местного производства, формально подразумевала выражение почтительности и покорности Китаю. Однако, хотя подносимые местные товары и назывались предметами дани, фактически они были продуктами торговли (Чжэн Хао-шэн, *Шю шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 101). Чжап Вэй-хуа пишет: «Признание „вассальной страной“ „созеренной страны“ конкретно проявлялось в ритуале „подношения дани двору“, но сама по себе эта „дань двору“ включала определенного вида торговые связи» (Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 20). Наряду с этим многие исследователи отмечают специфику и своеобразие данной формы товарообмена.

них можно выделить различные по характеру меновые и торговые операции.

Даже беглое ознакомление с китайскими источниками XIV—XVI вв. показывает, что встречающийся в них термин «дань двору» (чао гун) служил для обозначения вещей, преподносимых иноземными послами в качестве подарка от имени властителя своей страны непосредственно китайскому императору (и императрице) или же его казне². Такие подарки, передаваемые через послов властителем той или иной страны, отнюдь не были явлением, присущим лишь странам Дальнего Востока. Аналогичная практика наблюдалась в средние века и в Европе, и на Переднем и Среднем Востоке. Однако в большинстве стран эти подарки воспринимались как своего рода дипломатическая вежливость или же средство достижения цели посольства. В Китае же этим дарам придавалось совершенно особое политическое значение — как знаку выражения покорности иноземных стран, хотя это не соответствовало реальному положению дел. Отсюда и обозначение в китайских источниках этих подарков термином «дань». В одном из императорских указов от 1374 г. сущность «дани» определяется так: «Представляемые в дань местные товары служат выражением искренности и уважения [со стороны иноземцев], и не больше»³.

Придавая «дани» политическое значение, китайское правительство, особенно в конце XIV в., старалось проследить, чтобы это была «истинная», а не «подложная» дань», т. е. чтобы подношения частных лиц не были выданы за подарок иноземного властителя. Этому служило регламентирование сроков присылки «дани», введение в 1383 г. «разрезной печати» для определения «истинности» послов и строгое определение мест, куда должна поступать «дань» из тех или иных районов: «дань» из Японии принималась в Нинбо, с о-вов Рюкю — в Цюаньчжоу, а из стран Южных морей — в Гуанчжоу. «Путать» это географическое распределение не полагалось. Так, в 1489 г. «дань» из Самарканда прибыла на кораблях в Гуанчжоу. Начальник Ведомства обрядов подал по этому поводу доклад: «Южные моря — это не путь для доставки дани из Западного Края. Просим отказать в принятии». И «дань» не была принята. Та же участь постигла и другое посольство из

Чжэн Хао-шэн, например, указывает: «Представление дани китайскому двору странам Азии и Африки хотя и носило характер торгового обмена, но сильно отличалось от обычной торговли» (Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоця-цзянь-ды юи гуаньси*, стр. 23). Однако ни один из упомянутых исследователей не дает точного определения, какую конкретную форму товарообмена заключала в себе «дань двору».

² Лишь в самых редких случаях допускалось исключение и принималась «дань» от ближайших родственников иноземных властителей по мужской линии. В «Мин ши» упомянуто лишь два подобных случая [из. 324, стр. 31767 (4)].

³ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 248.

Средней Азии, прибывшее морем в Гуанчжоу в 1492 г., однако послам были возмещены дорожные расходы⁴.

Для поддержания политического значения «дани» китайское правительство отказывалось ее принимать в случае сомнений в ее «истинности». Например, в 1373 г. посол из Сиам, вручив императору «дань» от своего властителя, хотел также поднести свои личные дары. Но их не приняли⁵. В 1374 г., когда сиамский корабль был прибит бурей к берегам о-ва Хайнань, местные китайские власти обнаружили на нем груз хлопка и различных благовоний. Гуандунское наместничество собиралось направить эти товары в столицу в качестве подношений императору. Но, как отмечено в «Мин ши», император «был удивлен, что при них нет послания... и заподозрил, что это иноземные купцы». Поэтому «подношения» не были приняты⁶. Подобных примеров можно найти довольно много.

К конфискации «подложной дани» китайское правительство прибегало очень редко. Обычно это было продиктовано особыми политическими соображениями. В «Дун си ян као», например, записано: «Если иноземцы искренни, то их посланцев принимают согласно этикету. Если же они своевольничают, то к ним выказывается особое отношение. Ранее послы с Явы не соблюдали этикета, поэтому вещи, доставленные ими в дань, не были приняты, как положено, а просто конфискованы и только. Послы же были посажены в тюрьму»⁷.

Всячески пытаясь придать «дани двору» чисто политическое значение, подчиненное общей цели поддержания номинального вассалитета стран Южных морей, минское правительство сталкивалось с проблемой обеспечения регулярного поступления «дани». В качестве средства для достижения этой цели выступало «отдаривание дани», т. е. ответные дары, посылавшиеся от имени императорского двора иноземным правителям и их супругам. Отметим, что эти ответные дары никак нельзя смешивать с подарками, получаемыми в Китае самими членами иноземного посольства.

Одной из особенностей ответных даров, превращавшей их в действенное средство «привлечения данников» в Китай, было то, что императорский двор стремился одарить иноземного властителя более дорогими вещами, чем присланные им «в дань». С официальной точки зрения это должно было выражать могущество, величие и в то же время великодушие китайского властелина, т. е. символизировать его сюзеренитет. Возьмем для примера слова Чжу Юань-чжана, обращенные к чиновникам в 1374 г.: «Трудно сосчитать, сколько месяцев и лет нужно, чтобы пересечь море и прибыть в Китай. [Поэтому]

⁴ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 251—252.

⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31767(3).

⁶ Там же, стр. 31767(3).

⁷ Чжао Се, *Дун си ян као*, цз. 11, стр. 151.

нельзя судить [при отдаривании] лишь о редкости и количестве [привозимого в „дань“], но надо действовать по принципу „щедро давать и мало получать“»⁸. И в конце XIV—начале XV в. китайское правительство пыталось следовать этому принципу.

Источники показывают, что так называемые ответные дары китайского императора отнюдь не всегда давались в ответ на присылку «дани». В конце XIV—начале XV в. они часто посылались с китайскими посольствами в заморские страны первыми, а затем в ответ на них в Китай присылалась «дань». Как явствует из «Мин ши», до 1465 г. полагалось при вступлении на престол нового императора рассылать иноземным властителям, поддерживающим с Китаем посольские связи, подарки — парчу и другие ткани⁹. Особенно часто практиковалась рассылка императорских даров в упреждение «дани» в начале XV в. с экспедициями флота в страны Южных и Западных морей.

Именно благодаря «ответным» дарам «представление дани» императорскому двору иноземными властителями приобретало фактически характер товарообмена. Единственным назначением многих посольств из стран Южных морей в Китай была доставка очередной партии даров — «дани»: Китайские же посольские миссии иногда также имели лишь одну цель — доставить в иноземные страны подарки императора в ответ на присланную «дань» или же в залог ее присылки. Отмеченное обстоятельство отличает так называемую дань двору в Китае от подарков, практиковавшихся в посольском деле в средневековой Европе, где обмен дарами не обособлялся, как в Китае, в процедуру, имеющую самостоятельное (помимо выражения дипломатической вежливости) значение.

Иногда китайский двор передавал дары иноземным властителям с присланными ими посольствами, что, однако, не меняло характера «ответных даров». Особенно часто это стало практиковаться со второй половины XV в., когда система двустороннего посольского обмена Китая с заморскими странами стала приходить в упадок.

Как правило, среди «дани двору», т. е. подарков императору из стран Южных морей, можно выделить два компонента: редкости или драгоценности (экзотические животные, драгоценные камни и т. п.) и так называемые местные товары (фан у), т. е. продукты, добываемые или изготовляемые в стране-«даннике». (Считалось, что местные товары должны быть характерны для той страны, откуда они доставлены, однако, как показывают источники, они часто включали предметы, закупленные во внешнеторговых операциях в странах Южных морей.) Иногда «дань» состояла лишь из одного из вышеназванных компонентов. Так, например, в 1403 г. яванский вла-

⁸ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй ло*, т. I, стр. 248.

⁹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31763(1).

ститель прислал в «дань» разноцветных попугаев и павлиньи перья¹⁰, а в 1373 г. из Тямпы поступила в «дань» одна сандаловая древесина¹¹. Однако чаще всего оба компонента сочетались, и при этом удельный вес (т. е. количество и стоимость) местных товаров был больше. Среди вещей, присланных в «дань» из Камбоджи в 1371 г., перечислены слоны, слоновая кость, сандаловая древесина, черный перец, воск, рог носорога, черное дерево, желтые лекарственные цветы, местное лаковое дерево, драгоценные камни и павлиньи перья¹².

Количество доставлявшихся в «дань» товаров могло быть весьма значительно. Например, в 1373 г. из Тямпы было прислано 70 тыс. цзиней (41 790 кг, 1 цзинь=597 г) сандаловой древесины¹³, а в 1383 г.— 200 слоновых бивней¹⁴. В 1382 г. с Явы было получено 100 черных рабов (очевидно, папуасов), 8 крупных жемчужин и 75 тыс. цзиней (ок. 44 775 кг) черного перца¹⁵. В 1387 г. из Камбоджи поступило 59 слонов и 60 тыс. цзиней (ок. 35 820 кг) различных благовоний¹⁶. В том же году из Сиамы было доставлено 10 тыс. цзиней (ок. 5970 кг) черного перца и столько же сапановой древесины, а в 1390 г.— 17 тыс. цзиней (ок. 10 149 кг) ароматного осветительного масла¹⁷.

Основным товаром, которым «расплачивался» китайский двор за присылающуюся из заморских стран «дань», были различные ткани. Это можно проследить с самых первых лет воцарения династии Мин. В 1369 г. в ответ на доставку «дани» из Тямпы туда было послано в подарок властителю 50 кусков (пи) шитого золотом узорного шелка, газа, тюля и тонкого шелка¹⁸. А в ответ на другом посольство оттуда же в том же году — 40 кусков пестрого шелка¹⁹. В 1373 г. правителю Палембанга было даровано через его послов 24 куска пестрого шелка, атласа и тюля²⁰.

Наряду с различными тканями в качестве ответных подарков с начала XV в. иногда давалось серебро, медная монета и ассигнации. Иногда китайский двор направлял в заморские страны целые партии китайских товаров в виде подарков властителем. Например, в 1383 г. в ответ на присылку в «дань» слоновой кости из Тямпы туда было послано 32 куска золототканого узорного шелка и 19 тыс. фарфоровых изделий²¹.

¹⁰ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 356.

¹¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761(2).

¹² «Гуандун тун чжи», цз. 101, стр. 57а.

¹³ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761(2).

¹⁴ Там же, стр. 31761(3).

¹⁵ Там же, стр. 31770(4).

¹⁶ Там же, стр. 31766(3).

¹⁷ Там же, стр. 31768(1).

¹⁸ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 11, стр. 150.

¹⁹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31760(4).

²⁰ Сюй Бо, *Да Мин хуй дэнь*, цз. 98, стр. 42а.

²¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761(3).

Обмен «данью» и ответными дарами сопровождался определенного рода официальными документами. Китайский исследователь Чжан Дэ-чан считал, что доставляемые иноземными посольствами послания (бяо вэнь) были «свидетельствами на представление дани, вручавшиеся ваном страны своим послам»²². Нужно, однако, добавить, что, являясь такими свидетельствами, послания одновременно носили дипломатический характер и именно это было основным их назначением.

Местные китайские власти, принимая корабли с «данью», посылали в столицу краткую записку, в общих чертах излагающую содержание послания, но подробно описывающую предметы «дани». Приведем для примера один из сохранившихся документов такого рода, относящийся к XVI в.: «От вана страны Сиам Наканя (в китайской транскрипции.— А. Б.). В 10-м году Хунфу (1377 г.) страна Сиам получила в дар от Императора серебряную печать. В 4-м году Лунцин (1575 г.) она сгорела при пожаре. Ныне заготовлено сопроводительное послание на листе золота, сапановая древесина и другие вещи. Посылают главного переводчика Во Фэна с несколькими начальниками; посылают корабли для представления дани — один корабль для охраны, один корабль, показывающий судам путь, один корабль «балу», груженный сапановой древесиной и другими товарами. По прибытии кораблей в Гуандун передали послание в провинциальное наместничество. Главный посол и сопровождающие его начальники поехали далее в Пекин бить челом Императору, просить, чтобы он пожаловал стране Сиам серебряную печать. Прислано Императору: 2 тыс. цзиней (ок. 1194 кг) сапановой древесины, 200 цзиней (ок. 119 кг) слоновой кости, 200 цзиней черного перца, 200 цзиней камеди гарцинии. [Прислано] Императрице: 1 тыс. цзиней (ок. 597 кг) сапановой древесины, 100 цзиней (ок. 60 кг) слоновой кости, 100 цзиней черного перца, 100 цзиней камеди гарцинии»²³.

Китайское правительство также сопровождало свои ответные дары специальными грамотами. (Иногда, правда довольно редко, посылавшиеся подарки упоминались в императорских указах и манифестах, однако в них не содержалось подробного описания посылаемых товаров). Мы можем составить о них представление на примере хранящегося в Стамбуле подлинника такого документа, направленного в г. Лар (в Юго-Восточном Фарсе в Иране) и датированного 8 января 1453 г.

«Янлиэрци (в китайской транскрипции.— А. Б.) — главе земли Лар. Поскольку ты, живя, как и твои предки, в Западном Крае, почтительно следуешь по пути, указанному Небом, и, с почтением служа нашему Двору, прислал издалека людей,

²² Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маои*, стр. 8.

²³ «Доклады императорам Минской династии из иноземных и даннических стран», т. 3, стр. 5—7.

чтобы представить дань, твоя верность и искренность достойны похвалы. Специально направляем тебе в дар ткани и расцвеченный шелк на подкладку и тем самым отплачиваем тебе за твои добрые намерения. Впредь тебе следует еще в большей степени подчиниться Духу Неба и навечно быть твердым в твоём вассалитете, чтобы быть достойным Нашей милостивой любви. Это [Мы] и имеем декретировать.

[Вот то, что Мы] даруем и жалуем:

полотно²⁴ — один кусок с легким цветочным узором, бутонами и облаками зеленого цвета, один кусок с легким и тонким цветочным узором синего цвета, один кусок с легким и тонким узором красного цвета; однотонное [полотно] — один кусок синего, два куска — красного и один кусок — зеленого; расцвеченные шелка — четыре куска красного и четыре куска синего»²⁵.

Из упомянутых докладных записок местных китайских властей о поступлении предметов «дани» можно увидеть, что иногда правители заморских стран, присылая «дань», сообщали, что бы им хотелось получить взамен. Так, в одном из этих документов в качестве подзаголовка выделено: «Ван страны Сиам Накань просит Императора о милости — прислать хороший атлас и шелк». Далее говорится, что, доставив «дань», сиамские послы отправились в столицу Китая просить у императора «даровать» по 20 кусков красного и зеленого атласа и по 20 кусков красного и голубого шелка²⁶. Следующий документ сообщает, что правитель Сиама получил простые ткани в указанном количестве и высылает дополнительную «дань» в виде благодарности²⁷.

Начиная с XV в. китайское правительство пыталось установить определенные нормы ответных подарков иноземным властителям. В 1403 г. правителю Тямпы было даровано три куска парчи, шесть кусков полотна, по четыре куска газа и тюля, а его супруге — четыре куска полотна и три куска газа и тюля. При этом отмечено, что впоследствии китайские власти старались придерживаться этой нормы для властителя Тямпы²⁸. Нормы подарков для властителей различных стран были различны²⁹.

²⁴ «Чжу сы» (№ 2954, 8256) — Ф. Кливз переводит «шелка», что, на наш взгляд, в данном тексте неверно.

²⁵ F. W. Cleaves, *The Sino-Mongolian Edict of 1453 in the Topkapi Sarayı Muzesi*, p. 437.

²⁶ «Доклады императорам Минской династии из иноземных и даннических стран», т. 3, стр. 20—23.

²⁷ Там же, стр. 28—31.

²⁸ Сюй Бо, *Да Мин хуй дянь*, цз. 103, стр. 76—8а.

²⁹ Особенно щедры были ответные подарки императора в случае, если иноземный правитель лично прибывал в Китай. Тогда китайский двор наряду с тканями отпускал ему значительные суммы в золоте, деньгах и разных ценных вещах. Так, правителю Малакки во время его визита в 1411 г. был дарован пояс из яшмовых пластин, парадные регалии, оседланная лошадь,

Стремление китайского правительства придерживаться определенных норм, посылая ответные подарки иноземным властителям, и запросы последних на получение того или иного товара в ответ на свою «дань» привели к тому, что уже в первой половине XV в. в Китае установились определенные нормы оплаты разных сортов «дани». Наиболее ранний пример стоимостной оценки предметов «дани» относится к товарам, поступившим из Монголии. Это запись из «Мин хуй дянь», датированная 1426 г. «За каждое представление дани двору... отдаривали за каждый сорт дани особыми вещами, а именно: за каждую лошадь среднего разряда — цветным атласом на две пары платья, а сверх того деньгами уплачивали стоимость двух кусков тафты; за лошадь низшего разряда — отдаривали пеньковой материей одним куском и из восьми кусков тафты за один кусок деньгами; за лошадь самого низкого разряда — шестью кусками тафты и за один кусок деньгами. За каждого верблюда — цветным атласом на три пары платья и сверх того деньгами за десять кусков тафты. За кречетов — одной парой платья; за 200 горностаевых шкурок — 12 парами платья; за две шкурки соболей — одной парой платья; за десять больших шкурок — одним куском тафты; за одну рысь — семью с половиной кусками тафты»³⁰. Аналогичный пример, относящийся к середине XV в., имеется и в отношении «дани» из Самарканда³¹. Следовательно, это явление не носило случайного, частного характера, и стоимостные эквиваленты «дани» должны были складываться и для отдаривания посольств из стран Южных морей. Чжэн Хао-шэн считает, что определенные стандарты в оценке иноземных товаров окончательно сложились к концу XV в.³²

О широком распространении стоимостной оценки «предметов дани» в Китае свидетельствует тот факт, что некоторые иноземные послы даже запрашивали за доставленные товары определенную цену, а китайский двор торговался с ними. Так, в «Мин ши лу» сохранился текст доклада Ведомства обрядов императору, датированного 8-м месяцем 12-го года Чжэнтун (1447 г.): «Посол из страны Сиам Куньпулунычжи (в китай-

100 лян золота (ок. 3,73 кг), 500 лян серебра (ок. 18,65 кг), ассигнаций достоинством в 400 тыс. связок медных монет, 2600 связок монет, 300 кусков парчи, узорного шелка и тюля, 1 тыс. кусков шелка, 2 комплекта одежды из шелка, шигого узорами из золотой нити, и 2 пары тканых золотом нарукавников и наколенников [«Мин ши», цз. 325, стр. 31777(1)]. Однако в данном случае преследовались определенные политические цели, что выходило из рамок ординарного обмена «данью» и «ответными дарами» с помощью посольств.

³⁰ Д. И. Позднеев, *К вопросу о пособиях при изучении истории монголов в период Минской династии*, стр. 97.

³¹ E. Bretshneider, *China's Intercourse with the Countries of Central and Western Asia in the XV Century*, p. 125.

³² Чжэн Хао-шэн, *Шу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 107.

ской транскрипции.— А. Б.) и его люди докладывают, что доставленный ими в дань в количестве 1380 цзиней (ок. 824 кг) камень „вань“ (вань ши) не является продуктом их страны, а целиком закуплен во время поездок в Западный океан и достать его очень трудно. Они просят согласно прецеденту 2-го года Чжэнтун (1437 г.) оценить каждый цзинь в 250 связок монет в пересчете на ассигнации. Затем при рассмотрении дела выяснилось, что когда в 9-м году Чжэнтун (1444 г.) посол из той страны Куньшацунь (в китайской транскрипции.— А. Б.) и его люди доставили в столицу в дань 8 тыс. цзиней (ок. 4776 кг) камня „вань“, то наше ведомство ввиду того, что это не драгоценная вещь, докладывало, чтобы каждый цзинь камня был оценен в 50 связок монет в пересчете на ассигнации. Каждые 200 связок монет в пересчете на ассигнации приравниваются к одному куску тонкого шелка, поэтому всего в шелке [камень был оценен] в 20 кусков³³. Император повелел выдать им вдвое меньше (учитывая, что половина товара отбиралась безвозмездно в виде налога.— А. Б.). Ныне Куньлу-луньчи просит цену согласно прецеденту 2-го года Чжэнтун. Не осмеливаемся с легкостью разрешить это [дело]. Император дал следующий ответ: «Камень „вань“ исстари есть в Китае. Это нередкая вещь. За каждый цзинь дать по 50 связок монет в пересчете на ассигнации и впоследствии не принимать его как дань»³⁴.

Этот красочный эпизод прямо свидетельствует о торговом характере такого рода операций. В связи с этим становится понятным, что уже в 1424 г. мы находим в китайских источниках термин «покупать дань двору». В «Мин да чжэн цзуань яо», например, записано: «В 12-м месяце 22-го года Юнлэ прекращена покупка дани двору в Западном Крае»³⁵. Правда, это не относится непосредственно к странам Южных морей, но для нас важен сам факт употребления такого термина в источнике уже под 1424 г.

Таким образом, само по себе представление «дани двору» и ее «отдаривание», если абстрагироваться от политического значения, которое придавалось китайским правительством этой процедуре, было определенной торговой операцией менового характера. От обычной торговли ее отличало то, что она в принципе не подразумевала эквивалентного обмена или, точнее, стоимостного возмещения. Однако, как мы видели, вследствие того, что эта процедура в конце концов выливалась в товарообмен, уже к середине XV в. «дань двору» и «отдаривание»

³³ Описка или опечатка в тексте: следует читать 2 тыс. кусков, ибо по приводимой расценке один кусок шелка приравнивался четырем цзиням камня.

³⁴ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэньчи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 107.

³⁵ Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзуань яо*, цз. 17, стр. 10а.

начинают сопровождаться стоимостными отношениями и тем самым все более приобретают характер торговли.

Однако этот процесс нельзя представлять упрощенно, как механическую замену «дани», приобретению и «отдариванию» которой придавался определенный политический смысл, чисто торговыми отношениями. Нет сомнения, что в связи с общим разложением системы номинального вассалитета заморских стран с середины XV в. заметно ослабло и политическое значение «дани». Но в целом в течение всего XV и в начале XVI в. минское правительство по-прежнему придавало этой процедуре определенный политический смысл. В связи с этим ее приближение к обыкновенной централизованной торговле шло не только за счет таких внешних признаков, как появление в обмене стоимостных эквивалентов, но и за счет изменений в самой структуре «дани».

В чем это проявлялось? Начиная с XV в. послов с «данью» приезжало настолько много, что официальные китайские источники стали просто отмечать дату ее доставки. Однако по некоторым данным можно заключить, что товарный компонент «дани» с течением времени возрастал за счет компонента редкостей. Так, имеющиеся сведения о составе «дани» из Сиамы, присланной в 1533 и 1538 гг., показывают, что она состояла главным образом из «местных товаров»³⁶. Если в конце XIV — начале XV в. китайский двор охотно принимал в виде «дани» такие «редкости», как различные заморские звери и птицы, то в 1483 г. на имя императора поступил следующий доклад по поводу присылки в «дань» львов: — «Это — бесполезная вещь, их нельзя принести в жертву в храме и нельзя приспособить в упряжку при выездах. Не следует их принимать»³⁷. Это говорит о появлении известного «практического подхода к приобретению „дани“».

Как мы видели, количество некоторых «местных товаров», доставленных в «дань», составляло одновременно по 45 и даже по 60 т. Этот груз отправлялся ко двору отдельно от посольских миссий по дороге Гуанчжоу — Наньсюн — Наньань и далее в столицу³⁸. Послы же представляли в императорский дворец лишь ценные подарки и образцы местных товаров. Это привело ко все большему обособлению товарного компонента «дани» от подарка в виде редкостей и драгоценностей. Особенно заметно это стало с середины XV в.

Примерно к тому же времени относится появление в китайских источниках деления доставленных послами вещей на «собственно дань» (чжэн гун) и «доставленные с данью товары» (фу лай хо у). Это отнюдь не случайно. Принцип принятия, вернее возмещения, «товаров, доставленных вместе с

³⁶ «Гуандун тун чжи», цз. 101, стр. 55а — 55б.

³⁷ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 251—252.

³⁸ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 48б.

данью» в корне отличался от принятия «собственно дани». При этом источники показывают, что «товары, доставленные вместе с данью», нельзя отождествлять с теми частными товарами, которые, как мы покажем ниже, доставлялись в Китай на продажу вместе с посольскими миссиями. В «Мин хуй дянь», например, отмечено: «Товары, привозимые вместе с данью, помимо самой дани, покупаются [казной], остальные же товары разрешается пускать в торговлю»³⁹. Иначе говоря, здесь четко выделяются три вида доставляемых товаров: «дань», «товары, доставленные вместе с данью» и «прочие» (т. е. частные) товары. Нам представляется, что появление особой категории «товаров, доставленных вместе с данью» связано именно с логическим развитием процесса обособления товарного компонента «дани».

Посмотрим конкретно, как принимались товары этой категории в Китае? В «Мин хуй дянь» на этот счет есть следующее пояснение: «Половина товаров, привозимых вместе с данью, помимо самой дани, берется в казну в виде процентного отчисления (чоу), а половина покупается»⁴⁰. Теперь сопоставим эти данные со следующей записью в «Гуандун тун чжи»: «Если ваны иноземных стран, их супруги или подчиненные привозили с собой товары, то половина из них отбиралась в виде налога, а остальная половина закупалась казной. [Ваны] двух стран — Сиама и Явы — были освобождены от налога»⁴¹. Таким образом, способ приобретения китайской казной товаров, доставленных вместе с данью, и товаров, привозимых иноземными ванами, их супругами и подчиненными, был одинаков. Исходя из этого, можно предположить, что в обоих случаях речь идет об одном и том же. Таким образом, под термином «товары, доставленные с данью» надо понимать вещи, присылавшиеся в Китай иноземными властителями (или их супругами) через своих подчиненных или же привозимые во время личного визита. Упоминание в источниках о «подчиненных» связано с тем, что чаще всего товары доставлялись в Китай не лично царственными особами (таких визитов было не так уж много и только в течение первой половины XV в.), а через посредников. Такими посредниками являлись их послы к императорскому двору, исполнявшие тем самым и дипломатические и торговые функции. При этом привозимые ими лично частные товары приобретались в Китае по особым, отличным от порядка приобретения «товаров, доставленных с данью», правилам.

На первый взгляд, «товары, доставленные вместе с данью», не отличались от «собственно дани», так как и те и другие присылались от имени иноземных властителей или их супруг и

³⁹ Сюй Бо, *Да Мин хуй дянь*, цз. 96, стр. 31а.

⁴⁰ Чжэн Хао-шэн, *Шу шицзи чун Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэньчи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 107.

⁴¹ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 48б.

приобретались китайской казной. В особую категорию они выделялись в результате трансформации товарного компонента «дани». Поэтому в китайских источниках XV—XVI вв. часто не делается четкого различия между данью вообще и «доставленными с нею товарами» в применении к конкретным вещам, привозимым тем или иным посольством. Однако по своей сущности порядок принятия в Китае «товаров, доставленных вместе с данью», коренным образом отличал эту категорию от «собственно дани». В противоположность вещам, составившим «собственно дань», которые не облагались налогами и, несмотря на существование стоимостных критериев, могли получать неэквивалентное возмещение, в операции с «товарами, доставленными вместе с данью», перед нами предстает настоящая централизованная торговля с налогообложением и выплатой эквивалентной стоимости.

Таким образом, параллельно с посольским обменом и в тесном взаимодействии с ним между Китаем и заморскими странами, и в частности странами Южных морей, велась централизованная торговля. В условиях централизованной власти в Китае ее можно считать государственной формой китайской торговли. Эта торговля отнюдь не ограничивалась односторонней продажей властями заморских стран своих товаров китайской казне. Последняя помимо ответных даров направляла за море на продажу партии товаров из своих фондов. Например, китайским послам Ли Хо и Лю Цзы-мину, направлявшимся на о-ва Рюкю в 1374 г., было приказано: «Даровать местному властителю Чаду (в китайской транскрипции.— А. Б.) 20 кусков узорного шелка, 1 тыс. штук керамических изделий и 10 штук железной посуды. Еще приказано Ли Хо взять с собой 100 кусков узорного шелка, 50 кусков тюля, 69 500 штук керамических изделий и 990 штук железной посуды и в обмен на это купить в той же стране лошадей»⁴².

Наибольший размах получила такого рода централизованная торговля китайского правительства со снаряжением экспедиций флота в страны Южных и Западных морей в начале XV в. Мы уже отмечали, что торговля с иноземцами записана как одна из целей заморских походов Чжэн Хэ. В указе от 1424 г. сообщалось, что китайские послы направлялись в заморские края «собирать» драгоценные камни, золото, жемчуг, товары и благовония⁴³. Как сказано в «Мин ши», Чжэн Хэ и его спутники «взяли с собой много золота и тканей»⁴⁴. О составе товаров, которые были направлены в страны Южных морей с этими экспедициями, можно судить по списку даров, поднесенных Чжэн Хэ буддийскому храму на о-ве Цейлон, который приводится в надписи на мемориальной стеле, водруженной

⁴² «Чжунго цзыбэньчжуи мэнья вэньти таолунь цзи», стр. 49.

⁴³ Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзунь яо*, цз. 17, стр. 2а.

⁴⁴ «Мин ши», из. 304, стр. 31462(2).

Чжэн Хэ. Этот список включает золото, серебро, полотно, расцвеченные шелка, тонкие шелка, тканые золотом храмовые стяги, старинные курительницы и цветочные вазы из бронзы, бронзовые подсвечники и чаши-светильники, изделия из лака, инкрустированные золотом, благовонные масла, жертвенные и курительные свечи⁴⁵.

О широкой торговой деятельности экспедиций Чжэн Хэ говорит Гун Чжэнь. Описывая базу китайского флота в Малакке, он отмечает, что сюда на обратном пути собирались все «флотилии, направляемые в разное время [главной эскадрой] для торговли со всевозможными иноземцами»⁴⁶.

Помимо различных редких птиц и животных, драгоценных камней и тому подобных «редкостей» экспедиции Чжэн Хэ доставляли в императорскую казну большие партии заморских товаров. Поэтому в «Мин ши» отмечено, что «приобретенные ими неопишуемые сокровища и товары трудно сосчитать»⁴⁷. Их участники собирали и образцы товаров заморских стран. Так, в 1409 г. на о-ве Пуло-Сембилан солдаты с кораблей Чжэн Хэ были посланы за образцами местной благовонной древесины⁴⁸, а в Самудре — за образцами добываемой в близлежащих горах серы⁴⁹.

Чжан Вэй-хуа приводит любопытную оценку значения экспедиций Чжэн Хэ для пополнения императорской казны иноземными товарами, которая дается в «Мин ши лу» под 1458 г.: «В годы Юнлэ и Сюаньдэ производились многократные походы в Западный океан для закупки золота, драгоценных камней и других товаров. Ныне уже более 30 лет как они прекращены, и столичная казна опустела»⁵⁰.

Минское правительство пыталось направить внешнюю торговлю со странами Южных морей в русло такой централизованной торговли. В отличие от меновых операций с принятием и «отдариванием» «собственно дани», где из политических соображений требовалось соблюдение принципа «щедро давать и мало получать», эта централизованная торговля, сопровождавшаяся безвозмездным изъятием половины доставленного товара в виде налога и позволявшая непосредственно приобретать в заморских странах нужные товары, приносила императорской казне немалые прибыли. Однако налогообложение в половинном размере не сулило особых выгод иноземной торговле в Китае. Сознвая это, минское правительство в качестве своеобразной компенсации допускало частную торговлю членов посольских миссий и прибывавших с ними заморских

⁴⁵ Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, Приложение № 2, стр. 50.

⁴⁶ Там же, стр. 16.

⁴⁷ «Мин ши», цз. 304, стр. 31463(1).

⁴⁸ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 21.

⁴⁹ Там же, стр. 25.

⁵⁰ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маоци цзяньлунь*, стр. 36.

купцов. Это было закреплено в официальных установлениях империи: «При династии Мин... по установленному порядку все иноземцы должны были подносить дань раз в три года, а раз в 30 лет — прибывать на аудиенцию иноземные ваны. При этом было позволено торговать»⁵¹. В данном случае речь идет именно о частной торговле, ибо ни операции с «товарами, доставленными вместе с данью», ни тем более с «данью двору» в официальных китайских источниках не признавались за торговлю⁵².

Допущение частной торговли иноземцев в Китае наряду с применением принципа «щедро давать и мало получать» при «отдаривании» служило одним из мощных стимулов «привлечения данников» к императорскому двору и тем самым поддержанию сравнительно регулярных посольских связей. Некоторые откровенные «изречения» императоров, просочившиеся на страницы официальных источников, позволяют думать, что минское правительство вполне сознавало эту истину. В частности, в одном из манифестов Чжу Юань-чжана, направленном на Яву в 1380 г., говорится: «Недавно с Явы был прислан посол. И хотя считается, что он призван поднести дань, но на деле [его влечет] лишь страсть к обогащению»⁵³. Еще более определенно высказался о целях, преследуемых «данниками» в Китае, Чжу Ди в 1404 г.: «Люди из далеких краев знают лишь погоню за прибылью и ничего более»⁵⁴. Под «ничего более» здесь подразумевается игнорирование иноземцами символического значения «дани».

В «Шу юй чжоу цзы лу» также признается, что «данники», приходящие в Китай, на деле стремятся лишь к торговле, и что оказывать им хороший прием — это и есть политика «привлечения добрым отношением людей из далеких стран и распространения величия и авторитета императора»⁵⁵. Таким образом, минское правительство вполне намеренно допускало частную внешнюю торговлю, сопровождавшую прибытие иноземных посольских миссий, хотя главные прибыли от нее не шли в центральную казну. Более того, во имя «привлечения данников» китайское правительство практиковало прямое поощрение частной торговли членов иноземных посольских миссий,

⁵¹ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 486.

⁵² Сопровождение посольских связей частноторговыми операциями отнюдь не было нововведением минского периода. Китайские официальные источники XV—XVI вв. ссылаются на авторитет прежних законоположений в этой области. Так, в «Шу юй чжоу цзы лу» отмечено: «В „Тун дьянь“ (книга Ду Ю, VIII в. — А. Б.), составленной по заветам „царственных предков“, записано, что издревле все с почтением и преданностью относилось к Китаю страны поддерживают с ним связи, поднося дань и ведя торговлю» (цз. 9, стр. 216).

⁵³ «Гуандун тун чжи», цз. 97, стр. 386.

⁵⁴ Ся Се, *Мин тун цзянь*, т. I, цз. 14, стр. 639.

⁵⁵ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 9, стр. 21а.

которое шло вразрез с его коммерческими интересами. В «Шу юй чжоу цзы лу», например, записано: «Императорский двор из боязни утратить расположение отдаленных иноземцев неизменно с большой щедростью принимал каждого доставлявшего дань посла. За товары, частным образом привозимые их людьми, давалась цена вдвое выше обычной»⁵⁶. Право ведения иноземцами частной торговли в Китае обуславливалось непрерывным поддержанием «официальных» посольских связей. В «Мин ши» по этому вопросу говорится: «Всем заморским странам, присылавшим дань, разрешалось привозить кроме этого местные товары и торговать ими в Китае»⁵⁷.

Частная торговля, шедшая параллельно с посольским обменом, не была однородна по характеру и состояла из торговли самих послов и членов посольских миссий и из торговли частных купцов. Остановимся сначала на торговле членов посольских миссий. Сразу же нужно оговориться, что эту торговлю нельзя смешивать с подарками, которые получали послы на аудиенциях в императорском дворце. Эти подарки являлись выражением благодарности со стороны императора иноземным послам за труды, связанные с исполнением посольских обязанностей. Это был своего рода акт дипломатической вежливости, широко практиковавшийся в средние века не только в странах Дальнего Востока, но и во всем мире. В то же время одаривание послов использовалось как случай показать «щедрость и величие» китайского двора и одновременно способствовать стремлению иноземных послов снова попасть в Китай. Последнее опять-таки служило цели обеспечения регулярного посольского обмена. Следует отметить, что аналогичные подарки получали и китайские послы в заморских странах.

Частные товары, привозимые в Китай иноземными послами и членами посольских миссий помимо «собственно дани» и «доставлявшихся с данью товаров», выделялись китайскими властями в группу «прочих» товаров, которые разрешалось пускать в торговлю. При этом императорским указом от 1423 г. устанавливался следующий порядок: «Товары, привезенные послами и другими [членами посольства], не облагаются налогом. Их стоимость определяется в ассигнациях, и после окончания [процедуры] выдачи подарков разрешается ежедневно торговать ими у гостиниц. Кроме внесенных в реестр запретных товаров, таких, как шелка, фиолетовое мыло, атлас из Западного Края с большими цветами лотоса, которые не разрешается закупать, все остальные товары разрешается пускать в продажу и перепродавать»⁵⁸. Положение об освобождении товаров, привозимых членами посольских мис-

⁵⁶ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, стр. 18а.

⁵⁷ «Мин ши», цз. 81, стр. 29034(4) — 29035(1).

⁵⁸ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 176.

сий, от налогов и оценке их в ассигнациях вошло и в «Мин хуй дянь», приобретя тем самым силу законоположения⁵⁹.

Однако, освободив товары иноземных послов от налогообложения, центральная казна сохраняла за собой право закупки большей части этих товаров. Так, уже в 1369 г. было установлено следующее правило: «Постановили, что иноземные товары, привозимые вместе с данью, которыми [иноземцы] желают торговать в Китае, подлежат на шесть десятых отчислению в казну и в вознаграждение за них дается их цена. Они по-прежнему освобождены от налогов»⁶⁰. Таким образом, казна получала право в первую очередь закупать лучшие и наиболее ходовые товары. В свободную продажу поступала, следовательно, лишь меньшая часть частного товара членов посольских миссий.

Более того, правительство пыталось осуществлять строгий контроль над этой «свободной» продажей. Это сказывалось в установлении определенного срока торговли иноземных послов в столице Китая и ограничении торговли «запретными товарами». Об этом свидетельствует следующая статья «Да Мин люй»: «Все иноземцы, доставляющие дань двору, по прибытии в столицу могут торговать в гостиницах в течение пяти дней. Люди из различных лавок могут взять не подлежащие запрету товары и прийти в гостиницы для взаимной, равной торговли мягковыделанными тканями, шелком и другими вещами. В указанный срок задолженность [торгующих друг другу должна быть] покрыта. Если же будут такие, кто станет покупать еще оставшиеся [товары], умышленно нарушая указанный срок, обманывать и заниматься вымогательством у иноземцев, долгое время не уходя [от гостиниц], они ответят [за это] как за преступление и, как и прежде, будут наказываться надеванием канги перед воротами гостиницы сроком на один месяц. У тех, кто не будет соблюдать сроков [торговли], а также [станет] соблазнять иноземцев тайно идти в народ вести торговлю частным образом, конфискуются в казну все частные товары; лавочники при этом в соответствии со сказанным выше наказываются кангой, а затем высылаются на службу в пограничные гарнизоны. Чиновникам разрешается препровождать в столицу тех иноземцев, кто уже раз нарушил закон»⁶¹.

Особая статья разъясняла, что считается «запретными товарами», а что нет. В ней говорилось: «Чиновникам, военному и гражданскому люду разрешается торговать с послами лишь блестящим некрашеным шелком, полотном, шелковой нитью, тонким шелком, холщовой одеждой, но не разрешается торговать предметами, которые могут быть использованы как оружие, а также запретными изделиями из бронзы и железа. Все, кто осме-

⁵⁹ Сюй Бо, *Да Мин хуй дянь*, цз. 101, стр. 55а.

⁶⁰ Ли Цзянь-нун, *Сун Юань Мин цзинцзи ши гао*, стр. 161.

⁶¹ «Да Мин люй», т. 8, стр. 246.

лится нарушить этот закон, будут доставлены в присутственные места и подвергнуты высшей мере наказания»⁶². Другая статья предусматривала надевание канги сроком на один месяц с последующей ссылкой в пограничные военные гарнизоны тем, кто будет скупать запретные товары для иноземцев по их поручению⁶³.

Запретные товары не всегда и не везде в Китае были одинаковы. Поэтому чиновники из Ведомства обрядов перед началом торговли с иноземными послами вывешивали во дворах гостиниц списки запретных товаров. Любопытно, что в их число входили китайские исторические книги⁶⁴. Считалось, что изучение их дает иноземцам опасные для Китая сведения. Однако наиболее строгий запрет налагался на торговлю оружием. Нарушители этого запрета карались обезглавливанием, а их пособники — высылкой⁶⁵. Запрещалось также торговать серой и селитрой — составными частями пороха⁶⁶.

Заморские послы и члены их миссии широко пользовались правом выгодной для них торговли в Китае. Иногда они пускали в торговый оборот и подарки, полученные от императора. Известен, например, факт, когда послам было разрешено обменять полученный в дар тонкий шелк на другие ткани в г. Сучжоу в 1449 г.⁶⁷. Более того, есть сведения, что если послы не хотели брать даримые им вещи, то Ведомство обрядов могло оценить их стоимость и выплатить ее монетой или ассигнациями⁶⁸.

Члены иноземных посольств далеко не весь свой частным образом доставленный товар везли в столицу. Часть его они продавали прямо в тех городах, куда прибывали их корабли. Для стран Южных морей основным портом в Китае был Гуанчжоу. Однако здесь торговля послов сливалась с торговлей частных иноземных купцов, прибывавших в Китай, и поэтому регулировалась иными правилами.

В китайских источниках есть много упоминаний о прибытии с посольскими миссиями частных иноземных купцов. Так, в «Заветах минского Тайцзу» записано: «Все иноземцы, начиная от Тямпы и далее, приходят ко двору и часто привозят с собой торговцев, которые много творят лукавства и обмана»⁶⁹. Чтобы избежать препятствий и произвола со стороны местных китайских властей, заморские купеческие корабли старались прийти вместе с посольской миссией, а иногда сами произвольно называли себя послами, чтобы получить льготные условия для тор-

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 24а.

⁶⁴ Чжэн Вэй-хуа, *Мин дай хайвай мао цзяньлунь*, стр. 21.

⁶⁵ «Да Мин лой», т. 8, стр. 45а.

⁶⁶ Там же, стр. 44б.

⁶⁷ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи цзе Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэнчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 108.

⁶⁸ Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маоц*, стр. 11.

⁶⁹ С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*, стр. 43.

говли. Официально в Китае существовало правило: «Если есть корабли с данью, то есть и торговля, без предоставления дани не разрешается вести торговлю»⁷⁰. В различное время китайское правительство по-разному подходило к соблюдению этого правила, однако зачастую, как отмечено в «Шу юй чжоу цзы лу», «недосуг было разбираться, истинные это послы или подложные»⁷¹.

В конце XIV — начале XVI в. в Китае существовали сравнительно твердые правила приема иноземных купеческих кораблей. Вкратце они сводились к следующему: «Что касается иноземных купцов, которые частным образом доставляют [в Китай] товары для торговли на рынках, то по прибытии их корабли опечатываются у причалов, [доставленные товары] переписываются, $\frac{2}{10}$ из них отбирается в виде процентного отчисления, а [остальное] разрешается пускать в продажу»⁷². При этом, как явствует из «Да Мин люй», опись своих товаров должен был подавать китайским властям сам купец. Специальная статья кодекса «О сокрытии товаров, привозимых морскими торговцами» гласила: «Каждый торговый гость, приплывший морем на кораблях, по прибытии к китайскому берегу должен немедленно представить правдивый и полный доклад о [привезенных] товарах в казенные учреждения [на предмет взимания] процентного отчисления. Если же остановившийся тайным образом [войдет в сговор] с местными купцами из прибрежных гаваней и домами торговых маклеров (я хуй чжи цзя) и [не подаст] такой доклад, то дать ему палками сто ударов. Если же [он] представит неполный доклад, то считать это таким же преступлением, товары его конфисковать в казну, а прятавших их людей в равной мере считать преступниками. Тому, кто донесет о таковых, казной дается вознаграждение в 20 лян серебра»⁷³.

Упомянутый налог — «процентное отчисление» (чоу фэнь или чоу цзе) — не был постоянным и в разное время колебался от одной до трех десятых привезенного товара⁷⁴. Он мог взиматься двумя способами: путем изъятия товаров натурой и путем оценки товара в ассигнациях и уплаты соответствующей суммы деньгами⁷⁵. Вступая в отношения с китайскими властями, купцы часто прибегали к помощи так называемых торговых посредников, уплачивая им за труды комиссионные (я шуй). Первоначально минское правительство запрещало деятельность «торговых посредников». Однако уже в начале XV в. оно пошло на учреждение должности «официальных торговых посредников»,

⁷⁰ Ли Цзянь-нун, *Сун Юань Мин цзинцзи ши гао*, стр. 161.

⁷¹ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 18а.

⁷² «Гуандун тун чжи», цз. 8, стр. 48б.

⁷³ «Да Мин люй», т. 3, стр. 26б.

⁷⁴ Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маои*, стр. 14; Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 52.

⁷⁵ Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маои*, стр. 13.

подчинявшихся властям⁷⁶. В соответствии со статьей в «Да Мин люй», «официальные посредники» передавали приезжим купцам скрепленные печатью удостоверения (инь синь) и выписку из счетной книги с указанием местожительства торгового гостя, его имени, пути следования и с перечислением товаров и их количества⁷⁷. Эти документы давали возможность легально вести торговлю на китайском берегу. Вместе с тем указанная статья из «Да Мин люй» предусматривала 60 ударов палками тому, кто будет незаконно выдавать купцам эти документы.

Однако к XVI в. «частных торговых посредников» стало гораздо больше, чем «официальных». Они создали особые гильдейские объединения (я хан, я хуй) в крупных портовых городах. Налаживание контактов иноземных купцов в Китае с этими «посредниками» открывало возможности ведения торговли помимо контроля местных властей, без обложения налогами. Специальная статья в «Да Мин люй» предусматривала высылку в пограничные гарнизоны тех местных чиновников, которые не доложат о прибытии кораблей с «данью» и до описи доставленного на них груза станут покупать у иноземцев их товары⁷⁸. Здесь же особо оговаривалось аналогичное наказание за покупку «запретных товаров». Однако само появление этой статьи показывает, что подобная практика существовала.

Об ухищрениях, на которые шли крупные китайские торговцы из прибрежных районов и местные власти портовых городов, чтобы заполучить товар, доставлявшийся иноземными купцами, свидетельствует следующая запись из «Шу юй чжоу цзы лу»: «Когда прибывают иноземные товары, каждый вступает в связь с иноземцами через своих родственников. Сначала самые богатые частным образом торгуют с ними и берут половину товаров или даже шесть-семь десятых. А затем уже торговые посредники докладывают о [доставленных] товарах властям. После этого такие, как командующий войсками провинции (ти ду) Ню Жун⁷⁹, облагают эти товары налогами, а все, что остается после этого, предназначается для перекупки чиновниками. Что же еще остается?»⁸⁰.

Эти данные для нас очень важны. Прежде всего они показывают, что частная торговля заморских купцов в Китае приносила прибыли главным образом местным крупным (а не мелким)

⁷⁶ Там же, стр. 13.

⁷⁷ «Да Мин люй», т. 3, цз. 10, стр. 30а.

⁷⁸ «Да Мин люй», т. 8, стр. 43б.

⁷⁹ В начале XVI в. он исполнял обязанности начальника управления торговых кораблей в г. Гуанчжоу. В 1522 г., не облагая налогом торговые корабли из Тямпы и Сиамы, он вел с ними частную торговлю через посредство своего родственника Цзян И. Однако эти злоупотребления были вскрыты властями, Ню Жун и Цзян И понесли наказание, а их товары были конфискованы (Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 7, стр. 32а; «Мин ши», цз. 324, стр. 31769(3)).

⁸⁰ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 11а.

китайским торговым домам, а также местным (а не центральным) властям. Основная часть поступлений от «процентных отчислений» с заморских товаров оседала в местной казне провинциальных властей. Поэтому от частной торговли купцов из стран Южных морей выигрывали местные власти и крупные купцы провинций Гуандун и Фуцзянь. По подсчетам Чжан Дэчана, ежегодные поступления от «процентного отчисления» с иноземных купеческих кораблей в центральную императорскую казну составляли приблизительно 40 тыс. лян серебром, т. е. сумму весьма незначительную в общем доходе⁸¹. Это положение изменилось лишь в конце XVI в.

Контроль за иноземной частной морской торговлей в Китае осуществляли управления торговых кораблей. В рассматриваемый период они ведали одновременно и приемом прибывших из заморских стран послов. В «Мин ши» их задачи трактовались следующим образом: «Они [ведали] подношением дани двору различными заморскими иноземцами и [морской] торговлей. Занимались определением истинности послов, их посланий и разрешных печатей. Запрещали [населению] сноситься с иноземцами. Облагали налогами частным образом доставляемые товары и регулировали их продажу»⁸². Дипломатических функций управлений по приему посольств мы уже касались выше, поэтому перейдем к их функциям в области торговли.

Создание управлений торговых кораблей в начале периода Мин связывается в «Мин ши» именно со стремлением поставить под контроль частную морскую торговлю: «Всем заморским странам, присылавшим дань, разрешалось привозить кроме этого местные товары и торговать ими в Китае. Поэтому были учреждены управления торговых кораблей»⁸³.

Т. Фуцзита, посвятивший специальную работу деятельности управлений в X—XIII в., на большом материале показывает, что их торговые функции сводились к следующему: они собирали налог с торговых кораблей, хранили и отправляли в центр взятые в качестве налога товары; следили за соблюдением монополии на закупку у иноземцев «запретных товаров», а также осуществляли «принудительные закупки» иноземных товаров для казны; выдавали разрешения на выход кораблей в море и следили за тем, чтобы не было незаконного вывоза; выдавали разрешения на продажу товаров, доставленных на корабле; встречали и провозжали иноземные корабли⁸⁴.

Т. Фуцзита приходит к заключению, что уже с XI в. значительная часть средств, поступавших в управления торговых кораблей от налогов с иноземных купцов, закупок «запретных» и прочих товаров, не отправлялась в столицу, а оставалась в их

⁸¹ Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маои*, стр. 14.

⁸² «Мин ши», цз. 75, стр. 28972(4)—28973(1).

⁸³ «Мин ши», цз. 81, стр. 29034(4)—29035(1).

⁸⁴ Т. Фуцзита, *Чжунго Нань хай гудай цзяотун цза као*, стр. 229—230.

распоряжении⁸⁵. Считалось, что эти средства идут на последующие торговые операции управлений. Эти учреждения выступали и как посреднический орган, устраивая распродажу приобретенных иноземных товаров населению⁸⁶. Примерно аналогичными были торговые функции управлений торговых кораблей и в конце XIV—XVI в.

Частная китайская морская торговля в странах Южных морей также получила в рассматриваемый период довольно широкий размах. По своему характеру она не была едина. В ней можно выделить торговлю членов посольских миссий, с одной стороны, и частную купеческую торговлю — с другой.

Одна из статей «Да Мин люй» официально разрешала китайским послам, отправлявшимся с поручениями на кораблях, брать с собой частные товары для продажи. Однако количество их ограничивалось 30 цзинями (ок. 18 кг), а за превышение полагалось бить палками⁸⁷. Судя по некоторым данным, частную торговлю за морем вели уже члены экспедиций китайского флота начала XV в., не говоря уже о том, что с ними ехало много купцов, о чем свидетельствует «Кэ цзо чжуй юй»⁸⁸. В одном из предисловий к переизданию «Ин я шэн лань» отмечено, что Ма Хуаня несколько не прельщала торговля золотом, шелками и драгоценными товарами, и он целиком отдавал себя написанию книги⁸⁹. Следовательно, другие члены экспедиций занимались частной торговлей.

Чжэн Хао-шэн в одной из своих статей приводит доклад императору, зафиксированный в «Мин ши лу» и датированный 1443 г.: «При возвращении корабля, посланного с поручениями в Тямпу, уполномоченные чиновники при проверке обнаружили 377 больших гребней из слоновой кости, 2 дощечки для указов из слоновьей кости и 80 слоновых ребер⁹⁰— все иноземные товары. Намереваемся под конвоем направить это в столицу. Командир же корабля сотник (бай ху) Лу Си и его люди докладывают: «Мы торговали, расходуя свои собственные средства». Не осмеливаемся разрешить этот вопрос». Император ответил на это: «Это все мелочь, следует приказать вернуть [товар хозяевам]»⁹¹. Этот эпизод не только доказывает существование частной торговли китайских послов в странах Южных морей, но и позволяет судить о ее составе и размерах.

Со второй половины XV в. торговля китайских послов за морем становится обычным явлением. Достаточно вспомнить опи-

⁸⁵ Там же, стр. 309, 326.

⁸⁶ Там же, стр. 312, 325.

⁸⁷ «Да Мин люй», т. 4, цз. 17, стр. 326.

⁸⁸ Гу Ци-юань, *Кэ цзо чжуй юй*, цз. I, стр. 226.

⁸⁹ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, Предисловие к «Го чао дян гу», стр. 1.

⁹⁰ Слоновые ребра — я цзинь пи (№ 3251, 4698, 7800) вместо «цзинь» следует читать «лэй» (№ 4697), иначе получается «костяные мускулы, сухожилия».

⁹¹ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чзе Чжунго юэ Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэньчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 108.

санное выше посольство Фэн И и Чжан Цзиня в Тямпу в 1478 г., которые, по свидетельству «Мин ши», взяли с собой много частных товаров. Однако ввиду строгих ограничений со стороны китайских властей эта «посольская» торговля не могла принять широкого размаха, не становясь незаконной с официальной точки зрения, т. е. не сливаясь с обыкновенными частноторговыми операциями. К тому же, как отмечалось выше, к началу XVI в. официальных посольских миссий из Китая в страны Южных морей направлялось очень мало.

В XI—XIII вв. частная морская торговля китайских купцов в странах Южных морей была весьма значительной. Она продолжала существовать и позже, несмотря на некоторые ее ограничения со стороны правительства в самом конце XIII — начале XIV в. О существовании частной морской торговли в период Мин говорят указы правительства, запрещающие частным лицам выходить в море. Только за последние 32 года XIV в. было издано шесть таких запретов. И в каждом из них признавалось, что население нарушает эти установления.

Краткие сведения о китайской купеческой торговле в заморских странах можно найти в «Мин ши». Там отмечается, что в г. Гресе на Яве «стекаются китайские торговые корабли и торговые корабли всех иноземцев»⁹². В описании страны Самудра говорится: «Китайцы, которые приходят сюда ввиду того, что земля та далеко и поэтому цены на товары (китайские.— А. Б.) высоки, получают здесь вдвое больше прибыли, чем в других странах»⁹³. О китайской торговле в Джохоре сказано: «Многие из китайцев, которые торгуют с чужими странами, приходят сюда. Во время торговли некоторые [из местных купцов] приглашают посещать ту страну»⁹⁴. Как отмечается далее, в границах с Джохором населенном пункте Динцзии «китайцы, приходящие туда торговать, ведут там торговлю очень мирно»⁹⁵. Аналогичные примеры, подтверждающие наличие китайской частной морской торговли, можно найти и относительно архипелага Сулу, Филиппинских и Молуккских островов⁹⁶.

Наиболее полно китайская заморская торговля описывается в труде Чжан Се «Дун си ян као». Правда, эти данные относятся к середине и второй половине XVI в. Однако, естественно, китайская торговля здесь возникла не вдруг, и эта работа помогает создать представление о ее более раннем этапе в странах Южных морей.

В «Дун си ян као» не только подробно перечисляются все заморские товары, которые можно приобрести в той или иной из этих стран, но и в особых подразделах даются описания по-

⁹² «Мин ши», цз. 324, стр. 31772(1).

⁹³ «Мин ши», цз. 325, стр. 31779(4).

⁹⁴ Там же, стр. 31782(2).

⁹⁵ Там же, стр. 31782(3).

⁹⁶ «Мин ши», цз. 323, стр. 31757(1,2,4), цз. 325, стр. 31780(3).

рядка торговли в них с приходящими купеческими кораблями. Иногда речь идет непосредственно о китайских купеческих кораблях, иногда — о купеческих кораблях вообще. Однако сами по себе такого рода сведения могли быть добыты лишь в результате богатой практики торговли в этих странах.

Как правило, китайские купцы, заходя в порт, посылали в подарок местному властителю фрукты и ткани. В главе о Сиаме этот подарок называется данью (гун) и уточняется, что он состоял из тканей, шелка и апельсин⁹⁷. В Палембанге и Паханге были установлены размеры «подарка», т. е. по сути дела это был торговый налог⁹⁸. В большинстве же стран Южных морей определенный налог уплачивался помимо подарков. Данных о его размере почти нет. Сообщается лишь, что в Бони налог с каждого пришедшего торгового корабля был твердо установлен и составлял всего три серебряные монеты⁹⁹. Отмечается также, что на о-ве Тимор размер его был мал, а на о-ве Лусон — сравнительно велик¹⁰⁰. Судя по «Дун си ян као», в большинстве стран Южных морей налог с купеческих кораблей брался одновременно при приходе или отходе. Но на Яве и Тиморе существовал порядок ежедневной уплаты торгового налога¹⁰¹. Совсем без налогообложения велась торговля в Сукадане (Южный Калимантан)¹⁰². В Паханге же вместо налога с китайских купцов бралась арендная плата за использование специально выстроенных местными властями торговых помещений на берегу¹⁰³.

Методы ведения торговли в различных странах Южных морей были различными — от самой примитивной меновой торговли до сложной системы с регистрацией и надзором со стороны местных властей. В Баньчжэмасине (Южный Калимантан, в китайской транскрипции), например, когда прибывали китайские корабли, местные жители ударяли в гонг, раскладывали свои товары на земле, после чего удалялись и ждали, какое возмещение будет положено против их товаров¹⁰⁴. А в Сиаме привозимые товары за девять дней проходили три таможи и на торговлю требовалось разрешение правителя¹⁰⁵. Аналогичное разрешение нужно было получать и на о-ве Лусон в районе Манилы¹⁰⁶. Особенно тщательно были разработаны торговые нормы на Яве¹⁰⁷. В Брунее надзор за торговлей осуществляли несколько

⁹⁷ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 2, стр. 24.

⁹⁸ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 3, стр. 39; цз. 4, стр. 49.

⁹⁹ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 3, стр. 35.

¹⁰⁰ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 4, стр. 55; стр. 61.

¹⁰¹ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 3, стр. 29; цз. 4, стр. 55.

¹⁰² Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 4, стр. 52.

¹⁰³ Там же, стр. 49.

¹⁰⁴ W. Groeneveldt, *Notes on the Malay Archipelago...*, p. 107.

¹⁰⁵ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 2, стр. 24.

¹⁰⁶ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 5, стр. 61.

¹⁰⁷ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 3, стр. 29.

человек из местной администрации¹⁰⁸. На о-вах Сулу китайцы сбывали свои товары через посредников из местного населения, которые забирали весь доставленный на кораблях товар и уходили распродавать его в окрестные районы. Затем они возвращались и давали китайцам в качестве возмещения местные товары¹⁰⁹.

На Яве и в Паханге китайские купцы торговали в специально отведенных для них лавках, а в Камбодже место их торговли обносилось особым частоколом¹¹⁰. В других местах, как, например, в Джохоре и граничившем с ним пункте Динцзии, китайцам не разрешалось сходить на берег и местные жители приходили торговать прямо на борт кораблей¹¹¹. В Сиаме же китайцам разрешалось вести торговлю не только в портовых городах, но и в близлежащих районах страны¹¹².

В целом данные «Дун си ян као» свидетельствуют, что ко второй половине XVI в. частная морская торговля китайских купцов практически охватывала торговые порты во всех странах Южных морей.

Однако следует иметь в виду, что в конце XIV — середине XVI в. в Китае существовал запрет на частную морскую торговлю для китайского населения. Иногда правительство пыталось строго соблюдать запрет, иногда он превращался в формальность. Но даже формальное существование так называемого морского запрета сводило всю частную торговлю китайцев в странах Южных морей на положение контрабандной. Безусловно, это, с одной стороны, мешало ее развитию, а с другой — обуславливало ряд ее специфических особенностей.

Во-первых, для того чтобы вести торговлю, заинтересованные лица вынуждены были пускаться на различные ухищрения и уловки. Одним из верных способов было назваться иноземным купцом или послом. Такие случаи были весьма не редки. В «Шу юй чжоу цзы лу», например, отмечено: «Судя по разным данным, многие из послов иноземных стран не были уроженцами этих стран. Это все были наши, китайские, бесстыдные люди служилого сословия (ши), сменившие имена»¹¹³. В «Гуандун тун чжи» приводятся любопытные сведения об ухищрениях фуцзяньских и гуандунских купцов. Здесь сказано, что часто они закручивали волосы в пучок, продавали в уши кольца, одевались из материи иноземцев, затем они переправлялись на иноземные корабли и, сходя с них на берег, даже умело подражали иностранному говору¹¹⁴.

¹⁰⁸ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 5, стр. 68.

¹⁰⁹ Там же, стр. 63.

¹¹⁰ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 3, стр. 33.

¹¹¹ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 4, стр. 50—51.

¹¹² Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 2, стр. 24.

¹¹³ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 18а.

¹¹⁴ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 486.

Во-вторых, опасаясь облав и карательных мер со стороны кораблей прибрежной обороны Китая, которые призваны были осуществлять морской запрет, китайские купеческие корабли выходили в море вооруженными. Наличие же на борту оружия и солдат постоянно приводило к распространению морского разбоя. Пиратство издавна процветало в изрезанных узкими проливами и усеянных бесчисленным количеством островов Южных морях. И хотя это явление было международным, контрабандный характер китайской частной торговли в целом немало способствовал его процветанию у самых берегов Китая. Не брезговали заниматься морским разбоем и некоторые из китайских переселенцев в странах Южных морей.

В-третьих, частная морская торговля, требовавшая больших затрат средств, чем внутренняя торговля, вынуждала китайских купцов кооперироваться. К совместным действиям подталкивало их и наличие на морских путях пиратов. Поэтому китайские купцы собирали средства в складчину, закупали товар, нанимали корабли и команду (если у них не было собственных кораблей), вербовали вооруженную охрану и выходили в море целыми флотилиями. Как отмечено в «Шу юй чжоу цзы лу», «лукавые люди в погоне за прибылью целыми группами отправлялись в заморские страны и скапливались там»¹¹⁵.

В китайских источниках сохранились довольно обширные списки товаров стран Южных морей, поступавших в Китай. При этом во многих случаях они именовались «предметами дани» той или иной страны. Несомненно, что некоторые из этих «местных товаров» присылались в Китай в качестве подарков императору с погольскими миссиями. Но под эту рубрику китайские официальные источники включали и все известные в то время китайским торговцам товары, которые имелись в продаже в той или иной стране. Поэтому данные о составе морской торговли между Китаем и странами Южных морей удобнее рассматривать, абстрагируясь от формы этой торговли.

По количеству упомянутых товаров эти списки существенно отличаются друг от друга, хотя многие товары упоминаются как типичные для целого ряда стран. Интересную работу в этом отношении провел Чжэн Хао-шэн: он подсчитал количество това-

¹¹⁵ Янь Цун-дзянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 18а. Чжан Вэй-хуа выделяет два вида кооперации китайских морских торговцев: кооперацию купцов с крупными помещичье-бюрократическими домами и кооперацию мелких торговцев (Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай мао цзяньлунь*, стр. 76—77). В первом случае мелкие купцы пытались найти себе покровителей среди представителей «сильных домов» — местной феодальной и служилой аристократии. Ведя по их поручению торговлю в заморских краях, купцы получали возможность сговориться с местными властями, береговой охраной, а то и получить официальное разрешение на выход в море и возвращение в Китай. Многие из тех, кто занимался подобной практикой, становились так называемыми торговыми посредниками. Во втором же случае «легализация», как правило, исключалась. Кооперировались обычно земляки — купцы и жители одного уезда, городка или селения.

ров, поступавших из каждой заморской страны. Для Сиамы эта цифра составила 65, Явы — 54, Малакки — 44, Тямпы — 32, Бони — 25, Самудры — 21, Палембанга — 17, Камбоджи — 13, Сулу — 11, Байхуа — 10, Паханга — 8, Таньбы — 6, Ланьбана — 5, Аче — 2¹¹⁶.

Для примера возьмем перечень продуктов, поступавших с Явы. Он включает золото, серебро, натуральный жемчуг, рог носорога, слоновую кость, панцири черепах, орлиное дерево, укроп, голубую соль, сандаловое дерево, борнеоскую камфару, гвоздику, стручковый перец, древесную тыкву (чжуа), кокосовые орехи, бананы, сахарный тростник, таро, бетелевые орехи, черный перец, серу, красильный сафлор, сапановое дерево, молуккскую сахарную пальму, хлопок-сырец, ткань из крученой нити, парадные мечи, плетеные циновки, бело-серых попугаев, обезьян¹¹⁷.

Сопоставив между собой доставляемые различными странами Южных морей товары, упоминания о которых встретились нам в используемых в настоящей работе источниках, можно разделить их на несколько групп. Это, во-первых, различные ценные породы древесины: сандаловое дерево, сапановое, ладонное, орлиное, лаковое, черное. При этом китайские источники выделяют много различных сортов одной и той же породы древесины: например, семь различных сортов орлиного дерева, пять различных сортов черного дерева, причем некоторые из них подразделяются еще на несколько видов, и т. д.

В особую группу можно выделить благовония и ароматические средства, поступавшие в Китай в готовом виде (а не в виде древесины). Это розовое масло и розовая вода, цветочный сок гардении, каламбака, благовоние из смоконницы, курения из кумраны душистой, бензоин. Сюда же следует отнести и благовония нерастительного происхождения — мускус и серую амбру.

К третьей группе мы можем отнести товары, весьма несхожие по качеству, но служившие сырьем для изготовления различных ремесленных изделий. Это прежде всего различные ископаемые — олово, ртуть, железо в брусках, медный купорос, сера; различные красители ископаемого и растительного происхождения — индиго (сине-зеленый), красильный сафлор (красный), камедь гарцинии (желтый); горючие материалы — кеменьян, нефтепродукты. Сюда же относятся материалы, используемые в художественном ремесле, — слоновая кость, рог носорога, панцирь черепахи, павлиньи и журавлиные перья, а также перья зимородка, крокодиловая кожа. Наконец, это хлопок-сырец, воск, лианы, ратан, различный бамбук и т. п. Некоторые из них подразделялись на множество разновидностей и сортов. Так, например, индиго было пять сортов, а рогов носорога — четыре сорта.

¹¹⁶ Чжэн Хао-шэн, *Шуи шицзи чже Чжунго юй Я-Фэй гоцяя-цянь цзай чжэнчжи, изинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 102—103.

¹¹⁷ Ли Сянь, *Да Мин и тун чжи*, нз. 97, стр. 40а.

Особую группу составляли различные драгоценности: золото, серебро, бриллианты и алмазы, опал «кошачий глаз», камень «якут», драгоценный камень «тридахна», гранат, жемчуг, хрусталь, янтарь, кораллы, слоновая кость, а также полудрагоценные камни — агат, «бодисатва», камень «вань».

В пятую группу входили ценные заморские лекарства и лекарственные растения: алоэ, «черное лекарство»; косточки «дафэн» (лекарство от лишаев), лекарственное масло «сукэ», желтые лекарственные цветы, лекарство «сюэцзи». Сюда же можно отнести камфару и ее производные — камфарное масло, камфарный сок, камфарную мазь, камфарную мычину. Особенно ценилась в Китае так называемая «борнеоская камфара». Лекарства получались также и из целого ряда других импортных заморских товаров как побочный продукт их обработки.

В шестую группу можно выделить специи и продукты питания: черный и стручковый перец, гвоздику, орехи «жоудоу», кокосовые, мускатные и бетелевые орехи, сахарный тростник, имбирь, бананы, укроп, таро, желатин, сахарную пальму и различные деликатесы (например, брюшина морского кота и т. п.).

Наконец, к седьмой группе относятся изделия ремесла. Это несколько сортов тканей — белая грубошерстная, из крученой нити, белая и разноцветная ткань «цзя», покрывала «дуло», стекло (поступавшее, очевидно, через посредников с Переднего Востока), булатные клинки, циновки.

Теперь обратимся к китайскому экспорту в заморские страны. В «Гуандун тун чжи» отмечено: «Все страны Восточного океана¹¹⁸ в торговле по большей части берут шелковые и полотняные ткани... Страны Западного океана — по большей части гуандунские товары»¹¹⁹. Источники показывают, что китайский экспорт был не менее разнообразен, чем импорт из стран Южных морей. Возьмем, например, ткани. В источниках упоминается 12 видов шелков: простой, тонкий, тяжелый, узорный, набивной и т. д. Кроме того, китайские торговцы вывозили парчу, атлас (двух сортов), полотно, холсты, газ и тюль, ситец и некоторые другие виды тканей. Экспортировалась также готовая одежда, простая или же с ценным шитьем.

Весьма разнообразна была китайская фарфоровая посуда, широко вывозившаяся в заморские страны. Видное место в китайском экспорте в страны Южных морей занимали изделия из бронзы и железа, продукция художественных ремесел и ювелирные изделия, бумага, пищевые продукты (некоторые зерновые, ремень и др.).

¹¹⁸ Иногда китайские источники делили водные пространства на Восточный и Западный океаны; в этом случае к Восточному океану относились Япония, о-ва Рюкю и восточная половина стран Южных морей — Филиппины, Сулу, Молуккские острова, Бони и Бруней.

¹¹⁹ «Гуандун тун чжи», изд. 89, стр. 486.

В XIV—XVI вв. китайские купцы вели торговлю в странах Южных морей с учетом спроса на тот или иной товар в каждой из этих стран. Сведения об этом зафиксированы во многих географическо-этнографических описаниях иноземцев в китайских источниках. В этом отношении для рассматриваемого нами периода особенно интересны труды Ма Хуаня, Фэй Синя и Гун Чжэня. Относительно спроса в Тямпе здесь записано: «Очень любят китайские тарелки, чашки и другие вещи из сине-белого фарфора, полотно, шелк, набивной шелк, стекло и другие товары»¹²⁰. На о-ве Биллитон «берут рис и другие зерновые, разноцветный шелк, темно-синие холсты, изделия из меди, фарфоровую посуду с синей росписью»¹²¹. Наконец, в Сиаме «берут белый фарфор с синей росписью, ситец, разноцветные шелка, атлас, золото, серебро, медь, железо, стекло, ртуть и зонтики»¹²². Такого рода записи можно найти в источниках почти о всех заморских странах.

Вместе с тем, стремясь обеспечить максимальную прибыльность своей торговли в странах Южных морей, китайские купцы уже в XV—XVI вв. знали и использовали принцип вывоза того или иного товара именно из той страны, которая славилась его производством. Так, в источниках отмечается, что Тямпа известна своей слоновой костью, каламбаком, черным деревом и ароматным осветительным маслом¹²³; Сиам — первосортной сапановой древесиной¹²⁴; о-в Тимор — сандаловой древесиной¹²⁵; Малакка — оловом¹²⁶; Самудра — черным перцем¹²⁷; о-в Брас — серой амброй¹²⁸; о-ва Сулу — жемчугом¹²⁹; Аче — камфарой¹³⁰; Наньболи — лаковым деревом¹³¹; Молуккские острова — пряностями и особенно гвоздикой¹³².

Помимо драгоценных металлов, служивших средством обращения и платежа в большинстве стран Южных морей, в торговле между ними и Китаем в XV—XVI вв. широко применялась и китайская медная монета. Значительный вывоз ее в заморские страны практиковался еще в XI—XIII вв. Поэтому во «Всемирной истории» китайская медная монета уже к XV в. определяется как «своего рода международная валюта в торговле во всей Восточной Азии, Индокитае и даже в странах Южных мо-

¹²⁰ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 6.

¹²¹ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 10.

¹²² Там же, стр. 12.

¹²³ Там же, стр. 2.

¹²⁴ Там же, стр. 12.

¹²⁵ «Гуандун гун чжи», цз. 89, стр. 486.

¹²⁶ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 1, стр. 20.

¹²⁷ Там же, стр. 22.

¹²⁸ Там же, стр. 27.

¹²⁹ Фэй Синь, *Син ча шэн лань*, цз. 2, стр. 15.

¹³⁰ Там же, стр. 27.

¹³¹ Ма Хуань, *Ин я шэн лань*, стр. 33.

¹³² «Мин ши», цз. 323, стр. 31757(1—2).

рей»¹³³. Этот факт прежде всего свидетельствует о широком размахе китайской морской торговли в указанных районах. Естественно, отток медной монеты имел определенное отрицательное значение для Китая. Однако это во многом компенсировалось созданием выгодной конъюнктуры для китайской морской торговли в странах Южных морей.

Таким образом, морская торговля между Китаем и странами Южных морей в конце XIV — начале XVI в. не была однородной. Помимо меновых операций, сопровождавших посольские отношения, и параллельно с ними велась централизованная, государственная торговля. Кроме того, существовала частная морская торговля, которая могла вестись как одновременно с посольским обменом (торговля членов посольских миссий и прибывавших с посольствами купцов), так и самостоятельно.

Касаясь качественного состава торговли Китая со странами Южных морей, можно отметить, что наряду с «предметами роскоши» из стран Южных морей ввозились различные материалы, служившие сырьем для китайского ремесла и мануфактуры. О потребности Китая в иноземных товарах, среди которых немалую долю составляли товары из стран Южных морей, свидетельствует следующая запись в источнике: «Как известно, различные иноземные товары необходимы Китаю и их нет в Китае. Поэтому иноземцы неизменно хотят продавать их, а Китай неизменно хочет приобретать их»¹³⁴.

Выгодность торговли с Китаем для стран Южных морей также не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует «нарушение» сроков доставки «дани» в сторону учащения и стремление иноземцев торговать в Китае, единодушно отмечаемое многими китайскими источниками. Таким образом, данные внешнеторговые связи отвечали интересам обеих участвовавших сторон.

Кроме того, если обмен «данью» и «дарами» не был прибылен для китайского правительства, то этого никак нельзя сказать о сопровождавшей посольские связи централизованной торговле, которая подразумевала изъятие половины товара в виде налога и беспошлинный ввоз приобретаемых за морем на казенные средства товаров. К тому же основная прибыль от внешней морской торговли сосредоточивалась не в руках центральных властей, а попадала чиновникам и «сильным домам» приморских провинций. О выгодности же частноторговых связей между китайцами и населением стран Южных морей не приходится говорить, ибо в противном случае эти связи не существовали бы.

Отмеченное различие форм, в которых осуществлялась внешняя торговля Китая со странами Южных морей, необходимо учи-

¹³³ «Всемирная история», т. 3, стр. 546. Отметим, однако, что в конце XIV и в XV в. в Китае отливалось довольно мало медной монеты. В обращении она принудительно заменялась ассигнациями. Поэтому основной контингент китайской медной валюты, обращавшейся в странах Южных морей в этот период, составляли монеты X—XIII вв.

¹³⁴ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 226.

тывать при рассмотрении внешнеторговой политики минского правительства в конце XIV — начале XVI в. Вкратце цель этой политики состояла в том, чтобы как можно больше ограничить частную торговлю и тем способствовать монопольно высоким прибылям от поступавших на внутренний рынок через централизованные каналы заморских товаров. Однако эта общая линия допускала колебания под давлением обстоятельств и подразумевала различное отношение к торговле членов посольских миссий и купеческой торговле, к торговле иноземных купцов в Китае и китайских — за рубежом. Эти различия видны на примере введенных выше законоположений, которые были призваны регулировать ту или иную форму торговли. В целом они сводились к стремлению соблюдать определенный срок в обмене «данью» и «отдариванием»; обеспечению централизованной торговли иноземных послов в Китае и китайских за рубежом; известному ограничению торговли членов посольских миссий; допущению под строгим контролем с уплатой налогов и другими ограничениями частной торговли иноземных купцов в Китае; запрещению по мере возможности частной китайской купеческой морской торговли.

Комплекс мероприятий правительства, которые подразумевает последний из вышеизложенных пунктов, вошел в историю под названием политики «морского запрета» (хай цзин чжэн цэ). Она сводилась к частичному или же полному (в зависимости от времени) юридическому запрещению жителям приморских провинций Китая уходить в заморские страны для торговли¹³⁵. Прак-

¹³⁵ Нам кажется вполне обоснованным мнение С. Сакума, который, анализируя характер «морского запрета» в период Мин, считал его внутривосточной мерой, в основном касавшейся самих китайцев и поэтому совершенно отличной от так называемой политики закрытых дверей последующего времени (С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*, стр. 47). Однако здесь требуются некоторые уточнения. Хотя по сути политика «морского запрета» преследовала внутривосточные цели, поскольку она касалась внешней морской торговли, сразу же после начала своего осуществления она стала очень существенным фактором, влиявшим на внешние связи страны в целом. Иногда она порождала и общее ограничение частных внешнеторговых связей как китайских, так и иноземных купцов. В «Шу юй чжоу цзы лу», например, записано: «По заветам минских императорских предков всем странам, таким, как Дайвьет, Тямпа, Сиам, Камбоджа, Самудра, Ява, Паханг, Байхуа, Палембанг и Бони, разрешалось подносить дань двору. И только когда прибывшие вместе с [послами] торговцы пускались на большой обман, то временно это пресекалось, а затем снова велись те же сношения» (Янь Цун-дань, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 9, стр. 21а). Правда, это были лишь временные мероприятия, которые не могут служить поводом для пересмотра самой сути политики «морского запрета», направленной против китайской торговли. Но они отражались и на дипломатических отношениях Китая с заморскими странами, и это следует учитывать. Что же касается сопоставления политики «морского запрета» периода Мин и политики «закрытых дверей» конца XVII — начала XIX в., то следует добавить, что последняя, при несомненном их различии, выросла из хотя и периодической, но более чем двухвековой практики «морского запрета» под влиянием внешних факторов и создания нового политического положения в самом Китае. Это станет особенно ясно, когда мы подойдем к рассмотрению внешних связей Китая с заморскими странами в XVI в.

тическое соблюдение запрета должны были обеспечить местные власти приморских провинций. Но, хотя запрещение частным лицам выходить в море без специального разрешения формально не отменялось, местные китайские власти не всегда ревностно относились к исполнению этой обязанности. Для их побуждения требовалось периодическое вмешательство центральных властей, которые издавали «запретительные» указы и реже командировали на места специальных эмиссаров для неукоснительного проведения в жизнь этих указов ¹³⁶.

В «Мин ши» мотивы политики «морского запрета» трактуются весьма расплывчато: «Ввиду возникновения прецедентов сношения с иноземцами [действия] вероломных купцов ограничивались запретительными законами. Эти меры предпринимались для того, чтобы уничтожить раздоры среди них» ¹³⁷. Однако здесь симптоматично употреблено слово «прецеденты». Оно довольно точно отражает причину появления на свет «запретительных» указов, которые чаще всего вызывались именно возникновением каких-либо прецедентов, становившихся известными центральному правительству. Поэтому, когда не происходили острейшие стычки купеческих флотилий с кораблями и постами правительственной береговой обороны и Китаю не грозило нападение «японских пиратов», а также внутри страны не было борьбы за престол, китайское правительство начинало смотреть сквозь пальцы на не перестававшую считаться незаконной частную морскую торговлю. Отсюда периодически появлявшиеся «запретительные» указы нужно расценивать как ограничительные меры временного характера, которые не были в состоянии остановить частную внешнюю торговлю.

Мотивы, вызывавшие появление таких указов, могли быть весьма различны. Обнародование того или иного «запретительного» указа не всегда было вызвано непосредственным стремлением минского правительства к основной цели своей внешнеторговой политики — ограничению частной и развитию централизованной морской торговли. На появление многих из этих указов оказывали влияние конкретные обстоятельства внутривнутриполитического и внешнеполитического свойства.

Первый «запретительный» указ относительно выхода частных китайских торговцев в море, изданный минским правительством, относится к 1371 г. ¹³⁸.

¹³⁶ Политика «морского запрета» практиковалась и до прихода к власти в Китае минского правительства. Впервые строгий запрет на выход в море для купцов из провинции Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун был введен в 1292 г. («Сюй цзы чжи тун цзянь», т. 4, Пекин, 1958, стр. 5193). Это было связано с попыткой завоевательного похода на Яву и в другие страны Южных морей. С 1294 г. строго ограничивалась и торговля купцов заморских стран в Китае, а в 1303 г. были закрыты управления торговых кораблей. Известное смягчение запрета наметилось лишь после 1314 г., но и затем время от времени он снова строго соблюдался.

¹³⁷ «Мин ши», цз. 81, стр. 29035(1).

¹³⁸ «Мин ши», цз. 91, стр. 29154(3).

Издание этого указа ставится в «Мин ши» в прямую связь с мерами Чжу Юань-чжана, направленными против его соперников в борьбе за власть — Ши Го-чжэня и Чжан Ши-чэна, которые укрепились на прибрежных островах и «вошли в сговор с японскими пиратами»¹³⁹. Сохранилось высказывание самого Чжу Юань-чжана о том, что «запрет» 1371 г. вызван опасениями перехода прибрежных провинций на сторону Ши Го-чжэня и Чжан Ши-чэна¹⁴⁰. Как видим, введение запрета на выход в море с самого начала существования минского правительства было предпринято как мероприятие, преследовавшее не только меркантильные, но и чисто политические цели — укрепления у власти победившей группировки Чжу Юань-чжана. Интересно отметить, что в 1371 г. минское правительство еще не отказалось от политики активного завязывания внешнеполитических и торговых связей с заморскими странами. Наоборот, запрещая китайским торговцам выходить в море, правительство в том же 1371 г. специальными указами предписывало местным властям освободить от всяких налогов торговые корабли Тямпы и Палембанга, приходившие в Китай¹⁴¹.

Решительный шаг к общему сокращению внешних связей был сделан тремя годами позже — в 1374 г., когда китайское правительство попыталось ограничить число и сроки прибытия посольств из иноземных стран и закрыло управления торговых кораблей. Последняя мера ударила как по дипломатическим связям, так и по торговле иноземных послов и купцов в Китае. В 1375 г. специальным императорским указом для Тямпы и других стран запрещалось присылаемое оттуда послам привозить с собой торговцев¹⁴². В данном случае опасения правящей верхушки Китая за свою власть достигли таких размеров, что запретительные мероприятия коснулись не только китайского населения прибрежных провинций, но и иностранных купцов и отчасти даже послов. Одновременно был вновь подтвержден строгий запрет жителям прибрежных районов и командирам и солдатам постов береговой обороны частным образом вступать в какие-либо связи с заморскими странами¹⁴³.

Следующее подтверждение запрета китайскому населению выходить в море относится к 1381 г.¹⁴⁴. Оно было связано с разговором Ху Вэй-юна в 1380 г. и с деятельностью его сторонников, бежавших за море. Об этом прямо говорится в «Мин ши»¹⁴⁵. На этот раз снова, как и в 1374—1375 гг., морской запрет в целях облегчения его соблюдения распространился и на иноземных

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маоц цзяньлунь*, стр. 18.

¹⁴¹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31761 (2), 31772 (3).

¹⁴² Ю Тун, *Вай го чжуань*, цз. 3, стр. 16.

¹⁴³ «Мин ши», цз. 81, стр. 29035 (1).

¹⁴⁴ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маоц цзяньлунь*, стр. 17.

¹⁴⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31772 (4).

послов и купцов. Очевидно, он строго соблюдался, и, естественно, больше всего от этого пострадала морская торговля. В «Шу юй чжоу цзы лу», например, отмечено, что после заговора Ху Вэй-юна «не поддерживалось связей с различными иноземными странами, и торговля прекратилась»¹⁴⁶.

Некоторое смягчение запрета наступило в 1383 г., когда под строгим контролем были возобновлены дипломатические связи Китая с заморскими странами и торговля иноземных купцов. Однако запрет на выход в море для китайского населения оставался в силе.

Уже в 1390 г. минское правительство вновь издает строгий запрет на частную морскую торговлю жителей всех сословий провинций Гуандун, Гуанси, Фуцзянь и Чжэцзян. Его претворение в жизнь возлагалось на Ведомство налогов: «Ведомству налогов следует строго запретить [населению] сношения с заморскими странами. Вывоз золота, серебра, медной монеты, тканей и оружия был запрещен еще со времен [правления] предшествующей династии. Ныне же простолюдины обеих [провинций] Гуан (Гуандун и Гуанси), Чжэцзяна и Фуцзяни, не соблюдая законов, часто вступают в связь с врагами и ведут с ними торговлю. Этим [обусловлено издание] данного запрета. Военные, простолюдины и чиновники — все без исключений будут наказываться за ведомую частным образом торговлю»¹⁴⁷.

Этот указ интересен тем, что здесь непосредственно отразились опасения правительства насчет связей частных торговцев с «заморскими врагами».

Интересен он и в другом отношении. С одной стороны, здесь подтверждается запрет на вывоз некоторых «монопольных товаров», а с другой — говорится о запрещении частной морской торговли для китайского населения вообще. Это противоречие станет более понятным, если обратиться к официальному законодательству Минской империи по вопросу о внешней морской торговле, формирование которого относится как раз к 90-м годам XIV в. Статья из «Да Мин люй» «Об уходе за границу частным образом и запрете выходить в море» гласила: «Всякий, кто, взяв лошадей, волов, товары из железа, потребные для военных целей, медные деньги, отрезы атласа, шелка, тонкого шелка, шелковую нить и хлопок, частным образом вывезет эти товары за границу для продажи или же выйдет с ними в море, получит сто ударов палками, а те, кто будет переносить эти товары с собой или грузить их на своих лошадях — будут понижены в должности на один ранг. Товары эти вместе с кораблями и повозками подлежат конфискации в казну, а $\frac{3}{10}$ от общего количества конфискованного будет выплачиваться в качестве награды тому, кто донесет об этом. Если кто будет переправлять людей и оружие

¹⁴⁶ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 44а.

¹⁴⁷ B. Wiethoff, *Die chinesische Seeverbotspolitik...*, S. 43.

за границу или же выйдет с ними в море, тот на основании положения о разглашении тайны будет обезглавлен»¹⁴⁸.

Как видим, речь идет о запрете вывоза четко определенных «монопольных» товаров, исключительное право торговли которыми принадлежало казне, и уходе людей на жительство за границу. Особое внимание при этом уделялось вывозу оружия. Вопрос о полном запрещении частной внешней торговли непосредственно не ставился. Поэтому императорские указы, вводившие «чрезвычайные меры», как бы дополняли в этом отношении официальное законодательство.

Несмотря на известные ограничения иноземной купеческой торговли в Китае в 1374—1375 гг. и 1380—1383 гг., минское правительство до 90-х годов XIV в. не преследовало цели прекращения торговли китайского населения с заморскими купцами на своей территории. Примером может служить следующий случай. В 1387 г. местные власти китайской области Вэньчжоу донесли императору, что население покупает у членов сиамских посольских миссий изделия из орлиного дерева. Усердные чиновники предлагали наказать тех, кто покупает иноземные товары, инкриминируя им нарушение запрета на связь с иноземцами. Однако император ответил на доклад следующим образом: «Вэньчжоу — это такое место, через которое обязательно нужно пройти, если идешь из Сиам. Поэтому то, что они (сиамцы. — А. Б.), приходя и уходя, продают здесь товары, нельзя считать за связь с иноземцами»¹⁴⁹. Отсюда ясно, что китайские центральные власти до конца 80-х годов XIV в. под криминальным казусом «связь с иноземцами» понимали лишь частную торговлю китайцев в зарубежных странах, а не частную торговлю их с иноземцами в Китае. Однако этот пример показывает, что к 1387 г. уже намечалась тенденция запретить и эту торговлю и тем самым пресечь все легальные возможности для частного приобретения заморских товаров у иноземцев.

Действительно, вскоре правительство пошло на дальнейшие ограничения. Об этом свидетельствует «запретительный» указ 1394 г. Он гласил: «В день цзяинь 1-го месяца 27-го года Хунъу запрещено народу пользоваться иноземными благовоениями и иноземными товарами. Прежде император ввиду того что среди различных заморских иноземцев много обманщиков, прекратил их визиты [в Китай]. Доставлять дань было позволено лишь Рюкю, Камбодже и Сиаму. Но люди из прибрежных районов часто незаконным образом уходят в различные иноземные страны торговать благовоениями и товарами, чем совращают иноземцев к грабежам. Приказываем Ведомству обрядов пресечь это, а тех, кто посмеет частным образом пойти в различные иноземные страны торговать, непременно подвергать строгому на-

¹⁴⁸ «Да Мин люй», т. 4, цз. 15, стр. 206—21а.

¹⁴⁹ «Мин ши», цз. 324, стр. 31768(1).

казанию. Все иноземные благоволия и товары запрещается продавать в Китае. Все обнаруженные у кого-либо иноземные товары должны быть полностью переданы [в казну] в трехмесячный срок»¹⁵⁰.

Перед нами целый ряд мероприятий: ограничение дипломатических сношений с заморскими странами, подтверждение запрета на выход в море для китайского населения и запрещение пользоваться в Китае иноземными товарами, сопровождаемое изъятием их в казну. Несомненно, что, как и прежде, правящая верхушка пошла на эти меры, опасаясь за свое положение в связи с участвовавшими нападениями «японских пиратов» и обострением внутренней борьбы. Однако мероприятия 1394 г. были задуманы как более радикальные, чем предыдущие, — их целью было закрыть все лазейки для частной внешней торговли. Декларируя строжайший контроль государства над всеми внешними сношениями, они преследовали цель установления государственной монополии на всю внешнюю торговлю Китая. Политика «морского запрета» достигла своего апогея.

Однако запретительные мероприятия 1394 г. не смогли полностью остановить частную торговлю Китая со странами Южных морей, ибо уже в 1397 г. потребовались новые распоряжения, подтверждающие морской запрет¹⁵¹.

Таким образом, в конце XIV в. китайское правительство довольно последовательно проводило политику «морского запрета». Причины проведения минским правительством политики «морского запрета» почти с самого начала его прихода к власти на первый взгляд довольно просты. С одной стороны, путем установления монополии на внешнюю морскую торговлю должны были обеспечиваться определенные доходы императорской казне. С другой — запрещение населению выходить в море было призвано служить укреплению власти центрального правительства в приморских провинциях.

Однако помимо этого политика «морского запрета» имела более глубокие социальные корни. В ней опосредованно нашла отражение борьба социальных сил, связанных с городской экономикой, развитием ремесла и торговли, товарно-денежных отношений и частного предпринимательства, и сил, заинтересованных в натурализации хозяйства и стабилизации чисто феодальных форм эксплуатации.

Идеологически политика «морского запрета» оправдывалась конфуцианской традицией, согласно которой торговля издавна считалась одним из самых низких и недостойных занятий. Еще в 403 г. один из сановников писал императору: «Зерно и шелк ценны, когда используются в качестве пищи и одежды. Когда же они используются в качестве товаров, то приносят много вреда.

¹⁵⁰ Чжан Вэй-хуа. *Мин дай хайвей лэоу цзяньчжень*, стр. 17.

¹⁵¹ С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*, стр. 46.

Проходя через руки торговцев, они портятся»¹⁵². Здесь предельно ясно выражена тенденция к натурализации хозяйства страны, отвечавшая интересам феодального землевладения. И правительство феодального Китая шло навстречу этим интересам. Уже тогда и даже в более раннее время оно различными указами и законами пыталось всячески ограничить развитие торговли¹⁵³. Естественно, что эти меры, не соответствовавшие реальным потребностям развития даже феодального общества, не могли остановить рост внутренней и внешней торговли Китая. Однако они мешали этому росту, иногда в большей, иногда в меньшей степени тормозили его. Эта освященная временем «традиция» использовалась противниками развития внешних связей и в период Мин.

Таким образом, внешнеторговая политика минского правительства имела глубокую взаимосвязь с его отношением к развитию внешних сношений страны вообще. Тем не менее политику «морского запрета» нельзя отождествлять с периодически проявлявшимся стремлением минского правительства ограничить и поставить в определенные рамки дипломатические связи Китая с заморскими странами. Это были два параллельных процесса, хотя их истоком в конечном счете служила внутренняя борьба одних и тех же социальных сил. Оба они часто совпадали: сокращение дипломатических связей влекло за собой строгое соблюдение «морского запрета», и, наоборот, меры по ограничению частной внешней морской торговли сопровождались сокращением посольского обмена. Однако такая прямая зависимость в рассматриваемые два с половиной столетия наблюдается далеко не всегда. Наиболее часто отмеченное совпадение имело место в конце XIV в., а затем — в середине XVI в. Однако в остальное время эти процессы шли независимо друг от друга. Обратимся к фактам.

Издание нового «запретительного» указа в конце 1401 г., когда минское правительство на рубеже XIV—XV вв. пошло на общее сокращение внешних связей, не представляется удивительным. Мотивировкой запрета служило опять-таки вступление китайских торговцев «в связь» с «разбойниками» и неурядицы в прибрежной полосе¹⁵⁴. Более интересен вопрос об отношении минского правительства к политике «морского запрета» в период его наивысшей дипломатической активности в заморских странах — 1403—1435 гг.¹⁵⁵.

¹⁵² «Цзинь шу», цз. 16, [б. м.], [б. г.], стр. 11а (ксил. изд.).

¹⁵³ Там же, стр. 56.

¹⁵⁴ В. Wiethoff, *Die chinesische Seeverbotspolitik...*, S. 52.

¹⁵⁵ Среди большинства китайских историков существует мнение, что в это время «морской запрет» был смягчен (см. Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай мочиэньлунь*, стр. 22—24, 82). Исключение составляет Хань Чжэнь-хуа, который считает, что запрет на выход в море частных китайских торговцев в начале XV в. соблюдался еще последовательнее, чем раньше (Хань Чжэнь-хуа, *Лунь Чжэнь Хэ ся Си ян-ды синчжи*, стр. 177—178).

Выше отмечалось, что по замыслу правительства морские экспедиции, предпринятые в этот период, преследовали не только дипломатические, но и внешнеторговые цели. Прежде всего они должны были способствовать развитию централизованной государственной торговли китайской казны со странами Южных морей. Но в источниках сообщается и о купцах, сопровождавших правительственный флот. Кроме того, такие моменты деятельности экспедиций, как борьба с пиратами и освоение морских путей в Южных морях, а также организация торговых баз Китая в Малакке, Самудре и других местах, шли на пользу как централизованной, так и частной китайской торговле в этом районе. Само установление еще более тесных «официальных» связей между Китаем и странами Южных морей в результате морских экспедиций начала XV в. объективно способствовало развитию торговли между обеими сторонами. Поэтому можно сказать, что внешнеполитическая активизация начала XV в. положительно отразилась на китайской морской торговле в целом.

Однако нельзя упрощать картину, полагая, что, организуя экспедиции начала XV в., китайское правительство имело целью поощрение частной морской торговли китайских купцов. Факты показывают, что частная китайская торговля в заморских странах в начале XV в. продолжала ограничиваться правительством. Так, в начале 1404 г. был издан очередной «запретительный» указ. Он не разрешал иметь морские корабли в частном владении, а все частные суда предписывал переделать для речных и каботажных перевозок. Местным властям приказывалось запрещать населению выходить в море и возвращаться обратно, если кому-нибудь все же удастся уйти¹⁵⁶. Мотивировался указ 1404 г. тем, что многие жители провинций Фуцзянь и Чжэцзян вступают в «связь с иноземцами и становятся разбойниками».

Затем, в 1407 г., специальным указом для Дайвьета и Тямпы предписывалось этим странам следовать китайским нормам морали и запретить местному населению частным образом выходить в море для торговли¹⁵⁷. Не нужно объяснять, что в Тямпе, которая не была занята китайскими войсками, этот указ не мог возыметь действия. Но он интересен для нас как подтверждение того, что в самом Китае запрет на выход населения в море продолжал существовать.

В 1409 г. был подтвержден запрет на вывоз из Китая тюля и узорного шелка¹⁵⁸.

В 1430 г. в провинции Чжэцзян было запрещено жителям прибрежных районов выходить в море даже для ловли рыбы. Губернатор провинции пробовал добиться отмены решения, но безуспешно¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Тянь Си-сы, *Мин да чжэн цзюань яо*, цз. 13, стр. 28а.

¹⁵⁷ С. Сакума, *Мэйсё но кай кин сэй саку*, стр. 48.

¹⁵⁸ Тянь Си-сы, *Мин да чжэн цзюань яо*, цз. 14, стр. 32а.

¹⁵⁹ Там же, цз. 19, стр. 26а.

Наконец, в 1433 г. последовал новый указ, запрещавший китайскому населению выход в море. Ответственность за его строгое соблюдение возлагалась на нанкинский цензорат. Непосредственным толчком к появлению указа 1433 г. послужил следующий доклад цензора Гу Цзо: «Прежде уже были запретительные установления на частные сношения с иноземцами. В последние годы чиновники, военный и гражданский люд, не соблюдая запрета, часто незаконным образом строят морские корабли, обманно называют себя исполнителями поручений императорского двора и самовольно уходят в иноземные страны, возмущая иноземцев и вовлекая их в разбой. Те из них, кто уже схвачен, понесли тяжелые наказания. Следует подтвердить прежний запрет, объявить этот указ всему военному и гражданскому населению приморских районов и разрешить всем людям доносить о нарушителях. Если донос подтверждается, то давать доносчикам половину имущества из дома правонарушителя. Те же, кто будет знать о нарушителях, но не донесет, а также те, кто в военных гарнизонах и государственных учреждениях не будет соблюдать запрет, — всех наказывать»¹⁶⁰.

Однако, придерживаясь, как и прежде, политики «морского запрета», китайское правительство в начале XV в. не делало попыток распространить ограничения на частную торговлю иноземцев в Китае. Это не значит, что среди придворных и чиновников не было сторонников повторения мероприятий 1394 г. О том, что такие стремления сохранялись, но в начале XV в. китайское правительство не шло им навстречу, свидетельствует следующее «изречение» императора, относящееся к 1403 г.: «Иноземцы уплачивают дань, преодолевая опасности пути, и, если они и продают что-либо, то это для возмещения путевых расходов. Как же можно издать указ о всеобщем запрете [на их торговлю]?»¹⁶¹. Естественно, здесь перед нами «официальная» версия, оправдывавшая допущение иноземной частной торговли. На деле эта торговля допускалась правительством не во имя заботы о «возмещении путевых расходов», а ради отмеченных выше политических целей — «привлечения» иноземцев.

Поощряя частную торговлю иноземцев в Китае, минское правительство в начале XV в. пошло даже на освобождение ее от налогообложения. Сохранилась запись следующего «высочайшего» решения по этому вопросу, относящегося к 1403 г.: «Торговые налоги взимаются государством для ущемления людей, занимающихся второстепенными занятиями (т. е. китайского населения, занимающегося ремеслом и торговлей.—А. Б.). Разве же они берутся ради прибыли? Ныне иноземцы, следуя хорошему примеру, прибывают к нам издалека. Что мы получим, посягая на их прибыли? А убыток и ущерб великому престижу —

¹⁶⁰ Чжан Бай-хуа, *Мин Дэй Чжэнь мюи изъильдунь*, стр. 23.

¹⁶¹ Лун Вэнь-вань, *Мин хуй яо*, т. I, стр. 249.

большой»¹⁶². Мы видим, что, несмотря на прикрытие этого решения мотивами сугубого «бескорыстия», здесь проступают и истинные цели правительства, несущие политическую окраску.

Таким образом, в начале XV в. китайское правительство отнюдь не отказалось от проведения политики «морского запрета» для китайского населения, что не мешало его стараниям, направленным на всемерное расширение дипломатических связей, государственной торговли и частной торговли иноземных послов и купцов в Китае. В связи с этим говорить о «смягчении» политики «морского запрета» в начале XV в. можно лишь по сравнению с положением, сложившимся в 1394 г. С другой стороны, нет никаких оснований для предположений о более строгом, чем раньше, его соблюдении.

В этот период казенная государственная торговля и частная иноземная торговля в Китае достигли большого размаха и приносили немалые прибыли как императорскому двору и центральным властям, так и местным властям и частным лицам. Как отмечают источники, в начале XV в. «дань» и сопровождавшие ее товары начали поступать в Китай беспрерывным потоком круглый год, без каких-либо определенных сроков и ограничений¹⁶³. В результате прежде редкие иноземные товары теперь попадали не только в казну, но и в частные руки: «Удивительные товары и огромные драгоценности, прежде мало встречавшиеся в Китае, переполнили казну и рынки. Бедный люд получил распоряжение (читай „разрешение“.— А. Б.) покупать их, и многие разбогатели на этом. А нужды государства также с избытком удовлетворялись [этими товарами.]»¹⁶⁴.

В 1406 г. гуандунские власти докладывали императору, что товаров, доставленных из-за моря «в дань», поступает настолько много, что не хватает перевозочных средств для доставки их в столицу. В ответ на это было приказано сооружать промежуточные склады для хранения товаров по дороге в столицу¹⁶⁵. В 1434 г. столичным служилым чиновникам Пекина и Нанкина было разрешено получить свое жалованье черным перцем и сапановым деревом по определенной расценке в ассигнациях¹⁶⁶. Все эти примеры свидетельствуют о довольно широком распространении заморских товаров в Китае в первой половине XV в.

Когда после 1436 г. китайское правительство перешло к постепенному сокращению внешних связей со странами Южных морей, это неминуемо должно было отрицательно сказаться на казенной государственной торговле. Пытаясь сокра-

¹⁶² «Мин ши», цз. 81, стр. 29035(1—2).

¹⁶³ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

¹⁶⁴ Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэньчжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, стр. 101.

¹⁶⁵ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

¹⁶⁶ Чжап Вэй-хуа, *Мин дай хайвай мао цзяньчунь*, стр. 31.

тить расходы на поддержание дипломатических отношений, правительство наряду с ограничением сроков прибытия иноземных кораблей в Китай уже в 1436 г. начало сокращать ответные выплаты иноземцам за привезенную «дань»¹⁶⁷. Это, конечно, снижало заинтересованность последних в торговле через государственные каналы. С дальнейшим сокращением числа «даннических» кораблей, приходивших в Китай, быстро уменьшался и объем государственной торговли. В результате, судя по докладу одного из казначеев, уже в 1458 г. центральная казна испытывала недостаток в поступлении заморских товаров¹⁶⁸.

Тем не менее китайское правительство не отказывалось от проведения политики «морского запрета». Дважды, почти подряд — в 1449 и 1452 гг., — были изданы новые строгие указы, запрещавшие населению прибрежных провинций «частным образом» уходить в море¹⁶⁹. Однако они, как и прежде, не могли остановить частной морской китайской торговли. После 1452 г. правительство уже не пыталось прибегать к строгому проведению в жизнь морского запрета в течение 70 лет, хотя формально он продолжал существовать. В результате многократных экспедиций китайского флота в страны Южных морей помимо стремления самого китайского правительства создавалась более благоприятная, чем когда-либо раньше, обстановка для развития частной морской торговли китайских купцов в этом районе. Поэтому на протяжении всей второй половины XV — начала XVI в. наряду с сокращением государственной торговли происходил рост частной китайской морской торговли.

Интересно отметить, что китайское законодательство конца XV в., несмотря на отсутствие формальной отмены морского запрета, допускало возможность выхода частных лиц в море, хотя это и было связано со строгими ограничениями и контролем. Один из дополнительных пунктов к статье «Об уходе за границу частным образом и запрете выходить в море» в «Да мин люй», относящийся к концу XV в., гласил: «Каждый, кто покинет прибрежные места и выйдет на кораблях в море, не имея пронумерованного талона (хао пяо) или приказа, разрешающего выходить в море, и если он сделает это по уговору с влиятельными и сильными лукавцами, а также возьмет с собой военный и гражданский люд, построит большой корабль, имеющий больше двух мачт и превышающий принятые нормы, возьмет с собой запретные товары и, выйдя в море, направится торговать в иноземные страны, тайно войдет в связь с пиратами и заодно с ними задумает набрать шайку, станет их пособником [и будет чинить] грабежи мирного люда, счи-

¹⁶⁷ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 8, стр. 376.

¹⁶⁸ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 36.

¹⁶⁹ Ли Цзянь-нун, *Сун, Юань, Мин цзинцизи ши гао*, стр. 163.

гается изменником и будет приговорен к обезглавливанию»¹⁷⁰. Далее подтверждался строгий запрет на вывоз оружия и ставились количественные ограничения для частной торговли сапановой древесиной и черным перцем.

В целом эта статья направлена против пиратов и контрабандистов. Однако важно подчеркнуть, что согласно ей юридически разрешалось выходить в море, имея на то специальное удостоверение или разрешение свыше. В этом несомненно проявилось ослабление правительством Китая в конце XV в. политики «морского запрета» под влиянием происшедших за столетие изменений — упадка централизованной и роста частной морской торговли.

В результате довольно быстрого расширения частной китайской морской торговли и иноземной купеческой торговли в Китае в конце XV — начале XVI в. нужды Китая в заморских товарах, как и в начале XV в., вполне удовлетворялись: «Кладовые были переполнены иноземным перцем, древесиной, медными барабанами, кольцами и драгоценными камнями. Иноземные товары продавались очень дешево, и много бедных людей разбогатело, пользуясь распоряжением о их закупке»¹⁷¹. Здесь только не уточнено, что это были кладовые местных гуандунских властей, а не центрального правительства. Подтверждением этому может служить сохранившийся в «Мин ши лу» доклад гуандунских властей императору, помеченный 1509 г. В нем сообщалось, что в 1507, 1508 и 1509 гг. в центральную казну отправлялись лишь такие редкие товары, как слоновая кость, рог носорога и т. п. Остальное же поступало в местную казну и пускалось ею в свободную распродажу¹⁷².

В том же докладе 1509 г. говорилось, что речь идет об иноземных товарах, поступавших в казну в виде налоговых отчислений. Следовательно, в начале XVI в. центральная казна и местные власти получали большую часть иноземных товаров не через централизованную государственную торговлю, как в начале XV в., а через налоговые отчисления с частной внешней морской торговли. Эти отчисления были весьма внушительны. Так, тот же доклад 1509 г. сообщал, что только в этом году местные власти распродали одновременно поступивших от налогов и не отправленных в столицу товаров на сумму в 101 200 лян серебром (ок. 3775 кг серебра)¹⁷³.

О заинтересованности местных гуандунских властей в развитии морской торговли свидетельствует тот факт, что размеры их жалованья зависели от количества поступивших иноземных товаров¹⁷⁴. В докладе одного из сановников начала

¹⁷⁰ «Да мин луй», т. 8, стр. 436—44а.

¹⁷¹ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

¹⁷² Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 39.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ «Мин ши», цз. 325, стр. 31784(1).

XVI в. говорится, что за месяц в гуандунской казне скапливалось иноземных товаров на много десятков тысяч лян серебром ¹⁷⁵.

С середины XV в., когда китайское правительство ослабило свое внимание к политике в странах Южных морей, центральные власти в значительной степени отказались от контроля над управлениями торговых кораблей. Свидетельством этому служит указ 1430 г., отменявший предварительные доклады в столицу о прибытии кораблей с «данью». К началу XVI в. управления практически полностью находились под контролем местных властей, захвативших в свои руки «встречу» иноземных кораблей. Об этом говорит следующий доклад императору, поданный начальником гуандунского управления Би Чжэнем в 1509 г.: «Согласно старому порядку все корабли, приплывавшие морем [в Китай], поступали исключительно в распоряжение управлений торговых кораблей. Ныне же ими распоряжаются военные инспекторы и чиновники из Сань сы (провинциальные правления, сосредоточивавшие гражданско-налоговую, судебную-цензорскую и военную власть.— А. Б.). Прошу сделать так, как было прежде» ¹⁷⁶.

Решение этого дела было поручено Ведомству обрядов. Оно предложило оставить за управлениями торговых кораблей лишь контроль над официальными посольскими миссиями с «данью», а дела морской торговли передать прочим провинциальным властям. Но императорский указ по этому поводу удовлетворил просьбу Би Чжэня. При этом император ссылался на пример Сюн Сюаня, который, будучи начальником гуандунского управления торговых кораблей незадолго до Би Чжэня, пользуясь приятельскими отношениями с влиятельным временщиком Лю Цзянем, сумел добиться монопольного права распоряжаться всеми иноземными кораблями ¹⁷⁷. Интересно отметить, что поводом для действий Сюн Сюаня послужило отстранение его от взятия налогов с купеческих кораблей из Малакки.

Однако «дело» Би Чжэня интересно для нас тем, что Ведомство обрядов предложило отделить функции по контролю над официальными посольствами из заморских стран от внешней торговли. Это показывает, что к началу XVI в. дипломатические и внешнеторговые функции было все труднее совмещать в рамках одних и тех же контрольно-административных органов вследствие значительного развития внешней торговли Китая и все большего ее обособления от посольских связей и подношения «дани». Однако борьба между центральными и местными провинциальными властями за прибыли от внешней

¹⁷⁵ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

¹⁷⁶ «Мин ши», цз. 81, стр. 29035(2).

¹⁷⁷ Там же, стр. 29035(2—3).

торговли не дала возможности создать в начале XVI в. обособленные друг от друга дипломатические и внешнеторговые органы в морских портах Китая. Это, как увидим ниже, имело немаловажные последствия для внешнеторговых связей Китая в дальнейшем, когда возникли дипломатические и военные конфликты между китайскими властями и португальскими колонизаторами.

Но борьба за расширение легальных возможностей для частной внешней морской торговли на этом не закончилась. Быстрое развитие этой торговли в конце XV — начале XVI в., отвечавшее интересам тех слоев господствующего класса, которые были связаны с ремеслом, торговлей и интенсивным ведением сельского хозяйства и широких кругов городского населения юго-восточных провинций Китая, поощрялось, разумеется не без собственной выгоды, местными властями этих провинций. Последнее обстоятельство усиливало позиции сторонников развития внешнеторговых связей. Один из сановников гуандунского наместничества, У Тин-цзюй, настоял на том, чтобы иноземные купеческие корабли в начале XVI в. могли беспрепятственно и в любое время прибывать в Китай¹⁷⁸. А в 1514 г. он предложил узаконить это, введя новые специальные правила о «дани» и торговле иноземных кораблей¹⁷⁹. О судьбе этих предложений данных нет. Однако трудно судить, как могла бы развернуться борьба по вопросу о внешнеторговых связях в Китае в дальнейшем, если бы не вторжение на Дальний Восток первых западноевропейских колонизаторов.

¹⁷⁸ «Мин ши», цз. 325, стр. 31783(2).

¹⁷⁹ Т. Фуцзита, *Чжунго Нань хай гудай цзяотун ца као*, стр. 364.

Г Л А В А V

ВЛИЯНИЕ ВТОРЖЕНИЯ НА ВОСТОК ПЕРВЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ НА ВНЕШНИЕ СВЯЗИ КИТАЯ

Ко второму десятилетию XVI в. в отношениях Китая со странами Южных морей сложилась следующая картина. Система номинального вассалитета этих стран, лежавшая в основе политики Минской империи, пришла к этому времени в упадок. «Официальные» посольские связи перестали быть систематическими. Но, хотя времена активизации внешней политики Китая в этом районе отошли в далекое прошлое, результаты ее продолжали сказываться. Это прежде всего проявилось в расширении внешнеторговых связей между Китаем и странами Южных морей. Вопреки стремлению минского правительства направить эти связи в русло централизованной торговли, во второй половине XV — начале XVI в. неуклонно росла частная морская торговля. Правительство было вынуждено отступить от строгого соблюдения «морского запрета». Проводниками китайского влияния в странах Южных морей по-прежнему были многочисленные переселенцы-колонисты. Вслед за активизацией китайской политики в этом районе в начале XV в. их число быстро росло, а экономические и политические позиции, несмотря на то что китайское правительство их не поддерживало, к началу XVI в. значительно окрепли.

В этих условиях сначала китайским торговцам в странах Южных морей, а затем и китайским властям пришлось столкнуться с экспансией на Дальнем Востоке первых западноевропейских колониальных держав — Португалии, а затем Испании.

На первых порах португальцы не стремились основывать в Азии новые политические и торговые центры. Они силой оружия и подкупом пытались занять наиболее важные торговые пункты в бассейне Индийского океана и Южных морей, превращая их в базы своего политического и военного господства и занимаясь грабежом и комиссионной торговлей. Центральной базой португальской экспансии в Индийском океане стал захваченный в 1510 г. город Гоа в Индии. Здесь помещалась ставка португальского вице-короля, который распоряжался всеми португальскими колониями в Азии и Восточной Африке.

В 1511 г. португальские корабли под начальством д'Альбуркера подошли к г. Малакке и захватили его. С этого времени

он стал основным опорным пунктом распространения португальской экспансии в странах Южных морей. С захватом Малакки связано первое официальное известие о португальцах, поступившее в столицу Китая. Бежавший султан Малакки Мохаммед прислал в Китай посла с просьбой о помощи против португальцев. Однако китайское правительство, отказавшись от политики поддержания номинального вассалитета в отношении стран Южных морей, оставило эту просьбу без внимания. Как отмечено в «Мин ши лу», за этим посольством следовали другие, но китайские центральные власти не приняли никакого решения по этому вопросу¹. Запоздалая реакция на просьбы Мохаммеда о помощи наступила лишь в 1520—1521 гг., когда китайским властям самим пришлось столкнуться с португальской экспансией².

Укрепившись в Малакке, португальцы стали рассылать оттуда разведывательные и захватнические экспедиции своего флота в различные страны Южных морей. Есть данные, что в 1515 г. Жорж Альварес высадился в пункте Тамао в провинции Гуандун, недалеко от Гуанчжоу³. По его приказу здесь был водружен каменный столб с португальским гербом⁴. В 1516 г. к берегам Китая прибыл состоявший на службе у португальцев итальянец Рафаэль Перестрелло.

В 1517 г. в Тамао бросило якорь первое официальное португальское посольство во главе с Фернао д'Анраде. Основной его задачей было завязать торговые отношения с Китаем. Поэтому д'Анраде попытался договориться с гуандунскими властями о правилах торговли и одновременно выяснить возможность вступления в официальный контакт с центральным китайским правительством. Кроме того, португальцы хотели создать крепость-факторию в непосредственной близости от китайских берегов. С этой целью корабль под командованием Маскаренаса был послан вдоль берегов Китая к провинциям Фуцзянь и Чжэцзян⁵. К тому же, зная, что султан Малакки обращался к Китаю с просьбой о помощи, португальцы стремились добиться признания китайским правительством своего захвата Малакки. В этом плане интересно отметить, что при-

¹ Цзе Цзы, *Путоя циньчжань Аомэнь ши кэ*, стр. 6.

² Китайские торговцы, еще не разобравшись в намерениях португальцев, оказали им в 1511 г. помощь при захвате Малакки: находившиеся в Малакке пять китайских судов, не договорившись с местным султаном по какому-то вопросу, перешли на сторону португальцев (V. Purcell, *The chinese in South-east Asia*, p. 284).

³ Местонахождение Тамао остается спорным вопросом. Существует мнение, что это Наньтоу в уезде Дунгуань, что это залив Сицао, что это гавань на о-ве Сячжоу и, наконец, что это о-в Хоучуань, иначе о-в Святого Джона (см. Т. Фуцзита, *Чжунго Нань хай гудай цзяотун ца као*, стр. 373—377; Н. В. Кюнер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 10).

⁴ Н. В. Кюнер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 10.

⁵ Там же, стр. 11.

шедший к берегам Китая флот д'Андрате состоял из пяти португальских и четырех малаккских кораблей⁶.

Д'Андрате удалось договориться с местными китайскими властями о торговле в Тамао (где и раньше велась иноземная торговля) и доставке португальских товаров прямо в Гуанчжоу. Сам он прибыл в Гуанчжоу на двух кораблях и, уходя, оставил посольство во главе с Томе Пиресом, которое должно было добиться заключения торгового соглашения с центральным китайским правительством. Пирес долгое время не мог получить разрешения местных властей на поездку в столицу. Но он воспользовался путешествием императора на юг страны и, дав взятку одному из дворцовых евнухов, получил доступ к императору.

Однако португальцы сами помешали успеху миссии Пиреса. Около 1518 г. в Тамао прибыли корабли Симао д'Андрате — брата первого португальского посла. Люди д'Андрате повели себя здесь как полные хозяева — не считаясь с местными китайскими властями, возвели форт, стали грабить окрестное население, обстреляли из орудий побережье Китая. Об этих действиях было доложено императорскому двору. Тогда-то китайские сановники вспомнили о захвате португальцами Малакки: цензор Цю Дао-лун подал доклад, указывая на сюзеренные обязанности Китая по отношению к Малакке и предостерегая от признания ее захвата португальцами⁷.

В результате посольство Пиреса было выслано из столицы⁸. Императорский указ предписывал португальцам возвратить султану Малакки его владения. Одновременно в Сиам было направлено послание с призывом оказать помощь Малакке против португальцев⁹. Но, как отмечено в «Мин ши», Сиам на это воззвание не откликнулся.

Одновременно китайский флот получил приказ изгнать португальцев из Тамао. Корабли С. д'Андрате были заблокированы в бухте, и только буря помогла пяти из них уйти. Это произошло в 1521 г., а в 1522 г. к берегам Китая подошло посольство Де Мелло, отправленное непосредственно из Лисабона. Суда китайской береговой обороны атаковали корабли Де Мелло еще до того, как он успел высадиться на берег. Португальцы ушли, потеряв два корабля.

Спустя год, в 1523 г., пять кораблей под командованием Педро Гомеса снова подошли к китайским берегам. На этот раз португальцы не пытались завязать с Китаем официальные отношения, а, высадившись, начали грабить побережье.

⁶ Там же, стр. 10.

⁷ «Мин ши», цз. 325, стр. 31783(2).

⁸ Судьба Пиреса и его спутников точно неизвестна. По одним данным, они были схвачены и казнены в Гуандуне, по другим — посажены в тюрьму (Н. В. Кюнер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 14—15).

⁹ «Мин ши», цз. 325, стр. 31778(2).

Китайский флот атаковал их, и португальцы отошли, потеряв два корабля.

Так закончилась первая попытка португальцев устроить торговую факторию на территории Китая, наладить торговлю и дипломатические отношения с китайским правительством. Однако она имела далеко идущие последствия для внешних связей Китая со странами Южных морей — после семидесятилетнего перерыва в 1521—1522 гг. вновь был подтвержден строгий «морской запрет».

Прежде всего эти мероприятия коснулись провинции Гуандун, где в 1517—1523 гг. развернулись основные события, связанные с попытками португальцев наладить торговлю и захватить факторию вблизи китайских берегов. Как отмечено в источниках, «с тех пор как был наложен полный запрет на плавание морских кораблей, различные иноземцы, которые по установленному порядку должны были доставлять дань, стали редко прибывать в Гуанчжоу. Тогда корабли с данью стали заходить в Чжанчжоу и Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь.— А. Б.). Торговля в городе Гуанчжоу пришла в запустение и уже не возвращалась к тому, что было прежде»¹⁰. Как известно, именно через Гуанчжоу поддерживались основные связи со странами Южных морей.

Центр связей с заморскими странами переместился в порты Фуцзяни ненадолго. Другой источник сообщает, что вскоре здесь были проведены аналогичные мероприятия¹¹. Однако это было вызвано не только португальской экспансией, но и новыми столкновениями с «японскими пиратами», борьба с которыми велась затем в течение нескольких десятилетий. В 1523 г. в Нинбо прибыли сразу два претендента на звание официального посла Японии. Один из них дал взятку высокопоставленному евнуху и получил признание китайских властей как посол, а вместе с этим право отправляться торговать в столицу. Тогда его соперник напал на Нинбо и учинил там грабеж. Столичный цензор Ся Янь подал доклад, обвиняя в случившемся сановников из управления торговых кораблей. Вследствие этого управления в провинциях Фуцзянь и Чжэцзян были закрыты¹². Это знаменовало прекращение официальных отношений через эти провинции. Осталось лишь управление в Гуанчжоу, которое тоже бездействовало ввиду мер, принятых против португальцев. Таким образом, к 1523 г. внешние связи Китая через юго-восточные провинции оказались под запретом центрального правительства.

Характерной особенностью запрета 1521—1523 гг. было сочетание мер по прекращению частной внешней торговли с пресечением всяких дипломатических связей с заморскими

¹⁰ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

¹¹ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 9, стр. 206.

¹² «Мин ши», цз. 81, стр. 29035(3); цз. 75, стр. 28973(1).

странами. Это было вполне закономерно в условиях, когда вплоть до XVI в. минское правительство не шло на отделение органов, ведавших внешнеторговыми связями, от дипломатического аппарата. Но последствия обеих сторон запрета были неравнозначны. В условиях сокращения посольских связей стала весьма незначительной и централизованная морская торговля. Поэтому, прекращая эти отношения, центральное правительство мало что теряло в финансовом отношении. Иное положение с запретом на частные внешнеторговые связи. При широком развитии частной морской торговли к началу XVI в. это болезненней, чем раньше, отразилось на юго-восточных районах Китая. Местные власти этих провинций и широкие круги частных лиц, связанных с внешней морской торговлей, понесли на этом существенные убытки, как о том прямо сказано в «Шу юй чжоу цзы лу»¹³.

Если раньше существование «официальных» связей открывало путь для поддержания торговых отношений в замаскированном виде даже в условиях строгого «морского запрета», то теперь эти возможности были отрезаны. В начале 20-х годов XVI в. китайское правительство пыталось осуществить запрет на деле, и даже иноземные корабли с «данью» предпринималось отгонять подальше¹⁴.

Вполне естественно, что запрет 1521—1523 гг. вызвал новое обострение внутренней борьбы в Китае по вопросу о внешних связях. Она шла по двум линиям: во-первых, путем подачи петиций; во-вторых, путем практического неподчинения «морскому запрету».

Доклады с просьбами и предложениями о возобновлении внешних связей и морской торговли стали поступать почти сразу же после установления строгого «морского запрета» и полного прекращения отношений с заморскими странами¹⁵. Доводы некоторых из них сводились к тому, что португальцам уже дан отпор и поэтому следует вернуться к традиционным связям с заморскими странами¹⁶. При этом не выдвигалось прямого требования разрешения частной торговли, но и легализация «официальных» связей могла иметь большое значение в качестве первого шага на пути к восстановлению прежнего порядка.

Очень радикален был пространный доклад военного губернатора провинций Гуандун и Гуанси, начальника Цензората Линь Фу (источники относят его к концу 20-х годов XVI в.). В нем весьма подробно описывалось положение, сложившееся в южных провинциях Китая в результате проведения политики «морского запрета». Свой доклад он начинал с того, что

¹³ Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, цз. 9, стр. 206.

¹⁴ Цзе Цзы, *Пу tao я цинь чжань Аомэнь ши кэ*, стр. 7.

¹⁵ Там же, стр. 16.

¹⁶ Там же, стр. 16—17.

прекращение внешних связей «во имя искоренения вреда заодно с ним запрещает и полезное, что приводит к нехватке средств на нужды армии и государства, забвению установленных царственными предками законов и потере расположения со стороны иноземцев»¹⁷. Далее Линь Фу писал, что португальцы — это исключение среди всех прочих людей, прибывающих из стран Южных морей, и что этим странам издавна разрешалось поддерживать и дипломатические и торговые связи с Китаем. Нужно, как и было сделано, порвать связи с португальцами, писал он, но прекращать связи с остальными странами «это все равно что из-за отрыжки прекратить есть»¹⁸.

Прекращение внешних морских связей через Гуандун, продолжал Линь Фу, приводит к перемещению центра морской торговли в г. Чжанчжоу, где она ведется полностью нелегальными методами (ибо управления торговых кораблей в Фуцзяни и Чжецзяне были закрыты.— А. Б.), а также к запустению гуандунских рынков. Дальше докладчик излагал, почему Китаю выгодна морская торговля: во-первых, благодаря ей пополняются доходы центральной казны за счет отправки в столицу части иноземных товаров, поступающих в виде налога. Во-вторых, она дает средства для содержания армии в Гуандуне. В-третьих, за счет полученных средств выплачивается жалованье чиновникам Гуандуна и Гуанси и пополняется местная казна. В-четвертых, прибыли и внешняя морская торговля повышают благосостояние местного населения. Линь Фу делал вывод, что торговля приносит прибыль и государству, и чиновникам, и народу. «Это полезно,— писал он,— так как приносит пользу народу, а не то чтобы, как выражаются, открывает лазейку к наживе...»¹⁹.

Затем докладчик переходил к возражениям своим противникам. Он писал, что некоторые склонны разорвать все внешние связи, опасаясь вторжения с моря врага. Но таким врагом могут быть лишь португальцы, парировал он, а португальцам надо и впредь давать отпор. Однако, отдавая должное этим опасениям, Линь Фу предлагал наладить регулярное патрулирование китайского побережья флотом береговой обороны и тщательно выяснять намерения каждого корабля, идущего к берегам Китая.

Доводы Линь Фу отражали точку зрения широких слоев заинтересованных лиц южных провинций, а также местной администрации и армии.

Одновременно к императорскому правительству стали поступать доклады, призывающие не отступать от твердого курса на прекращение всех внешних морских связей. Один из таких докладов, датированный 1524 г., ратовал за введение в

¹⁷ «Гуандун тун чжи», цз. 89, стр. 49а.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 49а.

действие всех прежних ограничений и наказаний в отношении частных морских торговцев. Другой, датированный 1525 г., требовал сурового наказания тем «сильным домам», которые нарушают «морской запрет»²⁰. Наконец, некоторые «жалобщики», как, например, Ван Ша-вэнь, были обеспокоены самим фактом обсуждения вопроса о внешних морских связях при дворе, считая, что восстановление их «повредит репутации» Китая²¹.

Таким образом, здесь опять столкнулись интересы сторонников двух противоположных тенденций в развитии внешних связей Китая. Одни стояли за расширение таких связей, другие — за их сокращение вплоть до полной изоляции в области морских сношений.

Борьба этих двух тенденций с начала XVI в. стала еще острее в связи с изменениями, происшедшими в самом характере внешних морских связей Китая: разложением системы официальных посольских связей и номинального вассалитета заморских стран, с одной стороны, и расширением частной морской торговли — с другой. В центре ее по существу находился вопрос о свободе частной внешней торговли. Однако для усиления своих позиций сторонники отмены «морского запрета» требовали восстановления прежней системы «официальных» отношений Китая с заморскими странами.

Участие в этой борьбе таких крупных сановников, как Линь Фу, дало свои результаты. В 1529 г. правительство пошло на уступку: администрации прибрежных провинций было официально разрешено вести морскую торговлю со всеми иноземцами, кроме португальцев. Однако, отступая от полной изоляции во внешних морских связях, правительство продолжало всячески ограничивать частную купеческую китайскую торговлю. Указом 1529 г. чжэцзянским властям предписывалось пресекать связи местного населения с торговыми посредниками, изымать как «краденые» большие запасы иноземных товаров у частных лиц и следить за нарушением «сильными домами» установленных размеров морских кораблей²². В 1533 г. командованию морской обороны предписывалось повсеместно уничтожать превышающие нормативные размеры корабли и вновь подтверждался запрет на выход в море частных лиц из прибрежных провинций²³.

В источниках можно найти много фактов нарушения «запрета» в XVI в. О них говорится уже в упомянутом докладе 1525 г.²⁴ О связи местных властей с нарушителями красноречиво свидетельствует упомянутое выше «дело» начальника

²⁰ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 44.

²¹ «Мин ши», цз. 325, стр. 31776(2).

²² Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 44.

²³ Там же, стр. 45.

²⁴ Там же, стр. 44.

гуандунского управления торговых кораблей Нью Жуна в 1522 г., который через подставных лиц закупал товары с иноземных кораблей. Современники отмечали бесполезность попыток соблюдения «морского запрета»: «Частный выход [в море и частноторговые] связи невозможно прекратить; там, где дело касается крупных прибылей, людей не остановить даже угрозой смерти»²⁵.

Жесткие меры, предпринятые правительством Китая для пресечения внешних морских связей в 1521—1529 гг., и последующие ограничения частной морской торговли привели к невиданному распространению пиратов у берегов страны. В середине XVI в. образовались целые флотилии пиратских кораблей. Наиболее известными их руководителями в XVI в. были Сюй Дун, Чэнь Сы-пань, Ван Чжи, У Пин, Цзэн И-бэнь, Линь Дао-цзянь, Линь Фэн, Ли Гуан-тоу и Чжан Лянь.

К середине XVI в. все китайские морские «пираты» объединились в двух группировках — хуйчжоуской во главе с Сюй Дуном и фуцзяньской во главе с Чэнь Сы-панем. Между ними шла долгая борьба, закончившаяся объединением под началом Ван Чжи обеих групп. У Ван Чжи был даже свой флаг, и ни один корабль не выходил в море без его ведома²⁶.

Когда правительственный флот разгромил основные силы Ван Чжи, он отошел к берегам Японии и совместно с японскими кораблями стал совершать нападения на побережье Китая. Только в 1557 г. правительственным войскам удалось схватить Ван Чжи. Однако его подчиненные и союзники продолжали чинить морской разбой.

Пользуясь создавшимся положением, многие крупные японские феодалы, особенно из южной части Японии, в 20—60-х годах XVI в. очень широко практиковали отправку вооруженных кораблей к берегам Китая. Они вступали в контакт с китайскими пиратами и «сильными домами» прибрежных провинций Китая, связанными с морской торговлей, и занимались контрабандой и вооруженным грабежом. Их деятельность тесно переплеталась с действиями китайских «пиратов» и частных торговцев, однако в китайских источниках действия правительственных войск и флота береговой обороны и против тех и против других именуется в целом «борьбой с японскими пиратами». В одном из более поздних докладов императору дается следующая характеристика событий середины XVI в.: «Случившиеся в прежние годы беды от японских пиратов произошли оттого, что лукавый люд выходил в море частным образом, вступая в связи с именитыми домами (да син) и прикидывая, какую запросить цену»²⁷.

²⁵ «Чжунго тунши цзяньбянь», стр. 822.

²⁶ Lin Yu, *China's Expansion in the South Seas*, pp. 454—455.

²⁷ «Мин ши», цз. 323, стр. 31756(1).

Получалась своего рода обратная зависимость: введение строгого «морского запрета» китайским правительством с 20-х годов XVI в. способствовало росту морского разбоя у берегов Китая, а рост морского разбоя подталкивал правительство на усиление мер по соблюдению «морского запрета».

К так называемым японским пиратам примкнули и португальцы. Так, морской разбойник, известный в китайских источниках под именем Чжан Ляня, был католическим монахом Жуаном де ля Консепсионом²⁸.

Потерпев неудачу со своим посольством и понеся поражение в вооруженных столкновениях с китайцами в 1517—1523 гг. у берегов Гуандуна, португальцы перенесли центр своей торговой активности в отношении Китая к берегам Фуцзяни и Чжэцзяна. Сначала, остерегаясь новых столкновений, португальцы вели обычную частную торговлю с китайскими властями и населением. Они доставляли в Китай товары стран Южных морей — черный перец, различные породы древесины, слоновую кость, благовония, специи, занимаясь по существу коммиссионной торговлей.

Местные власти прибрежных провинций, заинтересованные в развитии внешнеторговых связей, смотрели сквозь пальцы на эту торговлю, хотя и после 1529 г. связи с португальцами были строго воспрещены. Часто португальцы подкупали местных чиновников или перепродавали свои товары через посредство привозимых ими на своих кораблях китайских переселенцев из стран Южных морей. Китайскому населению было выгодно торговать с португальцами еще и потому, что, как отмечает Т. Фуцзита, последние широко закупали в Китае провиант по очень высокому ценам²⁹.

Затем португальцы основали свою торговую базу на прибрежных островах близ Нинбо. По некоторым данным, к концу 40-х годов XVI в. там жило 800—1200 португальцев³⁰. Они стали предпринимать совместные операции с китайскими и японскими пиратами и даже совершили нападение на г. Чжанчжоу³¹. Действия португальцев и пиратов у берегов Фуцзяни и Чжэцзяна обратили на себя внимание центрального китайского правительства, которое реагировало на это новым усилением «морского запрета» в 40-х годах XVI в.

В 1547 г. сановник Чжу Вань был назначен начальником морской обороны Фуцзяни и Чжэцзяна и военным губернатором Чжэцзяна с самыми широкими полномочиями в отношении действий против пиратов и португальцев. Китайский флот был двинут против португальцев и имел с ними несколько столкновений близ берегов указанных провинций. В резуль-

²⁸ Т. Фуцзита, *Чжунго Нань хай гудай цзяотун ца као*, стр. 413—414.

²⁹ Там же, стр. 403.

³⁰ Н. В. Кюннер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 22.

³¹ Цзе Цзы, *Пу tao я циньчжань Аомэнь ши кэ*, стр. 19.

гате в 1547—1548 г. португальцы вынуждены были уйти оттуда и покинуть свою факторию около Нинбо. Интересно отметить, что бой на море под Нинбо шел несколько дней и португальцы не уходили, пока им не удалось сбыть местным китайским прибрежным властям все имевшиеся в трюмах и хранившиеся в фактории товары³².

В 1549 г. Чжу Вань наглухо блокировал с моря побережье Фуцзяни и Чжэцзяна. Пытаясь добиться соблюдения «морского запрета», он казнил всех нарушителей. Это положение совершенно не устраивало местные власти и частных лиц, связанных с морской торговлей. Как отмечено в источниках, «все фуцзяньцы и чжэцзянцы ненавидели Чжу Ваня»³³. В столицу стали поступать жалобы на Чжу Ваня с обвинениями в превышении им полномочий и казни невинных людей. Цензор, присланный из столицы для расследования дела, подтвердил вину Чжу Ваня. Самому Чжу Ваню было приказано покончить жизнь самоубийством³⁴. Многие его соратники были брошены в тюрьму³⁵.

Таким образом, в 1547—1549 г. борьба сторонников и противников развития внешних связей Китая с заморскими странами достигла наибольшей остроты и закончилась существенным поражением последней группировки. После 1549 г., как отмечено в «Мин ши», морской запрет был вновь ослаблен и морская торговля как с кораблями из стран Южных морей, так и с португальцами вновь оживилась по всему юго-восточному побережью Китая³⁶.

С 50-х годов XVI в. центр деятельности португальцев в Китае вновь передвинулся к берегам Гуандуна. Еще в 1535 г. получивший от португальцев взятку сановник Хуан Цин настоял на переносе гуандунского управления торговых кораблей в район Макао³⁷. С этого времени здесь велась оживленная морская торговля, и ежегодные поступления налогов с нее составляли 20 тыс. лян золотом. Есть данные, что уже в 1537 г. португальцы построили на месте современного Макао торговые склады под предлогом выделения им здесь китайскими властями места для просушки товаров³⁸.

Однако португальцы не прекращали заниматься грабежом и всячески пытались захватить опорный пункт на китайской территории. Поэтому между ними и китайцами происходили постоянные столкновения у берегов Гуандуна. Наконец, в 1554 г. коммодор Лионель де Суза договорился с китайскими

³² Н. В. Кюнер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 25.

³³ Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. II, стр. 1228.

³⁴ «Мин ши», цз. 325, стр. 31784(2—3).

³⁵ Цзе Цзы, *Пу taoя циньчжань Аомэнь ши кэ*, стр. 10.

³⁶ «Мин ши», цз. 325, стр. 31784(3).

³⁷ Там же.

³⁸ Н. В. Кюнер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 23.

властями об уплате португальцами регулярной торговой пошлины. В обмен на это он получил разрешение доставлять португальские товары прямо в Гуанчжоу и создать поселение на одном из островов в устье Сицзян³⁹. В 1557 г. португальцы с помощью подкупа завладели районом Макао, построили здесь город по европейскому образцу, торговые склады и крепость.

Добившись через 40 лет после своего появления в Китае своей цели — захвата прибрежного опорного пункта, — португальцы превратили его в один из центров морской торговли. Они привлекали сюда корабли из стран Южных морей и Японии, облагая их налогом в свою пользу. Но основным назначением португальского Макао было торговое, политическое и идеологическое (религиозное) проникновение в Китай.

Однако возобновленные португальцами с середины XVI в. попытки вступить в официальные договорные отношения с центральным правительством Китая опять не имели успеха. Португальское посольство 1552 г. не дошло до Китая. Неудачной была попытка 1562 г. добиться разрешения на католическую миссионерскую деятельность: португальский посол не имел при себе «дани» и отказался выполнить церемониал «вассального» посланца⁴⁰. Тогда в 1565 г. португальцы назвали послами Малакки и доставили «дань». Но и этот маневр не удался⁴¹.

Поскольку португальцы не имели официальных отношений с китайским правительством, у них не было никаких формальных прав на Макао. (Китай признал его португальским владением лишь в 1887 г.) Однако по договоренности, не закрепленной никакими соглашениями с местными гуандунскими властями, португальцы один раз в три года выплачивали «дань», а по существу арендную плату за Макао. До 1572 г. эта «дань» шла в карман начальника морской обороны провинции Гуандун, а затем стала отправляться в императорскую казну. В 1588 г. был точно установлен размер этой «дани» — 501 лян серебром⁴².

В 1583 г. португальцы с помощью взяток добились от гуандунских властей признания «самоуправления» Макао. В 1586 г. в городе была введена муниципальная система управления (сенат из шести человек и градоначальник). Пост «управляющего городом от имени китайского императора» с 1587 г. существовал лишь формально⁴³.

С отторжением португальцами Макао и превращением его в центр морской торговли дальнейшие попытки строго придер-

³⁹ Там же, стр. 23, 26.

⁴⁰ Там же, стр. 17.

⁴¹ «Мин ши», цз. 325, стр. 31784(3).

⁴² Н. В. Кюннер, *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, стр. 29—

⁴³ Там же, стр. 31—32.

живаться морского запрета у берегов Гуандуна стали бесполезны. Снова на имя императора стали поступать доклады с предложениями ослабить морской запрет. Сторонники его отмены были теперь и среди высших сановников в столице. Так, в 1556 г. такой доклад подал начальник Военного ведомства⁴⁴. Не хотели отставать от своих южных соперников по торговле — гуандунцев — местные власти провинций Фуцзянь и Чжэцзян. Всего через три года после захвата Макао — в 1560 г. — один из местных военных губернаторов, Тан Шунь-чжи, настаивал на возобновлении деятельности управлений торговых кораблей в Фуцзяни и Чжэцзяне⁴⁵. Это открывало пути к полной легализации внешней морской торговли на восточном побережье Китая. Правда, в 1565 г. управления здесь были вновь закрыты⁴⁶. Но уже начиная с 1567 г. китайское правительство стало постепенно отказываться от попыток полного запрещения внешней морской торговли как иноземцев в Китае, так и китайцев в заморских странах. Начало этому было положено стараниями военного губернатора Фуцзяни и столичного цензора Ту Цзэ-миня. В 1567 г. он предложил отменить «морской запрет» на связи со всеми заморскими странами, кроме Японии, а все торговые корабли поделить на две категории — Западного океана и Восточного океана — и облагать их налогами. В последующие годы китайское правительство перешло к этой системе⁴⁷.

Однако, отступая от строгого соблюдения морского запрета, поддерживать который стало практически невозможно, китайское правительство попыталось сохранить тщательный контроль над частной внешней морской торговлей. В целях сдерживания развития этой торговли, а также извлечения из нее прибылей центральной казной начиная с 1567 г. и в течение ряда последующих лет был введен новый порядок налогообложения частных торговых кораблей.

Каждый выходящий в море корабль должен был получать специальное свидетельство (инь пяо) на выход. При выдаче свидетельства взимался налог (инь шуй). Сначала он составлял три лян серебром, затем шесть лян. Кроме того, взимался налог с размеров корабля (шуй сянь). С кораблей, шедших в западную часть района Южных морей и Индийский океан, имевших в ширину 1 чжан 6 чи (5 м 12 см), полагалось брать по пять лян серебром с каждого чи (32 см). Если же ширина корабля была больше 5 м 12 см, то с каждым лишним чи сумма налога возрастала еще на 5 цзянь (18,5 г) серебром. С кораблей, шедших в восточную часть района Южных морей и Японию, общая сумма налога была на 30% меньше.

⁴⁴ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, стр. 46.

⁴⁵ «Мин ши», цз. 81, стр. 29035(4).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Чжан Се, *Дун си ян као*, цз. 7, стр. 89.

При возвращении торгового корабля взимался налог с доставленного товара (лу сян). Различные виды и сорта товара оценивались, и с каждого из них бралось определенное отчисление в деньгах. Так, например, для черного перца и сапановой древесины налог составлял по два фэня (т. е. около 7,4 г) с каждого цзиня (597 г). Кроме того, существовали «дополнительные» налоги (цзя цзэн сян). Они брались, например, при ввозе серебряной валюты и других особенно ценных грузов⁴⁸.

Эта система налогообложения оформилась в районе Чжанчжоу между 1567 и 1575 гг. В конце XVI в. в Китае не было единой системы налогов, но приблизительно аналогичные формы были характерны и для других торговых портов юго-восточных провинций.

Для иноземных торговых кораблей, приходивших в Китай, также не существовало единого порядка налогообложения. В некоторых случаях с них по-прежнему взималось «процентное отчисление». Но после 1567 г. и с них иногда стали взимать налоги с размеров корабля и с доставленного товара.

Поступления от налогов в конце XVI в. стали весьма существенной статьей дохода центральной казны и финансов местных властей. В 70-х годах XVI в. ежегодные поступления от обложения морской торговли только в районе Чжанчжоу составляли около 29 тыс. лян серебром, а в районе Макао — от 22 тыс. до 26 тыс. лян серебром⁴⁹.

Несмотря на все ограничения частной морской торговли, изменение торговой политики минского правительства после 1567 г. создало условия для дальнейшего ее расширения. Видный китайский мыслитель XVII в. Гу Янь-у писал как об обыденном деле, что в конце XVI в. «морские торговцы собирали деньги в складчину среди своих земляков, строили корабли, грузили их местной продукцией и отправлялись в обход Восточного и Западного океанов вести торговлю с различными странами на островах в море»⁵⁰. Сохранились некоторые данные, позволяющие судить о масштабах этой торговли. По китайским сведениям, к концу XVI в. в Сиам и Сингапур ежегодно приходило более сотни китайских кораблей закупать рис и другие товары⁵¹. По данным ранних испанских колонизаторов, на Филиппинских островах только в 1583 г. побывало 200 китайских торговых судов⁵².

Попытки минского правительства строго придерживаться политики «морского запрета» в середине XVI в. вызвали даль-

⁴⁸ Там же, стр. 90, 95—98.

⁴⁹ Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маоу цзяньлунь*, стр. 51—52.

⁵⁰ Ли Цзянь-нун, *Сун, Юань, Мин цзинцзи ши гао*, стр. 175.

⁵¹ Чжан Си-лунь, *Шу-лю-ци шицзи-цзянь Чжунго цзай Иньдучжина цзи Нань ян цюньдао-ды маоу*, стр. 25.

⁵² V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, p. 587.

нейшее увеличение числа китайских переселенцев в странах Южных морей. Все больше китайских торговцев из юго-восточных приморских провинций Китая вынуждено было в поисках выгодных условий для своей деятельности покинуть родину. Вместе с тем шло дальнейшее упрочение хозяйственного и политического положения китайских переселенческих общин в странах Южных морей. В. Парселл приводит, например, сведения об основании китайскими купцами торгового города Файфо в центральной части вьетнамского побережья⁵³. В Палембанге, который, по данным китайских источников, являлся в конце XVI в. крупным центром международной морской торговли⁵⁴, контроль над ней захватил в свои руки один из китайских переселенцев. Он организовал здесь службу наподобие управлений торговых кораблей, функционировавших в Китае⁵⁵.

Средоточием не только китайской, но и международной морской торговли в странах Южных морей стали другие китайские переселенческие колонии. Вот как описывается, например, торговля в г. Гресе в «Мин ши»: «Синьцунь более других мест славится своим богатством. Китайские торговые корабли и торговые корабли всех иноземцев стекаются сюда. Драгоценных товаров здесь полным-полно»⁵⁶. Выходец из китайских переселенцев во второй половине XVI в. захватил власть в Поло⁵⁷. Другой китаец тогда добился высокого положения при правителе Бони⁵⁸. Много китайцев в XVI в. служило на государственной службе в Сиаме⁵⁹.

После изменения минским правительством своей внешне-торговой политики в конце XVI в. поток китайских переселенцев в страны Южных морей не ослабевал. По испанским данным, в районе г. Манилы (Филиппины) к моменту основания здесь испанского форта (1571 г.) жило 40 китайцев, а в 1588—1590 гг.— от 6 тыс. до 10 тыс.⁶⁰. Известно, что к началу XVII в. здесь насчитывалось около 25 тыс. китайских переселенцев⁶¹. Постоянный отлив людей в страны Южных морей в указанное время объясняется прежде всего тем, что здесь был гораздо больший простор для частновладельческой инициативы, чем в скованном феодальными пережитками Китае.

Характерно, что внешнеполитический поворот конца 60-х и 70-х годов XVI в. в отношении с заморскими странами про-

⁵³ Ibid., p. 222.

⁵⁴ Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, стр. 31.

⁵⁵ «Мин ши», цз. 324, стр. 31773(3).

⁵⁶ Там же, стр. 31772(1).

⁵⁷ «Мин ши», цз. 323, стр. 31753(1).

⁵⁸ «Мин ши», цз. 325, стр. 31776(3).

⁵⁹ Чжан Си-лунь, *Шу-лю-ци шицзи-цзянь Чжунго цзай Иньдучжина цзи Хань ян цюньдао-ды маои*, стр. 23.

⁶⁰ V. Purcell, *The Chinese in Southeast Asia*, pp. 582, 585.

⁶¹ «Мин ши», цз. 323, стр. 31756(3).

слеживается именно в сфере торговой политики минского правительства. Документы об изменениях в области дипломатических связей Китая с заморскими странами отсутствуют: запрет на «официальные» связи 1521—1523 гг. не отменялся каким-либо специальным актом. Между тем в источниках все же встречаются редкие упоминания о посольствах с «данью» в середине XVI в. Объяснение этому «противоречию» лежит в следующем. Хотя к началу XVI в. система номинального вассалитета стран Южных морей пришла в упадок, минские власти до этого времени не шли на полное прекращение «официальных» связей. Однако распространение на них запрета, вызванного португальской экспансией, нанесло последний, завершающий удар по системе «официальных» отношений Минской империи со странами Южных морей. Один из столичных цензоров в своем докладе от 1530 г. писал по этому поводу: «Дань, доставляемая пятью странами — Сиамом, Тямпой, Рюкю, Явой и Бони, — одинаково идет через уезд Дунгуань (в провинции Гуандун, т. е. поступает морским путем. — А. Б.). Недавно ввиду того что [с данью] незаконным образом прибыли купцы, [принятие] дани из этих [стран] было по большей части прекращено. В годы правления Чжэндэ (1506—1521 гг. — А. Б.) из-за бед, причиненных вторжением португальцев, отношения [с иностранцами] были полностью прерваны»⁶².

Однако было бы неправильно полагать, что окончательное крушение системы номинального вассалитета стран Южных морей произошло именно в 1521—1523 гг. Оно связано с довольно длительным периодом соблюдения минскими властями «морского запрета» — с 20-х до 60-х годов XVI в. — и одновременного усиления позиций западноевропейских колонизаторов в районе Южных морей.

Результаты падения этой системы стали очевидны во второй половине XVI в. Фактически «официальных» посольских связей между Китаем и странами Южных морей к этому времени не существовало. У большинства из них сложились такие же отношения с Китаем, как, например, у страны Бони, о которой в «Мин ши» сказано: «Впоследствии (с конца XVI в. — А. Б.) хотя из той страны не присылалось больше дани двору, но купцы оттуда непрерывно приезжали в Китай и уезжали обратно»⁶³.

Единственной страной Южных морей, продолжавшей поддерживать с Китаем посольские связи морскими путями, был Сиам. Однако ни о каком, даже номинальном, вассалитете Сиам в конце XVI в. не может быть и речи. Китайские источники отмечают, что конец XVI в. был временем усиления Сиам, расширения его влияния на соседние страны Индокитай-

⁶² «Мин ши», цз. 325, стр. 31777 (2).

⁶³ Там же, стр. 31776 (2—3).

ского полуострова и господства его кораблей в близлежащей части Южных морей⁶⁴. К тому же за все XVI столетие зафиксировано лишь девять посольств из Сиама⁶⁵.

Именно потому, что системы «официальных» связей между Китаем и странами Южных морей ко второй половине XVI в. уже не существовало, минские власти не считали нужным отменять запрет на эти связи, принятый в 1521—1523 гг., какими-либо специальными указами. Иначе говоря, запрещать в этом отношении было нечего. Те же единичные посольские миссии, которые еще прибывали в Китай в середине XVI в., — посольство от потомков правителей Тямпы в 1543 г. и несколько посольств из Сиама, — принимались, как прежде, и регистрировались в источниках как «даннические», ибо в целом вопрос о запрете на «официальные» связи уже не мог стоять.

Это отнюдь не значит, что после введения строгого запрета на связи с заморскими странами в 1521—1523 гг. не делалось попыток возродить прежнюю систему. Как уже отмечалось, многие сторонники развития внешних связей в своих петициях-докладах выдвигали предложения именно за восстановление прежней системы «официальных» отношений. Однако это могло привести лишь к временному восстановлению тех или иных элементов этой системы (например, разрешение на торговлю через государственные каналы в 1529 г.). Возрождение же ее в целом было невозможно по двум причинам. Во-первых, разложение системы номинального вассалитета, наметившееся во второй половине XV в., логически должно было привести к ее краху и без приводящих факторов. Во-вторых, вторжение на Дальний Восток западноевропейских колонизаторов в течение XVI в. продолжало расширяться. Политика Португалии, а затем других колониальных держав в районе Южных морей была рассчитана на монопольный захват здесь преобладающих политических и торговых позиций. Для восстановления прежнего китайского влияния в этом районе потребовалась бы решительная борьба на торговых путях в Южных морях с португальскими, испанскими, а затем голландскими и английскими колонизаторами. Это было бы возможно лишь при условии коренного изменения всей политики минского правительства. Практически такой поворот означал бы реальное вступление китайского правительства на путь колониальной политики. Однако в XVI в. предпосылок для вступления Минской империи на этот путь оказалось еще меньше, чем в начале XV в. Глубокий социально-экономический и политический кризис, который назревал в течение всего XVI столетия под влиянием усиления феодальной тенденции во многих областях внутренней жизни страны, привел к тому, что китайское пра-

⁶⁴ «Мин ши», цз. 324, стр. 31769(3—4).

⁶⁵ J. K. Fairbank, S. Y. Teng, *On the Ching Tributary System*, p. 157.

вительство оказалось не в состоянии не только отстаивать свое влияние за рубежом, но и защищать свою собственную территорию от посягательств западноевропейских колонизаторов.

Если для защиты китайского побережья правительство все же пыталось принимать меры, то нечего было и думать о какой-либо протекции с его стороны китайским торговцам и переселенцам в заморских краях, даже после отступления от политики «морского запрета». А такая поддержка, хотя бы в декларативной форме, была им очень нужна в связи с тем, что расширяющаяся экспансия западноевропейских колонизаторов все больше ущемляла китайские интересы в странах Южных морей. Вот как, например, описываются результаты этого вторжения в «Мин ши»: «С момента покорения [Малакки] португальцами местные нравы сразу изменились. Торговые корабли стали редко заходить сюда, в большинстве случаев направлялись прямо в страну Самудра. Однако все проходившие мимо той страны корабли теперь обязательно перехватывались на дороге и подвергались ограблению. Морские пути почти совсем прервались»⁶⁶.

Кроме Малакки нападениям и ограблениям португальцев подвергались Молуккские острова, о-ва Сулу, о-в Калимантан и другие районы Южных морей. Затем последовало вторжение испанских колонизаторов на Филиппинские острова. Наконец, в 1595 г. у берегов Явы появились первые голландские корабли, после чего начался захват этого острова Голландией. Произошли нападения голландцев на о-в Сулавеси и на Молуккские острова. Район Южных морей становился ареной португальско-испанского, а затем испано-голландского соперничества.

Это не могло не наносить серьезного ущерба как самим странам Южных морей, так и политическим и торговым связям между ними и Китаем. «В то время португальцы уже подчинили себе Малакку, а вслед за тем и Лусон⁶⁷. Силы их окрепли, и они своевольничали в заморских странах. Затем они захватили Макао... Беды от них достигли даже Гуандуна»⁶⁸, — записано в «Мин ши». Между тем усиление политики «морского запрета» в 20—60-х годах XVI в. еще более ослабило китайские позиции и облегчило укрепление политического и торгового преобладания первых западноевропейских колонизаторов в этом районе.

В самом начале XVII в. наиболее предприимчивые торговые дома Западной Европы, заручившись политической, финансовой и военной поддержкой своих правительств, приступили к систематической эксплуатации стран Азии, Африки и

⁶⁶ «Мин ши», цз. 325, стр. 31778(3).

⁶⁷ Ранние китайские источники не делали различия в терминологии между португальцами и испанцами.

⁶⁸ «Мин ши», цз. 323, стр. 31756(4).

Латинской Америки. В 1600 г. была основана английская Ост-Индская компания, в 1602 г. — голландская Ост-Индская компания, ставившие своей задачей монопольный захват и эксплуатацию стран Южной Азии и Южных морей. Голландия и Англия в XVII в. вытеснили своих соперников — Португалию и Испанию — из многих районов Южных морей, открыв новый этап в колониальной политике европейских держав.

Минское правительство никак не реагировало на эти перемены. Его единственная попытка отстоять китайские интересы на Филиппинах на рубеже XVI—XVII вв. окончилась полной неудачей. Вместо решительных действий по налаживанию там горноразработок, в частности добычи драгоценных металлов, что намеревались сделать некоторые энтузиасты, минский двор послал туда своеобразную комиссию, которая должна была выяснить, сколь это возможно. Входящие в это посольство высокомерные чиновники сумели своим поведением настроить против себя местную знать и возвратились ни с чем. Однако этот случай насторожил испанских колонизаторов, которые переселили во все усиливающихся позициях китайских переселенцев и торговцев на Филиппинах угрозу своему владычеству. В 1603 г. они спровоцировали резню китайцев в районе Манилы, в результате чего погибло около 25 тыс. китайских колонистов и торговцев. Характерно, что испанцы, опасаясь реакции со стороны Китая, послали в Пекин специальное разъяснение по поводу своих действий, в котором оправдывали себя и обвиняли во всем китайцев. Сторонники всемерного сокращения внешних связей в Китае воспользовались этим для нападок на инициаторов создания горноразработок на Филиппинах. И тогда специальным императорским указом вся вина за случившееся была возложена на самих китайцев⁶⁹.

Отказ китайского правительства от активной внешней политики в странах Южных морей в XVI в. и его нежелание поощрять и защищать внешнеторговые интересы Китая в этом районе свидетельствуют о том, что сторонники развития внешней торговли и активизации внешней политики в заморских странах в XVI в. оказались недостаточно сильными для того, чтобы добиться проведения нужного им курса. Их экономическая база была слишком узкой, чтобы Китай, оставшийся феодальной страной, смог, как некоторые другие страны того времени, перейти к так называемому первоначальному накоплению капитала. Они оказались не в состоянии заставить китайское правительство встать на путь последовательного проведения колониальной политики в странах Южных морей. Нет сомнения, что тенденции к расширению внешних связей Китая с этими странами нанесло ущерб начавшееся в XVI в. вторжение сюда первых западноевропейских колонизаторов. Соче-

⁶⁹ «Мин ши», цз. 323, стр. 31756(2—3).

тание этих внутренних и внешних факторов и привело к тому, что в рассматриваемый период указанная тенденция не смогла одержать верх.

* * *

На протяжении рассматриваемых двух с половиной столетий произошли весьма существенные изменения во всем комплексе внешних связей Китая со странами Южных морей. Система номинального вассалитета этих стран, которую пытались поддерживать китайское правительство, прошла в своей эволюции целый ряд этапов — от становления основных теоретических и практических положений и методов (1368—1402) к расцвету (1403—1435), через постепенный упадок (1436—1515) к окончательному разложению (с 20-х годов XV в.). Эта эволюция отражает два периода в развитии внешнеполитических отношений Китая со странами Южных морей в рассматриваемое время: 1) период активизации китайской политики (конец XIV — середина XV в.), 2) период спада активности (середина XV — конец XVI в.).

Внешнеторговые отношения между Китаем и указанными странами в течение рассматриваемого времени также претерпели определенные перемены. Казенная, централизованная торговля, развивавшаяся китайским правительством в конце XIV — середине XV в., со второй половины XV в. все более уступала частноторговому внешним морским связям.

Как система внешнеполитических, так и внешнеторговых связей Китая с заморскими странами вообще и странами Южных морей в частности в том виде, в котором она существовала в конце XIV—XVI вв., была связана с предшествующим развитием отношений между Китаем и этими странами. Но она ни в коей мере не была простым синтезом выработанных ранее норм и методов поддержания внешних сношений, а послужила для Китая дальнейшим и весьма существенным шагом вперед в этом отношении.

Значение рассматриваемого периода определяется его влиянием на последующие отношения Китая со странами Южных морей и зарубежными государствами вообще. В XVI в. система поддержания номинального вассалитета этих стран пришла в упадок. Практических шагов к созданию хотя бы видимости существования этой системы, аналогичных предпринятым в конце XIV и XV в., больше уже не делалось.

Однако, отказавшись на практике от целенаправленной политики поддержания номинального вассалитета стран Южных морей, китайское правительство ни в XVI в., ни позже не желало изменять тех идеологических принципов, на которых оно строило свои внешнеполитические отношения. И в XVI в. и позже китайский императорский двор не переставал претен-

довать на predeterminedный номинальный созеренитет над всеми заморскими странами. Коренные изменения, происшедшие во всей обстановке в Южных морях и в отношениях Китая с этими странами, не принимались им в расчет. Упомянутая догма в применении как к странам Южных морей, так и ко всем остальным странам продолжала культивироваться в Китае вплоть до середины XIX в. Ее признание среди китайской верхушки и довольно широких кругов интеллигенции стало как бы правилом хорошего тона, литературным штампом, употребляемым во многих официальных документах. Именно это заставило Линь Цзэ-сюя, которого вряд ли можно обвинить в полном непонимании реальной международной обстановки своего времени, писать в проекте послания королеве Виктории в 1839 г.: «Влияние Небесной династии распространяется на все государства мира...»⁷⁰. А в докладе императору от 1841 г. он опять-таки отмечал: «Наша династия управляет Серединой империей и чужими народами...»⁷¹.

В стойком сохранении такого «традиционного» отношения к иноземцам несомненно сыграла большую роль система внешних отношений, практиковавшаяся минским правительством и показанная нами на примере связей Китая со странами Южных морей. Последующее цинское правительство заимствовало из этой системы и некоторые практические мероприятия. Почти без изменений был воспринят дипломатический ритуал приемов, обедов и прочих церемоний, практиковавшийся в конце XIV—XVI в. Как и прежде, до середины XIX в. не было специального правительственного органа, ведавшего дипломатическими связями с заморскими странами⁷². Помимо того, политика «закрытия страны», т. е. ограничение внешних морских связей, взятая на вооружение цинским правительством во второй половине XVII и в XVIII в., проводилась по примеру минских ограничений дипломатических и частноторговых связей с заморскими странами.

Нет сомнения, что с XVII в. в связи с изменениями в районе Южных морей, а позже и в самом Китае начинается новый период в истории его внешних отношений с заморскими странами. Но значение предшествующего этапа взаимоотношений между ними, где существенную роль играли отношения со странами Южных морей, от этого не уменьшается. Он оказал большое влияние на китайскую внешнеполитическую и внешнеторговую практику последующих времен.

⁷⁰ «Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени». М., 1961, стр. 58.

⁷¹ Там же, стр. 60.

⁷² Созданная в XVII в. Палата внешних сношений (Ли Фань юань) ведала лишь отношениями с северными и западными соседями Китая. Связи с заморскими странами по-прежнему были в руках Ведомства обрядов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды классиков марксизма-ленинизма

- Маркс К. и Энгельс Ф., *Манифест Коммунистической партии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 419—459.
- Маркс К., *Гражданская война во Франции*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 17, стр. 317—370.
- Маркс К., *Капитал*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, 24, 25.
- Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 23—178.
- Энгельс Ф., *О разложении феодализма и возникновении национальных государств*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 406—416.
- Энгельс Ф., *Энгельс — Карлу Каутскому, 12 сентября 1882 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 35, стр. 296—298.
- Энгельс Ф., *Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 37, стр. 414—422.
- Ленин В. И., *К характеристике экономического романтизма*, — Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 119—262.
- Ленин В. И., *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 1—609.
- Ленин В. И., *Еще к вопросу о теории реализации*, — Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 67—87.
- Ленин В. И., *Китайская война*, — Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 378—383.
- Ленин В. И., *Карл Маркс*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 43—93.
- Ленин В. И., *Крах II Интернационала*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 209—265.
- Ленин В. И., *Социализм и война*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 307—350.
- Ленин В. И., *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 299—426.
- Ленин В. И., *Внешняя политика русской революции*, — Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 335—337.
- Ленин В. И., *Государство и революция*, — Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 1—120.
- Ленин В. И., *О государстве*, — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 64—84.
- Ленин В. И., *Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 215—235.

Источники

На китайском языке

王式, 平蠻錄, — 紀錄彙編, 長沙, 1938, 卷40.

Ван Ши, *Пин мань лу*, — «Цзи лу хуй бянь», цз. 40, Чанша, 1938 (кисл. изд.).

顧起元, 客座贅語.

Гу Ци-юань, *Кэ цзо чжуй юй*, [б. м.], 1617 (рукопись).

廣東通志, 古今圖書集成, 上海, 1934, 卷89-104.

«Гуандун тун чжи», — «Гу цзинь ту шу цзи чэн» (далее: ГЦТШЦЧ), Шанхай, 1934, цз. 89—104.

鞏珍, 西洋番國志, 北京, 1961.

Гун Чжэнь, *Си ян фань го чжи*, Пекин, 1961.

大明律, 東京, 1923.

«Да Мин люй», Токио, 1723 (ксил. изд.).

«Доклады императорам Дайминской династии из иноземных и даннических стран», [б. м.], [б. г.], (рукопись).

李賢, 大明一統志, — 古今圖書集成, 上海, 1934, 卷89-104.

Ли Сянь, *Да Мин и тун чжи*, — ГЦТШЦЧ, цз. 89—104, Шанхай, 1934.

龍文彬, 明會要, 北京, 1956.

Лун Вэнь-бинь, *Мин хуй яо*, т. I—II, Пекин, 1956.

馬歡, 瀛涯勝覽校注, 馮承鈞校注, 北京, 1955.

Ма Хуань, *Ин я шэн лань цзяочжу*, комментарии Фэн Чэн-цзюня, Пекин, 1955.

明史, — 二十四史, 上海, 1958, 本22-24.

«Мин ши», — «Эрши сы ши», т. 22—24, Шанхай, 1958.

閩書, — 古今圖書集成, 上海, 1934, 卷89-104.

«Минь шу», — ГЦТШЦЧ, цз. 89—104, Шанхай, 1934.

徐溥, 大明會典, — 古今圖書集成, 上海, 1934, 卷89-104.

Сюй Бо, *Да Мин хуй дянь* — ГЦТШЦЧ, цз. 89—104, Шанхай, 1934.

夏燮, 明通鑑, 上海, 1959.

Ся Се, *Мин тун цзянь*, т. 1—4, Шанхай, 1959.

譚希思，明大政纂要。

Тань Си-сы, *Мин да чжэн цзуань яо*, [б. м.], [б. г.] (ксил. изд.).

費信，星槎勝覽校注，馮承鈞校注，北京，1954。

Фэй Синь, *Син ча шэн лань цзяочжю*, комментарии Фэн Чэн-цзюня, Пекин, 1954.

黃省曾，西洋朝貢典錄，一叢書集成，1935。

Хуан Син-цзэн, *Си ян чао гун дянь лу*, — «Цун шу цзи чэн», [б. м.], 1935.

介子(編)，葡萄牙侵佔澳門史料，上海，1961。

Цзе Цзы (составитель), *Путоая циньчжань Ломэнь ши кэ*, Шанхай, 1961.

張燮，東西洋考，上海，1934。

Чжан Се, *Дун си ян као*, Шанхай, 1937.

趙汝适，諸番志校注，馮承鈞校注，北京，1956。

Чжао Жу-гуа, *Чжу фань чжи цзяочжю*, комментарии Фэн Чэн-цзюня, Пекин, 1956.

朱思，廣輿圖。

Чжу Сы, *Гуан юй ту*, [б. м.], [б. г.] (ксил. изд.).

祝允明，前聞記，一紀錄彙編，長沙，1938，卷202。

Чжу Юнь-мин, *Цянь вэнь цзи*, — «Цзи лу хуй бянь», цз. 202, Чанша, 1938 (ксил. изд.).

鄭曉，皇明四夷考，北平，1937。

Чжэн Сяо, *Хуан мин сы и као*, Бэйпин, 1937.

鄭和航海圖，北京，1961。

«Чжэн Хэ хан хай ту», Пекин, 1961.

尤侗，外國傳。

Ю Тун, *Вай го чжуань*, [б. м.], [б. г.] (ксил. изд.).

嚴從簡，殊域周咨錄。

Янь Цун-дянь, *Шу юй чжоу цзы лу*, [б. м.], 1583 (ксил. изд.).

На западноевропейских языках

Cleaves F. W., *The Sino-Mongolian Edict of 1453 in Topkapi Sarayi Muzesi*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 13, 1950, № 3—4.

Phillips G., *The Seaports of India and Ceylon described by Chinese Voyagers of the XV Century*, — «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. XX, XXI, 1885, 1886.

Groeneveldt W., *Notes on the Malay Archipelago and Malacca, Batavia*, 1876.

Hirth F., Rockhill W., *Chau Ju-kua, his Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chu-fan-chi*, St. Petersburg, 1912.

Mayers W., *Chinese Exploration of the Indian Ocean during the XV Century*, — «China Review», vol. III—IV, 1874—1875.

Rockhill W., *Notes on the Relations and Trade of the China with Eastern Archipelago and the Coast of Indian Ocean in the XV Century*, — «Toung Pao», vol. XV—XVI, 1914—1915

Литература

На русском языке

- Бичурин Н. Я., *Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии*, Чебоксары, 1960.
- Бичурин Н. Я., *Очерк истории Китая*, — «Сын отечества», 1840, V.
- Бокщанин А. А., *Посещение стран Африки морскими экспедициями Чжэн Хэ в начале XV века*, — «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6.
- Бокщанин А. А., *К истории плаваний Чжэн Хэ*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», 1962, № 53.
- Бокщанин А. А., *Страны Юго-Восточной Азии и бассейна Индийского океана в китайской географической терминологии XIV—XVI веков*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», 1965, № 85.
- Боровкова Л. А., *Восстание «красных войск» и возвышение Чжу Юань-чжана*, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2.
- Бруннерт И. С., Гегельстром В. В., *Современная политическая организация Китая*, Пекин, 1910.
- Горбачева З. И., *Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР*, — «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959.
- Гриневич П., *К вопросам истории китайского феодализма*, — «Проблемы Китая», 1935, № 14.
- Губер Ал. А., *Народы Индонезии*, — «Всемирная история», т. IV, М., 1958.
- «Дипломатический словарь», т. I, М., 1960.
- Думан Л. И., *Китай в XVI—XVII веках*, — «Всемирная история», т. IV, М., 1958.
- Думан Л. И., *Чжэн Хэ*, — «Большая Советская Энциклопедия», т. 47.
- Зайченко В. Т., *Путешественники древнего Китая и географические исследования в Китайской Народной Республике*, М., 1955.
- «История дипломатии», т. I, М., 1959.
- Итс Р. Ф., Смолин Г. Я., *Очерки истории Китая*, Л., 1961.
- «Китай. Исторический очерк», — «Большая Советская Энциклопедия», т. 21.
- Конрад Н. И., *Восточная и Юго-Восточная Азия в XV веке*, — «Всемирная история», т. III, М., 1957.
- Кюннер Н. В., *Новейшая история стран Дальнего Востока*, ч. 2, вып. I, Владивосток, 1912.
- Кюннер Н. В., *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*, М., 1961.
- Нечкина М. В., *О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации*, — «Вопросы истории», 1962, № 4.
- Никольсон Г., *Дипломатическое искусство*, пер. с англ., М., 1962.
- «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», М., 1962.
- Осипов А. М., *Страны Южных морей*, — «Всемирная история», т. III, М., 1957.
- «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, пер. с кит., М., 1959.
- Паркер Э., *Китай*, пер. с англ., СПб., 1903.
- Позднеев Д. И., *К вопросу о пособиях при изучении истории монголов в период Минской династии*, СПб., 1895.
- Самойло А. С., *Колониальная политика европейских держав и создание колониальных империй*, — «Всемирная история», т. IV, М., 1958.
- Сапрыкин Ю. М., *Великие географические открытия*, — «Всемирная история», т. IV, М., 1958.
- Свет Я. М., *По следам путешественников и мореплавателей Востока*, М., 1956.

- Свет Я. М., *Дальние плавания китайских мореходов в первой половине XV века*, — «Вопросы истории, естествознания и техники», вып. 3, 1957.
- Свет Я. М., *За кормой сто тысяч ли*, М., 1960.
- Свистунова Н. П., *Материалы из «Свода законов династии Мин» о социально-экономических отношениях в Китае XIV—XVII веков*, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 3.
- Свистунова Н. П., *О свободной крестьянской собственности в начале правления династии Мин*, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3.
- Свистунова Н. П., *Пожалование государственных земель в годы правления Чжу Юань-чжана*, — сб. «Китай. Япония», М., 1961.
- Симония Н. А., *Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии*, М., 1959.
- Симоновская Л. В., *Две тенденции в феодальном обществе Китая позднего периода, доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов*, М., 1960.
- Симоновская Л. В., *Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке*, М., 1966.
- Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф., *Очерки истории Китая*, М., 1956.
- Сказкин С. Д., *История международных отношений и дипломатии в средние века*, М., 1945.
- Сказкин С. Д., *История международных отношений и дипломатии западно-европейских государств в XVI—XVIII веках*, М., 1945.
- Стужина Э. П., *Вопрос о зарождении капиталистических отношений в Китае в работах современных китайских историков*, — сб. «Средние века», вып. 12, 1958.
- Стужина Э. П., *Современная китайская историческая наука о проблемах социально-экономической истории Китая в позднее средневековье (XVI—XVIII вв.)*, — сб. «Современная историография стран зарубежного Востока», вып. I, Китай, М., 1962.
- Стужина Э. П., *Городское ремесленное производство и торговля в области Сучжоу*, — сб. «Генезис капитализма в промышленности», М., 1963.
- Сунь Ят-сен, *Программа строительства страны*, — Избранные произведения, М., 1964.
- Тихвинский С. Л., *Китай в эпоху развитого феодализма (периоды Тан и Сун) и соседние государства Восточной Азии*, — сб. «Китай. Япония», М., 1961.
- Харнский К., *Китай с древнейших времен до наших дней*, Хабаровск — Владивосток, 1927.
- Хеннинг Р., *Неведомые земли*, пер. с нем., т. 3, М., 1962; т. 4, М., 1963.
- Холл Д., *История Юго-Восточной Азии*, пер. с англ., М., 1958.
- «Хрестоматия по истории Китая в средние века», М., 1960.
- «Хрестоматия по истории средних веков», т. 2, М., 1963.
- Чжан Сюань, *Мореходство в древнем Китае*, пер. с кит., М., 1960.
- Штейн В. М., *Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав?* — «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.

На китайском и японском языках

王代之, 鄭知家鄉遺跡史話雜撮, — 光明日報.

Ван Дай-чжи, Чжэн Хэ цзясян ици ши хуа ца до, — «Гуанмин жибао», 20.IX.1962.

我國古代水上運輸的故事，于耀文編著，北京，1964。

«Во го гудай шуй-шан юньшу-ды гуши», под ред. Юй Яо-вэня, Пекин, 1964.

亦明，鄭和下西洋的歷史背景，—歷史教學，1959，№ 5。

И Мин, Чжэн Хэ ся Си ян-ды лиши бэйцзин, — «Лиши цзяосюэ», 1959, № 5.

李光壁，明代禦倭戰爭，上海，1957。

Ли Гуан-би, Мин дай юй во чжаньчжэн, Шанхай, 1957.

李光壁，明朝史略，武漢，1957。

Ли Гуан-би, Мин чао шлюэ, Ухань, 1957.

李劍農，宋元明經濟史稿，北京，1957。

Ли Цзянь-нун, Сун, Юань, Мин цзинцзи ши гао, Пекин, 1957.

林華開，中國和非洲人民友好歷史的一頁，—大公報，1962.5.22。

Линь Фэй-кай, Чжунго хэ Фэйчжоу жэньминь юхао лиши-ды и е, — «Дагун бао», 22.V.1962.

佐久門重男，明朝の海禁政策，—東方學，1953，№ 6。

Сакума С., Мэйсё но кай кин сэй саку, — «Тохо гаку», 1953, № 6.

夏璧，鄭和七使西洋往返年月及其所經諸國，—禹貢卷2，1934，№ 8。

Ся Би, Чжэн Хэ ци ши Си ян ван фань нянь юэ цзи ци соцзин чжу го, — «Юй гун», т. 2, 1934, № 8.

向達，試說鄭和，—進步日報，1951.11.13。

Сян Да, Шишо Чжэн Хэ, — «Цзиньбу жибао», 13.XI.1951.

向達，三寶太監下西洋，—旅行家，1955，12。

Сян Да, Саньбао Тайцзянь ся Си ян, — «Люйсинцзя», 1955, № 12.

吳世瑋, 中國和印度尼西亞人民的友好歷史, 一歷史教學, 1957.

У Ши-чан, Чжунго хэ Иньдунисия жэньминь-ды юхао лиши, — «Лиши цзяосюэ», 1957, № 12.

方楫, 明代的海運和造船工業, 一文史哲, 1957, №5.

Фан Цан, Мин дай-ды хай юнь хэ цаочуань гунье, — «Вэнь ши чжэ», 1957, № 5.

范文濤, 鄭和航海圖考, 重慶, 1943.

Фань Вэнь-тао, Чжэн Хэ ханхай ту као, Чунцин, 1943.

樊樹志, 航海家—鄭和, —人民日報, 1961.5.28.

Фань Шу-чжи, Ханхайцзя Чжэн Хэ, — «Жэньминь жибао», 28.V.1961.

傅衣凌, 明清時代商人及商業資本, 北京, 1956.

Фу И-лин, Мин Цин шидай шанжэнь цзи шанье цзыбэнь, Пекин, 1956.

藤田豐八, 中國南海古代交通叢考, 上海, 1936.

Фуцэита Т., Чжунго Нань хай гудай цзяотун цун као, Шанхай, 1936.

馮承鈞, 中國南洋交通史, 上海, 1937.

Фэн Чэнь-цзюнь, Чжунго Нань ян цзяотун ши, Шанхай, 1937.

韓振華, 論鄭和下面洋的性質, 一廈門大學學報, 1958, №1.

Хань Чжэнь-хуа, Лунь Чжэн Хэ ся си ян-ды синчжи, — «Сяньэнь дасюэ сюэбао», 1958, № 1.

胡代聰, 葡萄牙殖民者佔領澳門前在中國的侵略活動,
—歷史研究, 1959, № 3.

Лу Дай-цун, Путаоля чжиминьчжэ цинь чжань Ломэнь цань цзай Чжунго-ды циньлюэ ходун, — «Лиши яньцзю», 1959, № 3.

蕭伯贊, 明代海外貿易的發展與中國人在南

洋的黃金時代，— 中國史論集，重慶，1943.

Цзянь Бо-цзянь, *Мин дай хайвай маои-ды фачжань юй чжунгожэнь цзай Нань хай-ды хуанцзинь шидай*, — «Сборник статей по истории Китая», Чунцин, 1943.

張維華，明代海外貿易簡論，上海，1955.

Чжан Вэй-хуа, *Мин дай хайвай маои цзяньлунь*, Шанхай, 1955.

張德昌，明代廣州之海船貿易，— 清華學報，卷7，1932，№2

Чжан Дэ-чан, *Мин дай Гуанчжоу-чжи хайбо маои*, — «Цинхуа сюэбао», т. 7, 1932, № 2.

張錫綸，十五六七世紀間中國在印度支那及南洋群島的貿易，— 食貨，卷2，1935，№7.

Чжан Си-лунь, *Шу-лю-ци шицзи-цзянь Чжунго цзай Иньдучжина цзи Нань ян цюньдао-ды маои*, — «Ши хо», т. 2, 1935, № 7.

周一良，中國與亞洲各國和平友好的歷史，上海，1955.

Чжоу И-лян, *Чжунго юй Я-Фэйчжоу гэ го хэпин юхао-ды лиши*, Шанхай, 1955.

朱傑，鄭和，北京，1956.

Чжу Се, *Чжэн Хэ*, Пекин, 1956.

朱傑，中國和印度尼西亞人民的友誼關係和文化聯繫，北京，1956.

Чжу Се, *Чжунго хэ Иньдунисия жэньминь-ды юи гуаньси хэ вэньхуа лянъси*, Пекин, 1956.

中國古代地理學家及旅行家，翟忠義編著，濟南，1964.

«Чжунго гудай дилсюеэцзя цзи люйсинцзя», под ред. Чжай Чжун-и, Цзинань, 1964.

中國通史簡編，上海，1950.

«Чжунго тунши цзяньбянь», Шанхай, 1950.

中國和亞非各國友好關係史論叢，北京，1957.

«Чжунго хэ Я-Фэй гэ го юхао гуаньси ши луныцун», Пекин, 1957.

中國資本主義萌芽問題討論集，北京，1957。

«Чжунго цзыбэньчжун мэнъя вэньти таолунь цзи», Пекин, 1957.

鄭鶴聲，鄭和，重慶，1945。

Чжэн Хао-шэн, Чжэн Хэ, Чунцин, 1945.

鄭鶴聲，鄭和譯事彙編，上海，1948。

Чжэн Хао-шэн, Чжэн Хэ иши хуйбянь, Шанхай, 1948.

鄭鶴聲，十五世紀初葉中國與亞非國家間的友誼關係，
— 文史哲，1957, № 1.

Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь-ды юи гуаньси*, — «Вэнь ши чжэ», 1957, № 1.

鄭鶴聲，十五世紀初葉中國與亞非國家間在政治經濟和
文化上關係，— 山東大學學報，卷三，1957, № 1.

Чжэн Хао-шэн, *Шиу шицзи чье Чжунго юй Я-Фэй гоцзя-цзянь цзай чжэн-чжи, цзинцзи хэ вэньхуа-шан гуаньси*, — «Шаньдун дасюэ сюэбао», 1957, № 1.

陳懋恒，明代倭寇考略，北京，1957。

Чэнь Мао-хэн, *Мин дай во коу као лье*, Пекин, 1957.

王古魚，鄭和西征考，— 文哲季刊，卷4，1934—1935。

Ямамото, Чжэн Хэ си чжэн као, — «Вэнь чжэ цзикань», т. 4, 1934—1935.

姚珩，許鈺（編譯），古代南洋史地叢考，上海，1958。

Яо Нань, Сюй Юй, *Гудай Нань ян ши-ди цун као*, Шанхай, 1958.

На западноевропейских языках

Bau M. J., *The Foreign Relations of China*, New York—London, 1922.
Boxer C. R., *South China in the XVI Century*, London, 1953.

- Bretshneider E., *China's Intercourse with the Countries of Central and Western Asia during the XV Century*, — «China Review», vol. 4, 1875—1876.
- Cordier H., *Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers*, Paris, 1920.
- Duyvendak J. J. L., *De giraf*, — «China», 1939, № 4.
- Duyvendak J. J. L., *China's Discovery of Africa*, London, 1949.
- Duyvendak J. J. L., *Ma Huan re-examined*, — «Verhandelingen den Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam», 32, 1933, № 3.
- Duyvendak J. J. L., *Sailing Directions of Chinese Voyages*, — «Toung Pao», vol. 33, 1938.
- Duyvendak J. J. L., *The True Dates of Chinese Maritime Expeditions in the Early XV Century*, — «Toung Pao», vol. 34, livre 5, 1939.
- Duyvendak J. J. L., *Voyages de Tcheng Houo*, — «Monumenta Cartografica Africae et Aegipti», vol. 4, fasc. 4, 1939.
- Fairbank J. K., Teng S. Y., *On the Ching Tributary System*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 6, 1941, № 2.
- Fairbank J. K., *Tributary Trade and China's Relations with the West*, — «Far Eastern Quarterly», I, 1942.
- Fairbank J. K., *Trade and Diplomacy on the China Coast*, Cambridge, Massachusetts, 1953.
- Ferrand G., *Le K'ouen Louen et les navigations interocéaniques dans les mers du sud*, Paris, 1919.
- Goodrich L. C., *A Note on propas Duyvendak's Lecture on China's Discovery of Africa*, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. 14, 1952, № 2.
- Hinton H. C., *China's Relations with Burma and Vietnam*, New York, 1958.
- Leur, van J. C., *Indonesian Trade and Society*, Hague, 1955.
- Lin Yu, *China's Expansion in the South Seas*, — «Tien Hsia», vol. 3, 1936, № 5.
- Lo Jung-pang, *The Decline of Early Ming Navy*, — «Orient Extremus», 1958, № 2.
- MacNair H. F., *Chinese Abroad*, Shanghai, 1924.
- Mills J., *Malaya in the Wu Pei Chih Charts*, — «Journal of Malayan Branch of the Royal Asiatic Society», vol. 15, 1937.
- Mills J., *Notes on the Early Chinese Voyages*, — «Journal of the Royal Asiatic Society», 1951, № 3.
- Mirsky J., *The Great Chinese Travellers*, London, 1965.
- Morse H. B., MacNair H. F., *Far Eastern International Relations*, Boston — New York — Chicago, 1931.
- Mulder W., *The «Wu Pei Chih» Charts*, — «Toung Pao», vol. 37, 1944.
- Needham J., *Science and Civilisation in China*, Cambridge, vol. I, 1954; vol. 3, 1959.
- Pelliot P., *Les grands voyages maritimes chinois au début du XV siècle*, — «Toung Pao», vol. 30, 1933.
- Pelliot P., *Notes additionnelles sur Tcheng Houo*, — «Toung Pao», vol. 31, 1934—1935.
- Pelliot P., *Encore a propos des voyages de Tcheng Houo*, — «Toung Pao», vol. 32, 1936.
- Purcell V., *The Chinese in Southeast Asia*, London—New York—Toronto, 1951.
- Remer C. F., *The Foreign Trade of China*, Shanghai, 1926.
- Wiethoff B., *Die chinesische Seeverbotspolitik und der private Ueberseehandel von 1368 bis 1567*, Hamburg, 1963.

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
100	3 сн.	Ли	Хо
131	13 св.	Ли	Хо

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Становление отношений империи Мин со странами Южных морей	19
Глава II. Активизация политики Китая в странах Южных морей в начале XV в.	60
Глава III. Внутренняя борьба в Китае по вопросу о внешних связях в XV—начале XVI в.	110
Глава IV. Торговля Китая со странами Южных морей и внешнеторговая политика минского правительства	139
Глава V. Влияние вторжения на Восток первых западноевропейских колонизаторов на внешние связи Китая	182
Библиография	202

Алексей Анатольевич Бокщанин

КИТАЙ И СТРАНЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ в XIV—XVI вв.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Б. Занегина*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Технический редактор *Л. Т. Михашина*
Корректор *В. С. Имядзе*

Сдано в набор 14/XII 1967 г. Подписано к печати 3/IV 1968 г. А-03224. Формат 60×90¹/₁₆
Бум. № 1. Печ. л. 13,25+0,125 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 14,51. Тираж 1700 экз. Изд. № 1994.
Зак. № 1470. Цена 91 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, В. Кисельный пер., 4

Цена 91 коп.